МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Мишина Екатерина Максимовна

Социальный портрет репрессированного на Алтае в 1935-1937 гг.: анализ статистических и архивных источников

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук,
профессор Л.И. Бородкин

Москва – 2018

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 1
ГЛАВА 1. Историографический обзор 21
1.1. Репрессии конца 1934 – первой половины 1937 г.: общий контекст 22
1.2. Репрессивная политика в Западной Сибири 36
1.3. Исследование реконструкции социального портрета репрессированных 51
ГЛАВА 2. Источники и методы исследования 69
2.1. Книги памяти жертв политических репрессий и база данных общества «Мемориал» 70
2.2. Архивно-следственные дела репрессированных в Алтайском крае 87
2.3. Прочие источники исследования 100
2.4 Методы исследования 103
ГЛАВА 3. Механизмы репрессий и их динамика на Алтае 114
3.1. Репрессивный механизм «снизу вверх» 117
3.2. Репрессивный механизм «сверху вниз» 120
3.3. «Смешанный» тип 121
3.4. Динамика репрессий (декабрь 1934 – июнь 1937 г.) 139
ГЛАВА 4. Социальные характеристики репрессированных 159
4.1. Половозрастная структура 159
4.2. Национальная принадлежность 165
4.3. Профессиональная и социальная структура 172
4.4. Уровень образования 200
4.5. Другие социальные характеристики (по архивно- следственным делам) 206
ГЛАВА 5. Практика осуждений по статье 58 УК РСФРСР 217
5.1. Анализ частот встречаемости пунктов статьи 58 УК РСФСР в ходе репрессий на Алтае 217
5.2. Статистика деятельности органов осуждения (декабрь 1934 – июнь 1937 г.) 233
ГЛАВА 6. Социально-экономические причины репрессий 240
6.1. Социально-экономические показатели развития районов и их влияние на уровень репрессий 240
6.2. Типология районов Алтая и Ойротской АО 252
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 268
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 276
ПРИЛОЖЕНИЯ 292

Введение

1930-е гг. ознаменовались коренными изменениями в жизни государства и общества, и результаты этих преобразований были зафиксированы в Конституции 5 декабря 1936 г. в постулате о победе социализма в СССР. Однако «блестящий фасад», построенный Конституцией, декларировавшей принадлежность власти «трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся» (ст. 3 Конституции СССР), земли – колхозам (ст. 8), права на труд и отдых для рабочих (ст. 118, 119), равноправие граждан СССР (ст. 123), а также свободу слова, печати, собраний и митингов (ст. 125), скрывал за собой «фундамент» государства, построенного на принципах, далеких от конституционных. Призванная, среди прочего, показать «демократичность» политического режима Советского Союза как западному миру, так и населению СССР, Конституция замаскировала одну из главных черт становления советского режима – репрессии - как эффективный механизм осуществления задач сталинской диктатуры.

Различные виды репрессий начали применяться практически сразу после установления в стране советской власти. 5 сентября 1918 г. был подписан декрет «О Красном терроре», в 1923 г. организован первый лагерь в будущей системе ИТЛ – Соловецкий лагерь особого назначения. В конце 1920-х гг. – начале 1930-х гг. были проведены крупные судебные процессы: Шахтинское дело, «Процессы над вредителями», Академическое дело (1929-1931 гг.) и др. В репрессиях, проводимых в СССР в 1930-х гг., можно выделить несколько фаз: процессы 1930-1933 гг., связанные с коллективизацией и сопровождавшим ее «раскулачиванием», 1935 - первая половина 1937 гг. – фаза постепенного ужесточения репрессий - и самая масштабная кампания 1937-1938 гг., связанная с реализацией приказа №00447[1] и других оперативных приказов НКВД. Первая и третья фазы террора достаточно широко освещены в литературе; период с убийства С.М Кирова 1 декабря 1934 г. до конца июля

[1] Оперативный приказ №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г., с которого начался Большой террор.

1937 г. – начала осуществления репрессий в рамках массовых операций – исследован в меньшей степени. Операции Большого террора по своей направленности в определенной степени были схожи с проводившимися ранее кампаниями, что обуславливает важность изучения указанного периода для понимания репрессивной политики второй половины 1930-х гг. Интерес также представляет то, что в конце 1934 – первой половине 1937 гг., в отличие от периода Большого террора, 20,4% от всех дел было прекращено за недоказанностью обвинения.

Актуальность исследуемой темы состоит в следующем: изучение различных аспектов сталинских репрессий необходимо для понимания того, что при помощи террора невозможно эффективно решать экономические и социально-политические задачи, стоящие перед государством, которое в силу определенных обстоятельств вынуждено во многом полагаться на собственные ресурсы. В условиях, когда 36% населения страны считают сегодня, что человеческие жертвы сталинской эпохи оправданы ее «великими целями и результатами», а 32% выступают за почти полное закрытие архивов о репрессиях, так как это может нанести ущерб государственным интересам[2], необходимо появление как можно большего числа работ, показывающих, кто на самом деле становился жертвами репрессий и по каким причинам.

Репрессии 1935 – 1937 гг. освещены в литературе в основном только на уровне подготовки и проведения так называемых московских процессов. В региональном масштабе они остаются сравнительно малоизученными. В разных районах страны репрессивные волны имели определенную специфику.

Объектом исследования в данной работе являются комплекс источников по истории репрессий на Алтае и в Ойротской АО (современные Алтайский край и Республика Алтай, в рассматриваемый период - части единого Западно-Сибирского края без самоназвания) и соответствующие следственные дела по Алтаю, а также процесс, который они описывают, - политиче-

[2] Подсчитано автором по данным опроса населения России, проведенного Левада-центром 21-24 апреля 2017 г. // Аналитический центр Юрия Левады [Электронный ресурс]. – URL: https://www.levada.ru/2017/05/23/stalinskie-repressii/ (дата обращения: 25.12.2017).

ские репрессии на Алтае в середине 1930-х гг. **Предметом** исследования является реконструкция социального портрета репрессированных в двух рассматриваемых регионах.

Территориальные и хронологические рамки исследования. Хронологические рамки работы ограничены периодом от убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г., которое положило начало новому витку террора, так как позволило Сталину расправиться со своими политическими противниками[3], до 30 июня 1937 г. Хотя приказ 00447 о начале Большого террора датируется 30 июля, уже за месяц до него резко возрастает масштаб репрессий. Июль 1937 г. не рассматривается нами, так как процессы, происходившие тогда, носят принципиально отличный от указанного периода характер. К примеру, на Алтае только за 30 дней июля было арестовано и затем приговорено более 3000 человек – в два раза больше, чем за предыдущие 2,5 года. Такой масштаб репрессий больше соответствует периоду Большого террора, который, по мнению некоторых исследователей[4], мог начаться на Алтае чуть раньше других регионов – 28 июля. Частично такой размах репрессий в июле объясняется проведением «РОВСовской» операции[5], которая началась в Западно-Сибирском крае с конца июня[6].

Наше исследование строится на основе данных по Алтайскому краю (с Ойротской автономной областью), - который в рассматриваемый период входил в состав Западно-Сибирского края (ЗСК). Единым Алтайским краем (см. карту в приложении 1) эти регионы стали по постановлению ЦИК СССР от 28 сентября 1937 г. Сформированный край занимал территорию современных Алтайского края, Республики Алтай и двух районов современной Новоси-

[3] Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 232.
[4] Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2009. С. 102-103.
[5] «Российский общевоинский союз» (РОВС) – якобы существовавшая на территории СССР «белогвардейско-монархическая организация», по разработке НКВД готовившая переворот и захват власти в СССР при помощи белогвардейских эмигрантских организаций. Аресты по линии РОВСа проходили параллельно с «кулацкой» операцией сверх лимитов.
6 Справка начальника УНКВД Западно-Сибирского края С.Н. Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-монархического заговора в Западной Сибири», 17 июня 1937 г. // Трагедия советской деревни. Т. 5, Кн. 1. С. 256.

бирской области: Кочковского (передан в 1939 г.) и Андреевского (передан в 1944 г.). В нашем исследовании мы рассматриваем границы региона на 1936 г. Так как в составе Западно-Сибирского края будущие территории Алтайского края (без Ойротской АО) не имели собственного названия, мы будем именовать их «Алтай» (55 районов). Под Ойротской АО подразумеваются относящиеся к ней 10 районов (аймаков).

Указанные регионы интересны по своей специфике: на Алтае проживало много ссыльных, спецпереселенцев, немцев, сконцентрированных в Немецком национальном районе, что накладывало отпечаток на характер репрессивных операций, проводимых здесь в годы Большого террора. Ойротская АО сама являлась национальным районом, даже в середине 1930-х гг. еще находившимся в стадии начала строительства социализма: коренное население только начало переход к оседлому образу жизни, невысоким был процент коллективизированных хозяйств, в зачаточном состоянии находилось развитие промышленности. В Западной Сибири 28 июня 1937 г. для осуждения «участников заговора РОВСа» была учреждена первая «тройка» - прообраз «троек» Большого террора, имевшая санкции на вынесение смертного приговора без суда[7]. «Книги памяти» указанных регионов обладают высокой степенью репрезентативности данных за рассматриваемый период времени, что отличает их от многих других «Книг памяти», содержащих имена преимущественно жертв Большого террора.

В годы Большого террора (июль 1937 – ноябрь 1938 г.) в стране было репрессировано более 1,5 млн. человек (из них около 680 тыс. были расстреляны). Репрессии проходили в рамках нескольких операций: «кулацкой» и «национальных» - «польской», «немецкой» и т.д. В разных регионах СССР в разное время репрессии были направлены против определенных групп граждан, как, к примеру, репрессии против «кулаков» в ходе кампании по «ликвидации кулачества как класса» 1930-1932 гг. Социальные характеристики

[7] Ellman M. Regional Influences on the Formulation and Implementation of NKVD Order 00447 // Europe Asia Studies. Vol. 62. No. 6. August 2010. P. 917.

человека – социальное происхождение и положение, политическое прошлое – могли стать весомым основанием для ареста.

Учитывая региональную специфику, реконструкция социального портрета репрессированного в период с декабря 1934 по июнь 1937 г. на Алтае и в Ойротской АО является **целью** данного исследования.

В соответствии с указанной целью, автор ставит перед собой следующие **задачи**:

- выявить источниковедческие проблемы исследования и пути их решения;
- охарактеризовать основные механизмы репрессий описываемого периода;
- проанализировать динамику репрессий по годам;
- проанализировать основные социально-демографические характеристики репрессированных (пол, возраст, национальность, место жительства, социальное положение, образование);
- выявить взаимосвязи этих характеристик и их влияние на вынесенный приговор;
- провести микроанализ ряда характеристик на основе документов из следственных дел;
- проанализировать изменение структуры выдвигавшихся обвинений;
- выявить социально-экономические признаки, влиявшие на уровень репрессий, степень их влияния, а также их пространственную (районную) специфику.

Под термином «жертва политических репрессий» мы понимаем непосредственно пострадавших от политических репрессий на территории Российской Федерации с 25 октября 1917 года. Под политическими репрессиями понимается определение, установленное статьей 1 закона от 18 октября 1991 года N 1761-1 "О реабилитации жертв политических репрессий": «Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, при-

меняемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями»[8]. В данном исследовании рассматриваются «политические» репрессированные, арестованные и осужденные по статье 58 УК РСФСР.

Для проведения исследования была привлечена соответствующая **источниковая база**. Основным источником исследования стали Книги памяти жертв политических репрессий, составленные на основе следственных дел репрессированных и содержащие краткие биографические справки на каждого учтенного репрессированного. По Алтайскому краю было составлено 7 таких книг; нами использовались материалы 2-го, 3-го и 7-го томов[9], так как именно они содержат информацию о репрессированных в рассматриваемый нами период. По Республике Алтай интересующая нас информация содержится во всех трех томах[10] Книги памяти. На основе региональных «Книг памяти» историко-просветительским обществом «Мемориал» была разработана электронная база данных «Жертвы политического террора в СССР»[11],

[8] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. С. 194 -195.
[9] Жертвы политического террора в Алтайском крае. Т. 2. Барнаул, 1999; Т. 3. 1937 г., ч. 1. Барнаул, 2000; Т. 3., 1937 г., ч. 2. Барнаул, 2000; Т. 7. 1920-1965. Барнаул, 2005.
[10] Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Том I. Горно-Алтайск, 1996. Том II. Горно-Алтайск, 1998. Том III. Горно-Алтайск, 2003.
[11] Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. . 4-е изд. М., 2007. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

которая существенно облегчила доступ к данным опубликованных «Книг памяти». В работе использовалась редакция базы 2007 г., которая на тот момент включала в себя сведения на более 2,6 млн. репрессированных за весь советский период. Новая редакция базы 2017 г. включает биографическую информацию о 3,1 млн. репрессированных. В новой редакции сведения по Алтайскому краю и Республике Алтай не обновлялись, так как их сбор и систематизация были закончены на момент 2007 г.

Для проверки сведений «Книг памяти» использовались следственные дела репрессированных. Автор использовал материалы отдела спецдокументации управления архивного дела Алтайского края, г. Барнаул (сокращенно ОСД УАДАК, фонд Р-2), на основании которых был проведен микроанализ определенных социальных характеристик репрессированных (социального происхождения, уровня грамотности, также партийной принадлежности, предыдущих судимостей и дальнейших репрессий), а также выявлены и проиллюстрированы основные репрессивные механизмы. В работе также использовались документы основного хранения Государственного архива Алтайского края, сборники опубликованных документов («Политические репрессии в Алтайском крае 1919-1965 гг.»[12], «Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.)[13]», «Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД»[14] и др.), материалы переписей населения, сборники социально-экономических показателей.

Научную новизну исследования обуславливает малое количество работ по данной тематике[15], в которых рассматривается период с декабря 1934 г. по июнь 1937 г., а также ввод в научный оборот комплекса архивных источников, не использовавшихся ранее. Автором проведена оценка полноты и до-

[12] Политические репрессии в Алтайском крае 1919-1965 гг. Барнаул, 2005.
[13] Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.): Коллективная монография. Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2017.
[14] Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД / Сост. В.Н. Хаустов и др. М., 2003.
[15] В монографии директора Государственного архива Алтайского края Г.Д. Ждановой, посвященной всестороннему статистическому анализу репрессий на Алтае в 1919 – 1938 гг., рассматриваемый нами период не выделяется в отдельный. См.: Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг.: историко-статистическое исследование: монография. Барнаул: АЗБУКА, 2015.

стоверности сведений «Книг памяти» за период 1935-1936 гг. и их информационного потенциала. На основе применения статистических методов выдвигается и последовательно доказывается гипотеза о влиянии уровня благосостояния населения на уровень репрессий в разных районах Алтая и Ойротской АО.

Методологическая основа работы – принципы объективности, историзма, научности и системности. В исследовании используются следующие методы: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, комплекс методов компьютерной обработки статистических данных.

Положения, выносимые на защиту.

1. «Книги памяти» являются ценным источником для реконструкции социального портрета репрессированных, обладающим богатым информационным потенциалом, однако не для всех регионов они являются репрезентативным источником, обладающим полнотой информации применительно к периоду с конца 1934 г. по первую половину 1937 г. За указанный временной период Книги памяти Алтайского края и Республики Алтай и их сведения, внесенные в базу данных «Жертвы политического террора в СССР», обладают высокой степенью информативности.

2. Репрессии рассматриваемого периода на Алтае и в Ойротской АО четко зависели от инструкций центральной власти и контролировались Западно-Сибирским крайкомом ВКП(б). В 1935 г. проводились локальные репрессивные акции, с середины 1936 г. динамика репрессий двух регионов становится идентичной.

3. От репрессий в рассматриваемых регионах пострадали в основном рабочие и колхозники. Вместе с мелкими служащими – рядовыми работниками советских учреждений – они составили 67% от всех репрессированных в рассматриваемый период на Алтае и 69% - в Ойротской АО (в оставшуюся треть вошли священники, деклассированные, единоличники и др.). Доля партийно-хозяйственных руководители районного и областного уровня составила 3,8%

от всех репрессированных в рассматриваемый период. Пик репрессий против работников сельского хозяйства в течение рассматриваемого периода приходится на 1935 г. К началу Большого террора на Алтае практически прекращаются аресты единоличников, так как к этому времени в населении региона их остается не более 1,5%, в Ойротской АО аресты происходят равномерно на протяжении всего рассматриваемого периода, так как еще активно продолжается процесс коллективизации.

4. В обоих регионах террор против представителей «инонациональностей» (немцев, поляков и т.д.) был более жестким – их чаще всего приговаривали к расстрелу. В Ойротской АО к «инонациональности» также относилось русское население. В рассматриваемый период национальность не всегда являлась причиной ареста (как в «национальных» операциях Большого террора), но влияла на степень тяжести выносимого приговора.

5. К июлю 1937 г. снижается доля индивидуальных арестов и увеличивается количество дел «контрреволюционных групп». На протяжении рассматриваемого периода усложняется структура предъявляемого обвинения с одного пункта статьи 58 УК РСФСР в начале 1935 г. (преимущественно «антисоветская агитация») до трех и более пунктов с начала 1937 г. С этого времени увеличивается частота встречаемости обвинений в «организации вооруженных восстаний» (ст. 58 п. 2), во «вредительстве» (п. 7) и «терроризме» (п. 8).

6. Уровень благосостояния населения районов Алтая и Ойротской АО влиял на уровень репрессий: чем выше он был (более высокая покупательная способность населения), тем выше был уровень репрессий. Интенсивность репрессий в смежных районах, близких в территориальном аспекте и социально-экономическом отношении, различалась в меньшей степени, чем в отдаленных друг от друга районах.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенная методика реконструкции и анализа социального портрета репрессированного дает основу для проведения сравнительных исследований на

материалах «Книг памяти» других регионов страны, а также для сравнения полученных результатов с соответствующими по другим периодам истории сталинизма. Разработанный классификатор занятий репрессированных может применяться для изучения структуры занятости населения СССР в 1930-х гг. Результаты исследования могут использоваться для разработки курсов по истории России XX века, по истории периода сталинизма и источниковедению.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации представлены в 11 научных публикациях общим объемом 7,4 п.л., в том числе 4 статьях в изданиях, утвержденных Ученым советом МГУ имени М.В. Ломоносова.

В ходе работы диссертант выступил на следующих научных конференциях: XIV Международная конференция Ассоциации «История и компьютер» (АИК) «Исторические исследования в цифровую эпоху: информационные ресурсы, технологии, методы» (диплом I степени за лучший доклад, 2014 г., г. Звенигород), конференция «Ломоносов-2014» (диплом I степени за лучший доклад секции «Историческая информатика», МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014 г., г. Москва), Международная конференция молодых ученых и специалистов «Clio-2014» (диплом I степени за лучший доклад, РГАСПИ, 2014 г., г. Москва), III школа молодых ученых «Уроки XX столетия: память о тоталитаризме в музеях, мемориалах, архивах и современных медиа в России и Германии» (2015 г., г. Пермь), Международная конференция «Геоинформационные системы и технологии в исторических исследованиях» (2015 г., г. Барнаул), XV Международная конференция АИК «Исторические исследования в цифровую эпоху: информационные ресурсы, методы, технологии» (диплом II степени за лучший доклад, 2016 г., г. Звенигород), Международная конференция «Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования» (ПГНИУ, 2017 г., г. Пермь), Международная школа «Hoover Library & Archives Workshop On Authoritarianism And Democratic Breakdown» (Stanford University, 2017 г., США), Международная школа GRAINES Summer school - History and its Sources – after the Digital Turn (University of Basel, 2017 г.,

Швейцария), Межрегиональная научно-практическая конференция «Национальный регион в эпоху революционных преобразований и становления политической системы сталинизма. 1917-1939 гг. (на примере Ойротии-Горного Алтая)» (НИИ алтаистики имени С.С. Суразакова, 2017 г., г. Горно-Алтайск), Международная конференция «Историческая информатика: традиции и новации (к 25-летию междисциплинарного направления)» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017 г., г. Москва), X международная научная конференция «История сталинизма» (РГАСПИ, 2017 г., г. Москва).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре исторической информатики исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

В соответствии с поставленными целями и задачами **структура диссертации** включает в себя введение, шесть глав, разбитых на параграфы, заключение, список литературы и источников и приложения.

Основные направления репрессивных кампаний в период 1935 – середины 1937 г.

На XVII съезде партии, прошедшем в январе-феврале 1934 г., названном «Съездом победителей», было объявлено, что СССР из аграрной страны стал индустриальной, а от мелкого единоличного хозяйства был произведен переход к коллективному крупному механизированному сельскому хозяйству[16]. «Выявлена, стало быть, необычайная идейно-политическая и организационная сплоченность рядов нашей партии» - говорил Сталин в заключение съезда[17]. Однако его слова не соответствовали действительности. 1 декабря 1934 г. у дверей своего кабинета в Смольном дворце первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Киров был убит членом партии Николаевым, что послужило поводом для репрессий бывших оппозиционеров 1920-х гг., однако еще не стало причиной массового террора[18]. И все же данное событие нужно считать началом нового витка борьбы с антисоветскими настроениями, который продолжался до июля 1937 г., когда в течение месяца

[16] Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 306.
[17] Там же. С. 381
[18] Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. М., 1996. С. 141.

осуществился переход к Большому террору, начало которому 30 июля 1937 г. положил приказ 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов», подписанном народным комиссаром внутренних дел Н.И. Ежовым.

Как и в ходе Большого террора, в 1935 – начале 1937 г. можно выделить несколько репрессивных кампаний, направленных против различных слоев населения, а также против ряда групп партийно-хозяйственных руководителей страны. Учитывая, что репрессии в регионах проводились на фоне процессов, происходивших в центре, мы считаем нужным осветить их кратко в порядке тематики и хронологии.

Репрессии против «зиновьевской группы»

Данная кампания являлась самой масштабной, так как с перерывами продолжалась на протяжении всего 1935 и 1936 гг., а в 1937 г. дала почву для преследования других бывших оппозиционеров (К.Б. Радека и Г.Л. Пятакова, а затем Н.И. Бухарина). Первый ее этап был связан с изданием постановления ЦИК и СНК СССР «О внесении изменений в уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» от 1 декабря 1934 г. Согласно этому постановлению, дела террористов должны были рассматриваться в десятидневный срок, слушаться без участия сторон, а приговор о высшей мере наказания (ВМН) должен был немедленно приводиться в исполнение[19]. В соответствии с данным постановлением уже в декабре был арестован и приговорен к расстрелу убийца Кирова Николаев, а в январе 1935 г. перед судом предстали сторонники Ленина Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев, обвиненные в причастности к убийству Кирова, создании террористической антисоветской группировки, планировавшей убийство высших партийных руководителей[20]. По итогам процесса Зиновьев был осужден к 10 годам, а Каменев – к 5 годам заключения[21]. Проведение репрессивных операций среди населения сопровождалось директивой прокурора СССР от 23 января 1935 г. Согласно ей, обви-

[19] СЗ СССР 1934. №36. Ст. 283.
[20] Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 234
[21] Зима В.Ф. Человек и власть в СССР в 1920-1930-е годы. С. 134.

нение в одобрении теракта в отношении вождей партии и советского правительства должно было квалифицироваться по ст. 58-10, если такое одобрение (даже без прямого намерения устроить теракт) высказывала группа людей – то по ст. 58-11-16-58-8. Такие дела должен был рассматривать суд или его спецколлегии, а дела одиночек и групповые, по которым не было достаточно доказательств, направлялись для рассмотрение в Особое совещание при НКВД[22]. В обстановке боязни покушений на первых лиц государства, а также преследования потенциальных «троцкистско-зиновьевских элементов» данное постановление позволяло существенно расширить границы проводимых репрессивных мер.

В контексте расширения рамок террора невозможно не упомянуть о постановлении ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 г. как логическом продолжении постановления от 1 декабря 1934 г. В соответствии с ним дети с 12-летнего возраста могли подвергаться всем мерам уголовного наказания вплоть до высшей меры наказания – расстрела – за кражи, насилия и убийства. Данная мера была введена для борьбы с хулиганством и беспризорностью, масштабно зафиксированными в Москве и Московской области[23].

Репрессии против «бывших людей»

В циркулярном письме НКВД СССР всем местным органам наркомата внутренних дел СССР, датированном январем 1935 г., отмечалось, что следствием по делу Кирова была установлена принадлежность убийцы Леонида Николаева к «ленинградскому террористическому центру» контрреволюционной зиновьевской организации[24].

В Ленинграде - бывшей столице Российской империи – проживали бывшие царские чиновники и офицеры, помещики и аристократия, военные и

[22] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 1. Массовые репрессии в СССР / Отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М., 2004. С. 225.
[23] Хлевнюк О.В. Политбюро. С. 145-146.
[24] Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД. С. 592.

духовенство – по подсчетам НКВД, их количество составляло 11 095 чел.[25], и для советской власти они являлись категорией «социально-чуждых элементов». 26 февраля 1935 г. нарком внутренних дел Г.Г. Ягода сообщил Сталину о предложении Л.М. Заковского, начальника УНКВД по Ленинградской области, «провести очистку Ленинграда кампанейским путем – порядком массовых арестов и массовых высылок»[26]. В период с 27 февраля по 4 марта в ходе пяти операций по «бывшим людям» все они были арестованы и высланы из города; кроме того, высылке также подверглись семьи бывших «оппозиционеров»[27].

Репрессии в приграничной полосе

Еще одной волной «чисток» «социально-чуждых» элементов стали репрессии, проводившиеся в приграничных территориях Белоруссии и Украины на протяжении 1934–1936 гг. Как и в Ленинграде, на них, по данным властей, проживали «бывшие люди». Особую опасность они представляли в связи с периодически поступающими сообщениями о военных приготовлениях в Германии и ее связях с Японией и Италией – считалось, что люди, сочувствующие царскому режиму, были наиболее явными перебежчиками и шпионами. Только за 1935 г. в различные области Советского союза, в Казахстан было переселено более двадцати тысяч человек[28]. Вводились определенные лимиты на высылку (например: «переселить…2000 семейств неблагонадежного элемента с высылкой за пределы Белоруссии»)[29]. Однако данная репрессивная кампания была не единственной, проводимой по национальному признаку.

Репрессии против немцев СССР

С приходом Гитлера к власти в Германии у Сталина и его ближайших соратников росло недоверие в политической благонадежности к немцам, проживающим на территории Советского Союза. В обстановке всеобщей по-

[25] Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД. С. 616.
[26] Там же. С. 617.
[27] Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. М., 2010. С. 64.
[28] Там же. С. 49-51.
[29] Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД. С. 674.

дозрительности, боязни терактов против первых лиц государства еще с осени 1934 г. была развернута борьба против «фашистских контрреволюционных организаций». Советским немцам приписывались обвинения в шпионаже в пользу Германии, а также в получении материальной помощи от правительства Гитлера для возвращения на родину. В связи с этим усиливалось недоверие и к политэмигрантам. По решению НКВД СССР в течение 1934-1937 гг. производились аресты немецкого населения в Ленинграде, Москве, Крыму, в Поволжье и в Сибири. В 1936 г. для предотвращения создания немецких организаций были ликвидированы все связи германских представителей с советскими подданными[30]. Все это послужило одной из причин размаха «немецкой» операции в годы Большого террора.

«Кремлевский процесс»

Вторым этапом наступления на позиции Каменева и Зиновьева стал «Кремлевский процесс», начало которому было положено в конце января 1935 г. Он был необходим для получения «нужных» показаний от обвиняемых, которых не удалось добиться перед январским процессом. Органами НКВД были «вскрыты террористические троцкистские группы» в комендатуре Кремля, в правительственной библиотеке, а также среди молодежи. В числе обвиняемых была жена брата Каменева, а также сын Троцкого Сергей Седов. «Целями» данных организаций объявлялись террористические акты против Сталина. Главной фигурой данного процесса являлся А.С. Енукидзе, который был снят с поста секретаря ЦИК СССР за «потерю политической бдительности»[31].

Важным последствием постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об аппарате ЦИК СССР и тов. Енукидзе» стала дальнейшая «чистка» в рядах партии, по итогам которой на в 1935 г. из ВКП(б) было исключено 301 тыс. чел., а также выявлено множество «вражеских организаций и групп»[32].

---

[30] Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 43-45.
[31] Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД. С. 658-660.
[32] Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 236.

Репрессии в промышленности

В конце 1935 г. Сталину были предоставлены сведения о фактах противодействия стахановскому движению в Саратовской, Курской и Московской области. В условиях продолжающейся индустриализации данные действия были приравнены к антисоветской деятельности. Начались аресты служащих и инженеров предприятий. Часто «вредительской» деятельности сопутствовали обвинения в шпионаже. Кампания разворачивалась стремительно, и уже в октябре 1936 г. частыми стали аресты не только среди руководителей предприятий и учреждений, но и рядовых советских работников[33]. Им приписывалось участие в троцкистских контрреволюционных организациях, число которых заметно «возросло» после заключительного этапа процесса над Каменевым и Зиновьевым. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О порядке производства арестов» от 21 июня 1935 г., разрешения на аресты руководящих работников союзных наркоматов, центральных учреждений, а также состоящих на службе инженеров, агрономов, профессоров, врачей, руководителей учебных заведений должны были даваться по согласованию с соответствующими народными комиссарами[34], что на бумаге делало эти группы населения наиболее защищенными от репрессий. Однако в 1936 г. власти совершали аресты и вынесения приговоров в обход всяких законов, преследуя цель разоблачения бесконечных «врагов народа». Цепи фальсифицированных дел привели к итоговому судебному процессу над Каменевым и Зиновьевым

Первый и второй «московский процесс»

19-24 августа 1936 г. состоялся суд над участниками «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Современники и иностранные журналисты, допущенные на слушание, были поражены «открытостью» советских судебных процессов: обвиняемые беспрекословно повторяли «обличительные» показания, добытые сотрудниками НКВД путем мучительных допро-

[33] Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 69-72, 94.
[34] Лубянка. Сталин. и ВЧК-ОГПУ-НКВД. С. 676-677.

сов, применения физической силы и угроз семьям подсудимых. Все обвиняемые по данному делу были приговорены к расстрелу[35].

Расправа над Каменевым и Зиновьевым позволила начать фабрикацию дела против остатков «ленинской гвардии» в лице Радека и Пятакова. Для проведения данного процесса 10 декабря 1936 г. председатель ВЦИК М.И. Калинин внес на рассмотрение Сталина проект изменения состава членов судебной комиссии Политбюро. Согласно ему, Ягода освобождался от своих обязанностей, но в состав членов судебной комиссии входил Ежов[36]. Таким образом, происходил постепенный переход к расширению репрессивной политики, а осуждение крупных хозяйственных руководителей давало НКВД свободу действий[37].

Суд над участниками второго «московского процесса» завершился 30 января 1937 г.; большинство из них были приговорены к расстрелу[38]. Для успешного завершения борьбы с оппозицией оставалось устранить лишь одну весомую политическую фигуру. На февральско-мартовском пленуме 1937 г. Бухарину были предъявлены первые обвинения на основании ложных показаний репрессированных «оппозиционеров».

Репрессии против представителей духовенства

Советское государство на протяжении всей своей истории пыталось бороться с влиянием религии и церкви на граждан, и значимым этапом в данном противостоянии после начала 1920-х гг. стал 1937-й год. После принятия Конституции вся страна ожидала выборов в Верховный Совет СССР. На фоне этого органы НКВД должны были усилить бдительность за «социально-чуждыми элементами», к которым традиционно относились и служители культа. Сталин считал, что они попытаются воспользоваться выборами, чтобы попасть в местные органы управления и разлагать их изнутри. В связи с этим в апреле 1937 г. на места был разослан циркуляр №23, призывающий

[35] Зима В.Ф. Указ. соч. С. 134-144.
[36] Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД. С. 778.
[37] Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 101.
[38] Зима В.Ф. Указ. соч. С. 138.

принять меры против выступлений церкви за предоставление ей прав наравне с политическими партиями[39]. Данная мера открыла дорогу к широким террористическим акциям против представителей духовенства во время Большого террора.

***

В отечественной литературе существует мнение, согласно которому репрессии 1935 – первой половины 1937 гг. являлись своеобразной репетицией Большого террора 1937-1938 гг.[40] Описанные в историографии репрессивные кампании распространились не только на представителей «оппозиции» и ее ближайших сторонников, но и на широкие массы населения, что будет показано в нашем исследовании. Репрессивные «линии», заложенные в рассматриваемый период, в годы Большого террора были оформлены в оперативные приказы, которые четко очертили цели репрессивных операций.

В предшествующий Большому террору период причиной для ареста могли стать индивидуальные характеристики человека, а также, например, рассказанный анекдот про представителей власти, любое высказывание, в какой-либо мере осуждающее советские порядки. Часто объектом репрессий становилась интеллигенция, рабочие или служащие, высказывавшиеся о процессе Каменева-Зиновьева или выражающие им сочувствие[41]. Действительно, масштабы репрессий, проводившихся в описываемый период, были не сопоставимы с Большим террором, однако нужно признать, что они затронули широкие группы населения и в общем предвещали генеральные линии репрессий 1937-1938 гг. Региональные процессы конца 1934 – первой половины 1937 г. сравнительно малоизучены, и наше исследование направлено на восполнение этого пробела.

[39] Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 68.
[40] Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 233.
[41] Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 81.

Глава 1. Историографический обзор

В исторических исследованиях, посвященных анализу социально-политических процессов советского периода, теме политических репрессий уделяется немало внимания[42]. Рассматриваются различные аспекты данной темы, однако наиболее подробно анализируется Большой террор (1937-1938 гг.) как период наиболее массовых и жестких политических репрессий. Немало работ посвящено также теме коллективизации и «раскулачивания». Период с конца 1934 г. по июнь 1937 г. освещается в историографии недостаточно полно, как и его региональные аспекты. Исходя из этого, а также темы данного исследования, рассматриваемые в данном обзоре работы можно разделить на три группы:

- исследования, посвященные репрессивной политике конца 1934 – середины 1937 г., проводимой на всей территории СССР (краткий обзор репрессивных кампаний указанного периода приведен во введении);
- региональные исследования по репрессивной политике в указанный период в Сибири (в Западной Сибири в частности), в том числе в Алтайском крае и Республике Алтай;
- работы, посвященные анализу социальных характеристик репрессированных и реконструкции их социального портрета преимущественно с использованием технологии баз данных.

Отметим, что в данном обзоре Большой террор, начавшийся в июле 1937 г. на основе оперативного приказа НКВД СССР 00447, упоминается лишь в контексте предыдущего этапа репрессий. Задача анализа причин перехода к массовым операциям, обозначенным в этом приказе, в нашем обзоре не ставится.

[42] Наиболее полный обзор историографии данной темы (как отечественной, так и иностранной), а также многих аспектов изучения истории сталинизма в целом приведен в работе Дж. Кипа и А. Литвина (Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009.

1.1. Репрессии конца 1934 – первой половины 1937 г.: общий контекст

В работах, посвященных рассматриваемому нами периоду, основное внимание сосредоточено на так называемых московских процессах, то есть на борьбе с зиновьевской «оппозицией», проходившей, в основном, в партийной среде. Эта тема начала разрабатываться на Западе с 1980-х гг. и была существенно дополнена после «архивной революции» в России силами преимущественно иностранных историков. Российские исследователи, прежде всего, акцентируют внимание на исследовании различных аспектов массовых операций. Репрессии, проводимые до начала 1937 г. по всей стране, анализируются довольно кратко, так как они не имели столь организованного характера, как операции Большого террора, а также несравнимо уступали ему по масштабам. Чаще в историографии затрагивается тема реакции карательных органов на результаты февральско-мартовского пленума 1937 г., когда был инициирован кардинальный поворот к политике Большого террора. Следовательно, реконструкция большинства аспектов репрессивных кампаний конца 1934 – начала 1937 г., а также их влияния на региональную карательную политику требует привлечения большого массива историографических работ. Данный обзор не претендует на всеобъемлющее исследование, однако выделяет наиболее значимые работы в указанном направлении.

Причины репрессий и роль Сталина в их осуществлении

Для начала необходимо кратко остановиться на причинах репрессий 1930-х гг. в общем и вопросе об их целесообразности. Говоря о 2,5 млн. заключенных и более 750 тыс. чел. (по подсчетам МВД СССР), расстрелянных по обвинению в политических преступлениях за период с 1928 по 1953 гг., П. Грегори[43], основываясь на архивных документах, утверждает, что нет сомнений в том, что Сталин строго контролировал ситуацию, а указанные потери не были спровоцированы «какими-то авантюристами-подчиненными»[44].

[43] Грегори П.Р. Нужен ли был Сталин? // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 10-20.
[44] Там же. С. 10-11.

При этом, по мнению автора, Сталин являлся «рациональным» политиком: его поступки последовательно приближали его к намеченной цели. Однако террор являлся самым серьезным испытанием предполагаемой рациональности. После первой волны репрессий против сельских жителей, нацеленной на то, чтобы сделать деревню покорной, вторая волна 1930-х гг. была направлена на так называемых врагов, находившихся и среди партийной элиты. П. Грегори пишет о логике вождя и ее последствиях: если существовала хотя бы пятипроцентная вероятность того, что политический лидер хочет сместить Сталина, его следовало уничтожить[45]. Массовые аресты и расстрелы – результат той же извращенной логики. Даже если жертвами террора становились «обычные» люди, они все равно могли оказаться членами «банды», замышляющей уничтожение вождя. П. Грегори убежден, что террор не был тем «веществом», которое поддерживало систему в целостности, так как эффективная система уголовного судопроизводства должна удерживать от совершения правонарушений, чего сталинская система не обеспечивала, так как формулировки статьи 58 являлись слишком расплывчатыми и позволяли квалифицировать любое действие, которое «уменьшало экономические достижения» или провоцировало «невыполнение своих обязанностей» как контрреволюционное преступление[46].

Один из ведущих российских исследователей истории сталинизма О.В. Хлевнюк[47] придерживается схожей точки зрения, указывая, что многочисленные документы подтвердили тезис о централизованном характере репрессий сталинского периода, которые начинались и завершались по приказам из центра и жестко им контролировались[48]. Приводя данные о 800 тыс. расстрелянных за 1930-1952 гг. и около 20 млн. осужденных к лишению свободы в лагерях, колониях и тюрьмах (сложение данных по внесудебным осуждениям с данными судебной статистики), автор констатирует, что ре-

[45] Грегори П. Указ. соч. С. 18.
[46] Там же. С. 18-19.
[47] Хлевнюк О.В. Сталин у власти. Приоритеты и результаты политики диктатуры // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 62-74.
[48] Там же. С. 63.

альный сталинизм был избыточно репрессивным даже по меркам диктатур, порождал крайности и эксцессы, излишние для поддержания действенности системы. Одной из причин этого являлось то, что Сталин чрезвычайно полагался на свой дар предвидения и собственную непогрешимость[49].

Французский историк Н. Верт[50] приводит схожие с О.В. Хлевнюком данные о количестве жертв репрессий с конца 1920-х до 1953 г.: около 50 млн. чел., подвергнутых различным видам осуждения (в том числе 25 млн., приговоренных без лишения свободы). Из 22 млн. чел., попавших в систему ГУЛАГа, 6 млн. были осуждены внесудебными органами и судами за контрреволюционные преступления (по политическим мотивам). Пятая часть из этих репрессированных (Н. Верт приводит цифру в 1200 тыс. чел.) была приговорена к расстрелу[51]. Автор указывает, что «вакханалия беспорядочных репрессий начала 1930-х гг. настолько дезорганизовала всю карательную систему», что руководство страны было вынуждено снизить темпы репрессий в середине 1930-х гг. Он убежден, что сталинские репрессии как массовое явление вышли далеко за рамки пенитенциарной системы, стали частью повседневной жизни целого поколения советских граждан[52].

Немецкий историк Й. Баберовски[53] уже в предисловии к своей книге «Выжженная земля: сталинское царство насилия» крайне резко высказывает свою точку зрения: «только при чрезвычайном положении психопат вроде

---

[49] Хлевнюк О.В. Сталин у власти. С. 63, 69.

[50] Верт Н. Сталинизм и массовые репрессии // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 93-101.

[51] Там же. С. 95. Цифра в 1,2 млн. расстрелянных за весь советский период представляется немного завышенной. Согласно справке Спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР от 11 декабря 1953 г. к расстрелу в 1937-1938 гг. было приговорено 681 692 чел., а с 1921 по первое полугодие 1953 гг. – 799 455 чел. (История сталинского Гулага. С. 608-609). В 1997 г была опубликована статистика КГБ СССР, в которой количество расстрелянных составило 815579 чел. (Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР [Электронный ресурс]. – URL: http://www.politpros.com/journal/read/?ID=783 (дата обращения: 20.12.2017). В статье Е. Жемковой, подготовленной по данным А.Б. Рогинского, Я.В. Рачинского и О. Горланова, говорится о 1 – 1,1 млн. расстрелянных за весь советский период (Жемкова Е. Масштабы советского политического террора // Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. – URL: https://www.memo.ru/media/uploads/2017/08/22/masshtaby-sovetskogo-politicheskogo-terrora.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

[52] Там же. С. 98, 101.

[53] Баберовски Й. Выжженная земля: сталинское царство насилия. М., 2014.

Сталина мог дать полную волю своей злобе и криминальной энергии. Мечта о коммунистическом освобождении захлебнулась в крови миллионов жертв, потому что насилие лишилось всяких мотивов, а диктатор превратил его исключительно в орудие достижения собственных целей. В конечном счете речь шла о признании безоговорочной власти – власти Сталина над жизнью и смертью»[54]. Так же, как П. Грегори и О.В. Хлевнюк, Й. Баберовски, основываясь на стенографических протоколах заседаний ЦК, переписке между центральным партийным аппаратом и местными комитетами в провинции, делопроизводственной документации органов власти, документах политических лидеров, ранее недоступных для изучения в архивах, делает вывод, что Сталин и самые верные его приближенные не только отдавали приказы, вызвавшие разгул насилия в 1930-е гг., но и систематически его организовывали, заставляя своих «вассалов» в провинции проводить их решение наиболее радикальными способами. Несостоятельность режима привела к террору, так как большевики в своих неудачах и провалах усматривали не несовершенство дисциплинарных методов, а козни злобных врагов[55].

Точка зрения указанных авторов противостоит так называемой ревизионистской, заключающейся в отвержении тоталитарной модели полного контроля над населением страны. По мнению «ревизионистов», не воля Сталина и не программа большевиков, а честолюбие выдвиженцев и карьеристов, амбиции региональных партийных руководителей, зависть и недовольство доносчиков, борьба за власть между группами интересов породили сталинскую репрессивную систему[56]. После Дж. Гетти[57] наиболее основательно схожую точку зрения отстаивает Р. Терстон[58] в книге «Жизнь и террор в сталинской России, 1934-1941». По его мнению, террор не был логической системой и не приводил к нужной власти модели поведения общества, так как не являлся

[54] Баберовски Й. Указ. соч. С. 7.
[55] Там же. С. 18, 120.
[56] Там же. С. 14.
[57] John Archibald Getty Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933-1938, New York, Cambridge University Press, 1985.
[58] Thurston R. Life and Terror in Stalin’s Russia, 1934-1941. New Heaven, 1996.

целью Сталина[59]. В противовес мнению, высказанному П. Грегори, Р. Терстон утверждает, что террор был экстренной мерой, помогавшей переживать кризисные периоды, такие, как Гражданская война или коллективизация. В мирное время не было необходимости для массовых репрессивных операций (хотя в 1937-1938 гг. СССР не находился в состоянии войны с каким-либо государством). Один из основных тезисов Р. Терстона состоит в том, что террор коснулся только верхних слоев общества, в то время как другие социальные группы чувствовали себя относительно спокойно. Автор приводит множество доказательств своей теории (относясь с недоверием к эмигрантской литературе, свидетельствовавшей о гнетущей атмосфере 1930-х гг.), говоря о том, что население не испытывало страха перед репрессиями, следовательно, они не были направлены на все общество в целом[60]. В.И. Меньковский[61], рассматривающий англо-американскую ревизионистскую историографию, отмечает, что отношение Р. Терстона к новым архивным свидетельствам является избирательным: невзирая на реабилитационные документы, он считает, что оппозиция представляла огромную опасность для Сталина. Автор также упомянул, что Р. Терстон признает, что органы НКВД могли фабриковать дела, однако считает это собственной инициативой органов НКВД, а не Сталина[62]. Мнению «ревизионистов» также противостоит точка зрения О.В. Хлевнюка о том, что многочисленные документы полностью опровергают различные предположения о стихийности террора, об утрате центром контроля над ходом массовых репрессий, об особой роли региональных руководителей и неких мифологических групп бюрократии в инициировании террора[63].

[59] Thurston R. Ibid. P. 159.
[60] Ibid. P. 9, 137-163.
[61] Меньковский В.И. Изучение репрессий сталинского периода в англо-американской ревизионистской историографии // История сталинизма: репрессированная советская провинция. М., 2011. С. 78-85.
[62] Там же. С. 82-83.
[63] Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 13.

Д. Ширер[64], признавая, что репрессии были инициированы центром, считает, что власти использовали их для защиты государственных интересов и собственности и для поддержания общественного порядка. Он убежден, что в использовании массового социального насилия присутствовало рациональное зерно, однако это убеждение носит не тот смысл, который вкладывал в понятие «рациональности» террора П. Грегори. Д. Ширер утверждает, что в определенной степени цель террора заключалась в перестройке советского общества. Как и Р. Терстон, автор считает, что сталинский режим прибегал к насилию и репрессиям не только для достижения революционных целей, но и в качестве реакции на последовательно возникающие в обществе кризисы[65]. Отметим, что к «ревизионистам» Д. Ширера также приближает то, что он склонен именовать Большой террор большими «чистками». Он отделяет политические «чистки» властных институтов (Большой террор) от массовых репрессивных операций против общества, которые он рассматривает как некую форму социальной профилактики[66]. Основной идеей автора является то, что репрессии в основном были направлены против «социально-опасных» элементов, а также бандитов и уголовников, что в определенной степени соответствует концепции Р. Терстона. Несмотря на то, что Д. Ширер согласен с всеохватностью репрессий сталинского времени, он в целом разделяет точку зрения В.М. Молотова о том, что репрессии были вынужденной мерой, обусловленной борьбой «не на жизнь, а на смерть». После войны, по мнению автора, многие советские руководители, если не сам Сталин, пришли к переосмыслению идеи милитаризованного государства[67]. Этот постулат входит в некое противоречие с тем, что с 1947 г. репрессии снова начали набирать обороты, хотя и не достигли масштабов Большого террора.

[64] Ширер Д. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924-1953 гг. М., 2014.
[65] Там же. С. 27, 31.
[66] Там же. С 28.
[67] Там же. С. 33.

В.Н. Хаустов[68], отмечая, что в СССР была создана структура управления, замыкавшаяся на узкой группе членов Политбюро ВКП(б), внутри которой главную роль играл Сталин, выделяет следующие причины репрессий. Политбюро было напугано размахом крестьянских выступлений в годы коллективизации и пришло к убеждению, что в стране по мере приближения к социализму будут активизироваться контрреволюционные силы, что стало теоретической основной усиления репрессивной политики. Этот тезис прозвучал в выступлении Сталина на январском 1933 г. пленуме ЦК ВКП(б). Другой причиной являлся синдром потенциальной военной опасности, который превращался в сознании руководства страны в необходимость периодических «чисток» страны от «бывших», «социально-опасных» и «социально-враждебных» элементов. Использование мер принуждения и насилия стало средством реализации экономических проектов в деревне и при освоении природных богатств страны в Сибири и на Дальнем Востоке. Субъективными факторами автор называет личность Сталина, его подозрительность, неверие в честность соратников и веру в разоблачения и доносы[69].

В работе С.И. Быковой[70] представлены взгляды на репрессии уральцев, современников описываемых событий, которые отразились в документах личного происхождения. Они немногим отличались от тех выводов, к которым впоследствии приходили многие исследователи сталинизма. Некоторые полагали, что репрессии являлись беспричинным результатом проявления произвола власти. Другой причиной современники считали стремление власти изолировать критически настроенных людей. Кто-то утверждал, что репрессии связаны с личными интересами Сталина и его ближайших сторонников, с желанием ликвидировать политических противников. Однако главными причинами арестов современники считали стремление власти получить

[68] Хаустов В.Н. Основные факторы, определяющие репрессивную политику Советского государства // История сталинизма: репрессированная советская провинция. М., 2011. С. 9-15.
[69] Там же. С. 10-14.
[70] Быкова С.И. «Время-тать»: представления жителей Уральского региона о масштабах и причинах террора В 1930-е годы // История сталинизма: репрессированная советская провинция. М., 2011. С. 400-407.

таким образом рабочую силу, необходимую для строительства новых предприятий и освоения отдаленных районов страны, а также произвол сотрудников НКВД, так как долгое время сохранялась вера в то, что Сталин не знает о реальных размахах террора[71].

Волны репрессий середины 1930-х гг.

Кратко остановимся на историографических оценках основных репрессивных кампаний 1930-х гг. Й. Баберовски выделяет следующие этапы репрессий, проводившихся в СССР в это время. Не останавливаясь на «раскулачивании» и коллективизации 1930-1933 гг., автор выделяет «кампанию», направленную на устранение политической властной элиты, которая наметилась к началу 1930-х гг. и стала реальностью после убийства Кирова. Следующая волна – партийные «чистки» и уничтожение якобы нелояльных функционеров и ответственных работников на местах с весны 1937 г. Далее следовала массовая расправа с «кулаками», священниками, представителями дореволюционных элит, уголовниками и лагерными заключенными летом 1937 – осенью 1938 г. В завершение Й. Баберовски упоминает об аресте и убийстве иностранцев и представителей этнических меньшинств и депортации целых народов[72].

Шведский историк Л. Самуэльсон[73] конкретизирует направления репрессий середины 1930-х гг. Первый уровень – репрессии, направленные против партийной верхушки, многие представители которой являлись оппонентами Сталина. К нему относятся три больших московских показательных процесса. Второй уровень – действия, приведшие к широким «чисткам» среди партийных кадров, военачальников, номенклатуры в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте. К примеру, с 1936 г. иностранных специалистов, работавших в советской оборонной промышленности, а позже и в гражданских областях, увольняли и зачастую подвергали репрессиям. Сле-

[71] Быкова С.И. Указ. соч. С. 403-404.
[72] Баберовски Й. Указ. соч. С. 167.
[73] Самуэльсон Л. Черты чисток в Челябинске, 1936-1939 годы // История сталинизма: репрессированная советская провинция. М., 2011. С. 166-173.

дующим этапом были непосредственно массовые операции, проводимые в соответствии с оперативными приказами 1937-1938 гг.[74]

Д. Ширер убежден, что политические «чистки» и массовые операции 1937-1938 гг. нельзя отделять от предыдущих кампаний политических и социальных репрессий. Массовые операции 1937-1938 гг. стали кульминацией политики целого десятилетия, основанной на полицейских методах управления обществом. Механизмы репрессий 1937-1938 гг. во многом были идентичны тем, что применялись ранее против нежелательных групп населения, и репрессии были нацелены против тех же социальных групп, что и прежде. По мнению Д. Ширера, после убийства Кирова руководство страны обуял страх перед оппозиционными политическими организациями и террор был направлен на их разгром, в то время как продолжалась политика контроля маргинальных и других нежелательных элементов[75]. Н. Верт придерживается подобного мнения, говоря о том, что Большой террор был «смертоносной кульминацией» практики полицейского управления обществом, которая началась с «раскулачивания» в начале 1930 х гг. и продолжилась в 1933-1936 гг. политикой облав и ссылок «социально-вредных элементов» (кампания «паспортизации» горожан и «чистка» городов). Выражением этой политики, по мнению автора, также были и операции по «очистке» приграничных территорий (в основном от представителей различных национальных групп) от людей, подозревающихся в связях с иностранцами[76].

В последней части данного раздела мы обратимся к более подробному рассмотрению репрессивных кампаний, проходивших в середине 1930-х гг. Их краткий обзор приведен во введении на основе работ О.В. Хлевнюка[77], Н. Верта[78], В.Ф. Зимы[79], В.Н. Хаустова и Л. Самуэльсона[80], в наиболее полной мере осветивших этапы репрессий 1935 – первой половины 1937 г., а

[74] Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 166-167.
[75] Ширер Д. Указ. соч. С. 28, 397.
[76] Верт Н. Террор и беспорядок. С. 235.
[77] Хлевнюк О.В. Политбюро; он же. Хозяин.
[78] Верт Н. Террор и беспорядок.
[79] Зима В.Ф. Указ. соч.
[80] Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч.

также некоторых законодательных актов[81]. Ниже будут рассмотрены работы, конкретизирующие репрессивную политику рассматриваемого периода на всесоюзном уровне.

Волны террора конца 1934 – первой половины 1937 г.

В работе, посвященной репрессивным кампаниям 1936-1938 гг., В.Н Хаустов и Л. Самуэльсон обращаются к значительному массиву историографических работ по данной тематике, большинство из них относится к 1937-1938 гг. Отметим некоторые из них, затрагивающие 1935 – первую половину 1937 гг. Р. Медведев концентрировал свое внимание на крупных политических процессах 1920-1930-х гг., доказывая, что они были сфальсифицированы. Он выделял отдельные группы населения, пострадавшие от террора, не уделяя внимания причинам его ужесточения. Д.А. Волкогонов и Н.З. Роговин также акцентировали внимание на репрессиях в партийной среде, в значительной степени основываясь на сочинениях Троцкого. Они сходились во мнении, что Сталин при проведении карательной политики боролся, в первую очередь, с представителями ленинской гвардии[82]. В.Н. Хаустов и Л. Самуэльсон отмечают, что выводы, представленные в работах О.В. Хлевнюка, существенным образом отличаются от выводов предшественников. Он доказал, что репрессии были спланированной акцией Политбюро ЦК ВКП(б) по ликвидации потенциальной «пятой колонны», а кадровые чистки и Большой террор 1936-1938 гг.[83] имели в основном единую логику[84]. В то же время существуют и противоположные мнения, к примеру, Ю.Н. Жукова, отстаивающего идею сталинского «превентивного удара» по номенклатуре, которая, по мнению автора, не принимала установок Сталина

[81] Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., 2003.
[82] Хаустов В., Самуэльсон Н. Указ. соч. С. 9-12. См.: Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М., 1990; Волкогонов Д.А. Сталин. Политический портрет. Ч. 1-2. М., 1989; Роговин В.З. 1937. М., 1996.
[83] Часть исследователей истории сталинизма (например, В.Н. Хаустов и В.М. Кириллов) датируют Большой террор с октября 1936 г. по 1938 г.
[84] Хаустов В., Самуэльсон Н. Указ. соч. С. 13. См.: Хлевнюк О.В. «Большой террор» 1937-1938 гг. как проблема научной историографии. Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004.

и не желала выборов на альтернативной основе. Другими словами, Ю.Н. Жуков настаивает на существовании реальной оппозиции сталинскому режиму[85].

По мнению В. Голдман[86], к 1934 г. не осталось ни правой, ни левой активной и организованной оппозиции политике Сталина. Тем не менее, расследование убийства Кирова постепенно переросло в широкомасштабные аресты в партии, на предприятиях, в профсоюзах, научном обществе, правительстве и других учреждениях[87]. О.В. Хлевнюк считает, что был ли Сталин причастен к убийству или нет, он в полной мере использовал это событие для достижения своих целей и, прежде всего, для расправы с бывшими участниками оппозиции. Он приказал разрабатывать «зиновьевский след», то есть обвинил в убийстве Кирова бывших политических противников – Каменева и Зиновьева[88]. По версии следствия, они возглавляли так называемый «Московский центр». Как писал Р. Такер[89], Сталин получил от ленинградского отдела НКВД документ с фамилиями бывших комсомольцев, сторонников Зиновьева, которые обсуждали проект книги по истории комсомола в антисталинском духе, за что должны были быть арестованы, однако Киров не согласился с таким решением. Теперь, после его убийства, люди в данном списке были объединены Сталиным в террористический «Ленинградский центр», связанный с московским. Этот список, представленный в послесталинское время комиссии Н.М. Шверника, сохранившийся в архиве, среди прочего дал автору возможность утверждать, что убийство Кирова не было случайностью, а являлось событием, спланированным Сталиным, для последующей борьбы с политическими «оппозицией»[90]. Невозможно дать точного ответа

[85] Хаустов В., Самуэльсон Н. Указ. соч. С. 20. См.: Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000; он же. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933-37 гг. М., 2003.
[86] Голдман В. З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010.
[87] Там же. С. 78.
[88] Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 232-233; Баберовски Й. Указ. соч. С. 178.
[89] Tucker R. Stalin in Power. The Revolution from above, 1928-1941. New York, 1992.
[90] Ibid. P. 298, 304.

на вопрос, был ли Сталин реально причастен к убийству Кирова, однако очевидно, что он использовал это событие для достижения собственных целей.

В 1935 г. в повсеместное употребление вошел термин «двурушник» - двуличный человек, обманщик, скрывающий контрреволюционные замыслы за маской лояльности к советскому режиму. Р. Такер считал, что двурушники были виновны не в совершении реальных преступлении, а в том, что Дж. Оруэлл в своем произведении «1984» назвал «мыслепреступление»: они высказывали недостаточно восторга по поводу Сталина и его политического курса. Однако в реальности они обвинялись в принадлежности к «контрреволюционным организациям, планирующим террористические акты», в том числе убийство Кирова[91].

Новый, более жесткий характер репрессивные кампании приобрели после первого «московского процесса» (август 1936 г.). Накануне, 29 июля 1936 г., от ЦК ВКП(б) на места было отправлено закрытое письмо «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». Анализ этого письма, проведенный в работах Р. Конквеста, Р. Такера и В. Голдман, не оставляет сомнений в том, что оно в значительной степени повлияло на ужесточение репрессивной политики. Указанные авторы высказывали схожее мнение о том, что текст письма стирал все границы между «шпионами, провокаторами, белогвардейцами, кулаками, троцкистами и зиновьевцами»[92].

Осенью руководители партии переключили внимание с политических убийств на акты вредительства в промышленности. Одной из причин этого стало стахановское движение. По мнению О.В. Хлевнюка, руководство страны использовало движение для организации очередного «большого скачка». Внедрение на предприятиях стахановских методов и темпов производства нередко вело к дезорганизации управления производственным процессом.

---

[91] Tucker R. Ibid. P. 307.

[92] Конквест Р. Большой террор. Кн. 1 // Рига, 1991. [Электронный ресурс]. Электронная библиотека «ЛитМир» – URL: www.litmir.info/br/?b=99847&p=40 (дата обращения: 10.03.2015); Tucker R. Ibid. P. 453; Голдман В. Указ. соч. С. 107, 118.

«Виновными» в этом становились так называемые «саботажники и консерваторы» из хозяйственных руководителей, которые якобы не приспособились к новым темпам и мешали стахановцам работать. Их искали и среди рабочих, но в особенности среди инженерно-технических работников[93]. В сентябре 1936 г. началось расследование «дела» Г.Л. Пятакова, заместителя наркома тяжелой промышленности и бывшего соратника Троцкого, по обвинению в саботаже и терроризме. Однако, по мнению В. Голдман, главным катализатором новой волны террора стал взрыв на угольной шахте в г. Кемерово 23 сентября 1936 г. Несмотря на то, что трагедия произошла по причине плохого технического обеспечения шахтерской работы, в Кемерово были арестованы ведущие управленцы и инженеры, которые оказались в тюрьме вместе с бывшими троцкистами Западной Сибири, арестованными еще весной. НКВД «удалось» связать две группы арестованных и обвинить их во вредительстве и диверсиях[94]. Несколько участников «кемеровского процесса» в январе 1937 г. оказались свидетелями на втором «московском процессе».

Разрабатывались и другие «линии». Опасаясь военной угрозы из-за границы, со стороны Польши, Германии и Японии, сталинское руководство приняло решение физически уничтожить потенциальных шпионов и предателей[95]. Были «вскрыты» группы вредителей, выводивших из строя железные дороги[96]. Жертвами таких «кампаний» в значительной степени также становились управленцы и технические кадры. Л. Самуэльсон отмечает, что чистки сотрудников среднего звена осуществлялись по алгоритму: те, кого арестовали в 1936-1937 гг., были «троцкистами» или связаны с Пятаковым и другими «оппозиционерами». В ходе Большого террора арестовывали потенциальных сторонников политики Бухарина конца 1920-х гг.[97] Р. Конквест отмечает, что при ведении следствия против политических лидеров и интеллигенции судебный процесс мог растягиваться до 2,5 лет, в то время как в сред-

[93] Хлевнюк О.В. Политбюро. С. 158.
[94] Голдман В. Указ. соч. С. 130-131.
[95] Баберовски Й. Указ. соч. С 163.
[96] Конквест Р. Указ. соч.
[97] Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 169.

нем он продолжался 4-5 месяцев. Подсудимые обязательно должны были признать свою вину, для чего к ним часто применялись методы физического воздействия[98].

К механизму репрессий обращается в своей работе Й. Баберовски. Он констатирует, что когда обвиняли партийных секретарей и функционеров госаппарата, начинались незамедлительные аресты его подчиненных[99]. Подобная линия репрессий имела место на фабриках и заводах. В. Голдман описывала процесс разоблачения «врага народа» на предприятии: устраивались собрания, напоминающие судебные процессы, партком представлял «доказательства», часто основанные на слухах, члены собрания партии принимали решение. Каждый раз, когда НКВД производил новый арест, парткомы устраивали проверки среди подчиненных и начальников осужденного. Таким образом, террор на предприятиях приобретал черты самоподдерживающего процесса[100]. Р. Такер отмечал, что теперь под угрозой были и беспартийные – их могли арестовать за связь с арестованными. С марта 1937 г. массовым явлением стало доносительство. По мнению Р. Такера, люди доносили по разным причинам: кто-то сам боялся стать жертвой доноса, случайно рассказав политический анекдот, кто-то таким образом избавлялся от неприятных ему людей, кто-то претендовал на комнату соседа или рабочее место[101]. С.А. Папков[102], изучивший доносы в Кемеровской области, пришел к выводу, что приток доносов увеличивался не только из-за веры в могущество НКВД, но и из-за утраты доверия к гражданским властям ради защиты коллективных экономических интересов. Значительную роль в этом сыграла и пропаганда в печати: образ «врага народа» переносился со страниц печати на свое окружение[103].

---

[98] Конвест Р. Указ. соч.
[99] Баберовски Й. Указ. соч. С. 229.
[100] Голдман В. Указ. соч. С. 264-265.
[101] Tucker R. Ibid. P. 455-456, 460.
[102] Папков С.А. Доносы 1937 года // Политические и социальные аспекты истории сталинизма. Новые факты и интерпретации. М. : Политическая энциклопедия, 2015. С. 86-105.
[103] Там же. С. 94-95.

Таким образом, со дня убийства Кирова до 1937 г. террор постепенно набирал обороты. До начала 1937 г. это выражалось не в количестве арестованных (до 1939 г. меньше всего арестов было произведено в 1936 г. – 131 168, однако количество осуждений выросло с 78 999 в 1934 г. до 274 670 в 1936 г.[104]), а в постепенном расширении понимания термина «враг народа»: в него включались «зиновьевцы», «троцкисты», затем «вредители», «шпионы», эсеры, «правые». Широкая трактовка статьи 58 УК позволяла подвести под одно или несколько из указанных понятий любого, у кого в биографии имелись на это «основания». Это время «тихого террора»[105] имело свою региональную специфику так же, как репрессии периода коллективизации и операции Большого террора. Рассмотрение общесоюзных процессов периода конца 1934 – начала 1937 г., описанных в историографии, позволяет проследить связь союзных репрессивных кампаний с региональными по данным сибирской историографии.

В следующем разделе данной главы мы рассмотрим работы, посвященные репрессивной политике советского государства в Западной Сибири и в том числе на Алтае в декабре 1934 – июне 1937 г.

1.2. Репрессивная политика в Западной Сибири

Б.М. Рогачев[106] считает, что региональные особенности политических репрессий определялись следующими обстоятельствами: политической историей региона (к примеру, проходила ли на территории региона Гражданская война), уровнем социально-экономического развития, численностью и национальным составом населения, наличием спецпоселков или трудовых лагерей, отношением и реализацией местной властью установок центральной власти на проведение репрессивных кампаний[107]. В Западной Сибири, как это

[104] История сталинского ГУЛАГа. С. 608-609.
[105] Tucker R. Ibid. P. 303.
[106] Рогачев М.Б. Хронология политических репрессий в Коми АССР // История сталинизма: репрессированная советская провинция. М., 2011. С. 174-182.
[107] Там же. С. 174.

будет показано ниже, проявились многие особенности регионального террора.

Зарубежные и отечественные исследователи, изучающие репрессии в СССР 1930-х гг., сходятся во мнении, что в эти годы население Сибири подвергалось самой большой опасности. Р. Ширер и В.Н. Хаустов отмечают, что Сибирь являлась местом ссылки «раскулаченных» крестьян и «бывших» людей, «социально-опасных элементов», краем лагерей и спецпоселений[108]. Й. Баберовски и В. Голдман приводят цитаты Р. Эйхе, первого секретаря Западносибирского крайкома ВКП(б), о том, что среди упомянутых категорий населения, а также уголовников и бандитов, есть «озлобленные крестьяне, доведенные до бедности представители старого режима»[109], «заядлые враги, которые будут пытаться всеми силами продолжать борьбу» против советского государства[110]. Эти факты вызывают интерес к изучению репрессивной политики в Сибири, а также ее специфики.

Сибирские историки внесли свой вклад в изучение истории сталинизма в региональном аспекте. В работах, посвященных репрессиям на различных сибирских территориях, большое внимание уделяется теме коллективизации, в значительной степени повлиявшей на сибирское крестьянство, а также Большому террору как наиболее важному этапу репрессий 1930-х гг. В течение 1930-х гг. Сибирь была окончательно превращена в главное место политической ссылки. В 1920-е гг. при осуществлении ссылки на сибирские территории центральная власть старалась сохранить пропорции в соотношении уголовной и политической частей ссылки. С началом коллективизации ситуация существенно изменилась в сторону увеличения доли политических репрессированных. С конца 1933 г. в Сибирь стали пребывать высланные в ходе «очистки» городов и приграничной полосы, деклассированные, а также

[108] Хаустов В. Указ. соч. С. 12; Ширер Д. Указ. соч. С. 105.
[109] Голдман В. Указ. соч. С. 155.
[110] Баберовский Й. Указ. соч. С. 245.

уголовники из тюрем в ходе их «разгрузки»[111]. В последующие годы эти люди составили социальную базу тех, кто в первую очередь находился под пристальным контролем органов. Значительная часть из них стала «врагами народа»[112].

Историографию изучения Большого террора в Западной Сибири обобщил в своей работе Т.В. Солгунов[113]. Он выделил несколько направлений исследований в рамках данной темы: изучение террора в отношении различных социальных категорий населения Сибири («кулаков», рабочих, интеллигенции, священнослужителей, бывших служащих царской и белой армии), функционирования репрессивного аппарата, механизмов репрессий, политических процессов, протеста сотрудников органов против массового террора (работы В.Н. Уйманова и С.А. Папкова по Томской и Новосибирской областям), роли парторганизаций и отдельных партийных лидеров, функционированию лагерной системы (преимущественно на примере лагерей Кузбасса), репрессий против отдельных этнических групп (немцев, поляков)[114]. Однако предпосылки Большого террора, а именно события 1935-1937 гг., обычно остаются не раскрытыми полностью в региональном разрезе.

В контексте рассмотрения репрессий на Алтае выделим две группы историографических работ. К первой относятся труды, освещающие проведение репрессивной политики на всей территории Сибири, в первую очередь описывающие те регионы, которые в середине 1930-х гг. входили в состав Западно-Сибирского края (ЗСК). В Томской области тему политических репрессий и последующей реабилитации их жертв разрабатывает

---

[111] Красильников С.А. Сибирь в планах и практике государственных репрессий в первой половине 1930-х гг. // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 120-летию Томского государственного университета. Том III / Отв. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. С. 6-8.

[112] Тимонина Е.И. Политические репрессии 30-х годов в Сибири // Социально-экономические и общественно-политические процессы в российском обществе: Сборник научных трудов кафедры общественных наук. – Омск: Издательство Омского института предпринимательства и права, 2004. С. 40.

[113] Солгунов Т.В. Историография массовых политических репрессий 1937-1938 гг. в Западной Сибири // Актуальные вопросы отечественной истории XX века. Сборник научных статей. Барнаул, 2006. С. 185-205.

[114] Там же. С. 195-201.

В.Н. Уйманов[115]. В своей ранней работе «Репрессии. Как это было» наибольшее внимание он уделяет процессу «раскулачивания» в ходе коллективизации, крестьянским выступлениям, в понимании властей связанным с контрреволюционными монархическими организациями. Репрессии на Алтае автор затрагивает в связи с описанием жизни переселенцев, среди которых выделяет многочисленное население Немецкого района ЗСК, однако не освещает их в полной мере, акцентируя внимание на социальных аспектах Большого террора. Он анализирует процессы с точки зрения соблюдения революционной законности на примере Томской области, сопоставляет изданные ЦИК и СНК СССР постановления с основаниями для проведения репрессивных кампаний в данном регионе. В.Н. Уйманов подробно останавливается на описании дела работников Томской железной дороги, а также на белогвардейском заговоре, однако рассматривает их с позиции арестов в Томске и Новосибирске, приводит некоторые количественные данные о репрессиях на этих территориях.

В другой своей работе[116] В.Н. Уйманов предполагает, что положение в Западной Сибири в 1920-х гг. можно считать продолжением Гражданской войны в особых формах и проявлениях. На протяжении этого времени продолжались крестьянские восстания, руководимые «вождями-лидерами» разного уровня, которые не были искоренены и в начале 1930-х гг., что обусловило жесткие репрессии и террор. Концентрация в регионе значительного количества «бывших» людей стала причиной того, что в Западной Сибири Большой террор побил все «рекорды» в сравнении с другими регионами по развертыванию массовых репрессий и уничтожению преимущественно наиболее передовой части ее населения[117]. Как и в предыдущей работе, преимущественно автор концентрируется на изучении репрессий в Томской области в 1920-х и начале 1930-х гг. Алтай затрагивается незначительно, при

[115] Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было… Томск, изд-во Томского университета, 1995.
[116] Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск, 2012.
[117] Там же. С. 137.

изложении материала автор ссылается на вводные статьи к Книгам памяти Алтайского края. В.Н. Уйманов выделяет причины репрессий на Томской железной дороге, в 1936-1937 гг. затронувших и алтайский регион. Возросший объем грузооборота к середине 1930-х гг. привел к резкому увеличению аварий и происшествий. Подвижной состав нуждался в ремонте и реконструкции. Так как работе Томской железной дороги, которой отводилась ведущая роль в процессе индустриализации, уделялось повышенное внимание, проблемы ее функционирования связывались с деятельностью врагов[118], что отразилось на статистике репрессий. В.Н. Уйманов также приводит данные о количестве реабилитированных по десятилетиям, начиная с 1954 г. Отметим, что со второй половины 1950-х гг. до 1980 г. на Алтае было реабилитировано более 20 тыс. чел.[119] (с 1919 до 1941 г., по его данным, на Алтае было арестовано 35,5 тыс. чел.[120]). Факт реабилитации до 1991 г. означает, что сама советская власть признала репрессии против указанных людей незаконными.

В Кемеровской области Л.И. Гвоздиковой[121] достаточно хорошо разработана тема функционирования исправительно-трудовых лагерей на примере Кузбасса. Эта тема в значительной степени связана с политическими репрессиями. Автор рассматривает процессы над «врагами народа» как источник пополнения лагерного контингента. Значительное внимание уделяется «кемеровскому процессу» как наиболее крупному, произошедшему в регионе, а также оказавшему влияние и на общесоюзную репрессивную политику. Автор полагает, что обвинения в «правом уклоне» стали активно предъявляться уже с 1936 г. (что Л.И. Гвоздикова связывает с арестом Бухарина и Рыкова[122], хотя они были арестованы в феврале 1937 г.), что не согласуется с позицией других исследователей[123]. В историографии также рассматриваются репрес-

[118] Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация С. 236.
[119] Там же. С. 412.
[120] Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920-1941 гг.). Томск, 2011. С. 255.
[121] Гвоздикова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997.
[122] Там же. С. 202.
[123] Папков С.А. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М., 2010. С. 194-195; Карлов С.В. Массовые репрессии в 1930 гг. (на материалах Хакасии). – Абакан: Хакасское книжное

сии на промышленных предприятиях Кузбасса: отмечается большая текучка кадров из-за постоянных арестов руководящих работников[124] и роль «пятен» в биографии руководителей и рабочих предприятий в проведении репрессий. По мнению Е.С. Гнесиной, принадлежность к «бывшим белым» всегда была типичным обвинением в течение 1930-х гг. и фигурировала во многих инструкциях и директивах центральной власти, сопровождавших репрессии[125].

Репрессии в Новосибирской области, а также в Сибири в целом, очень подробно рассмотрены в работах С.А. Папкова[126]. В них освещается связь союзных постановлений и сибирских репрессивных кампаний. Автор отмечает, что после убийства Кирова и суда над Каменевым и Зиновьевым в январе 1935 г. начались аресты групп «двурушников» на предприятиях Кемерово, Барнаула, Томска, Красноярска, из процесса над которыми крайкомом ВКП(б) была устроена копия будущих так называемых московских процессов. Приводятся доказательства того, что так же, как «зиновьевцы» в Москве «планировали» убийство Сталина, «антисоветские элементы» Сибири намечали целью своего террора секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе. Автор также акцентирует внимание на переселении в сибирские города высланных из Ленинграда, которые и на новом месте становились

издательство, 2011. С. 148. В сообщениях о Западно-Сибирском крае «правые» впервые упоминаются в связи с раскрытием «троцкистского центра» во главе с партизанским командованием – троцкистами Шевелевым-Дубковым и Третьяком в Западной Сибири и «правым контрреволюционером Яковенко в Красноярском крае» (Спецсообщение Н.И. Ежова И.В. Сталину о троцкистском центре в Западно-Сибирском крае // Фонд Александра Н. Яковлева [Электронный ресурс]. –URL: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61004 (дата обращения: 20.12.2017). 3 апреля был издан циркуляр ГУГБ НКВД о вскрытых внтисоветских организациях троцкистов и правых в военно-химической промышленности и о необходимой очистке отрасли от враждебных элементов. К лету 1937 г. обвинения в «правом» уклоне уже окончательно получили контрреволюционную окраску.

[124] Папков С.А. Чистка управленческих кадров угольной промышленности Кузбасса в 1937 г. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. №1. С. 59-63.

[125] Генина Е.С. Преследование «бывших белых» в Кузбассе в 1930-е гг. как реализация сталинской идеологии репрессий // Белая гвардия. 2001. №5. С. 61-66.

[126] Папков С.А. Сталинский террор в Сибири, 1928-1941 // Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 1997. [Электронный ресурс]. Красноярское общество «Мемориал» – URL: http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1997Papkov/0.htm (дата обращения: 28.10.2013); он же. Каганович в Сибири: погромные акции 1929-1936 гг. // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск: ИД «Сова», 2008. Вып. 2. С. 589-596; он же. Тройки ОГПУ—НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 128–154.

объектами правительственного террора. С.А. Папков отмечает то рвение, с которым местные руководители брались за выполнение инструкций центра, проводит параллели между делами «троцкистско-зиновьевских элементов» в Москве и их отголоском в Сибири, а также кампаниями по «чистке» партии, борьбе с вредителями в стахановском движении, репрессиями против руководителей различных учреждений. Апогеем террора 1935-1937 гг. в Сибири автор считает «кемеровский процесс» сентября 1936 г., которому он уделяет особое внимание.

Монография С.А. Папкова «Обыкновенный террор»[127] в наиболее полной мере освещает сталинскую репрессивную политику в Сибири. Автор последовательно рассматривает все этапы террора, начиная с коллективизации и заканчивая послевоенными кампаниями. Во многом (в частности, по структуре) данная монография повторяет работу 1997 г., однако круг рассматриваемых вопросов, а также глубина их изучения, показаны значительно шире. Автор привлекает большое число количественных данных по документам российских архивов (как ГА РФ, РГАСПИ, так и региональных – архивов Новосибирской, Томской, Иркутской областей, Алтайского и Красноярского краев) для составления графиков динамики репрессий и количества вынесенных приговоров по разным категориям. Деятельности ОГПУ-НКВД в Сибири посвящена монография А.Г. Теплякова[128]. Автор анализирует механизмы деятельности органов государственной безопасности, агентурной разведки, вербовки новых кадров. Тема репрессий раскрывается на материалах Большого террора, однако частично рассматривается и период 1935-1937 гг. А.Г. Тепляков отмечает, что репрессивная волна на Алтае была направлена в основном против «единоличников, саботирующих сев», а также христиан, но главным образом немцев, проживающих в районе г. Славгорода (существующий до настоящего времени Немецкий район). Основными причинами арестов называются получение немцами материальной помощи из Германии и

[127] Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012.
[128] Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008.

попытки эмиграции из СССР, а также обвинения в «саботаже колхозной работы». Автор отмечает, что именно ЗСК стал плацдармом для широкомасштабной очистки страны от «пятой колонны».

В других регионах Сибири теме политических репрессий также уделяется немало внимания. С.В. Карлов анализирует репрессии в 1930-х гг. в Хакасии[129]. Значительное внимание он уделяет периоду, предшествующему Большому террору. Кампании 1935 – начала 1937 г. рассматриваются им на примере отдельных репрессивных акций против конкретных групп населения, например, колхозников или служащих. Автором подчеркивается присущий репрессивным акциям в Хакаской АО «националистический» характер предъявляемых обвинений, изменение которых в процессе продвижения к Большому террору он также рассматривает на примере конкретных дел.

Другой хакасский исследователь, М.Г. Степанов[130], проанализировал историографию политических репрессий в период с 1934 по 1936 г. Он отмечает, что репрессии этого периода носили адресный характер. Они отличались от предыдущей и последующей кампаний тем, что аресты происходили в связи с личной виновностью и являлись карой за индивидуальные или коллективные «преступления»[131]. Автор обобщил выводы, сделанные С.А. Папковым о национальном характере кампаний рассматриваемого периода против немецкого населения, алтайцев, шорцев и хакасов. Репрессии против них были обусловлены политическими причинами: в первом случае попытками эмиграции немцев из СССР и получением ими материальной помощи из Германии, во втором – тенденциями национальной консолидации, которые проявляла местная интеллигенция. М.Г. Степанов отмечает, что в историографии изучения периода 1934-1936 гг. нет единого мнения по вопросу отношения к советским немцам: в частности, В.И. Бруль обнаружил в Государственном архиве Новосибирской области постановление ЦК ВКП(б) от 5 но-

[129] Карлов С.В. Указ. соч.
[130] Степанов М.Г. История политических репрессий в СССР (1934-1936 гг.): взгляд отечественной историографии // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. II. С. 182-185.
[131] Там же. С. 182.

ября 1934 г. «О работе среди немецкого населения», которое способствовало эскалации террора против немцев в конце 1934 г.[132] Тем не менее, в историографии существует точка зрения, согласно которой репрессии против советских немцев до середины 1937 г. не носили характера особо жестких и последовательных преследований[133].

Подробно на репрессиях 1935-первой половины 1937 гг. в Красноярском крае останавливается А.А. Макаров[134]. По его мнению, репрессии 1934-1935 гг. были направлены против классово чуждых лиц: «белогвардейцев», «кулаков», «троцкистов-зиновьевцев». Ко второй волне репрессий середины 1930-х гг. он относит 1936-1938 гг. Эти два периода выделяются автором на основе изучения постановлений ЦК ВКП(б), Красноярского краевого комитета и следственных дел репрессированных. Во второй период, по словам автора, врагами становились «вредители» на производстве и в колхозах, но в основном пострадала интеллигенция из бывших привилегированных слоев. Этот тезис не находит подтверждения в современной историографии репрессий 1930-х гг.[135] Автор применяет термин «массовые репрессии» по отношению ко всему периоду 1934-1938 гг., при этом приводя количество арестованных в 1937-1938 гг. в 3141989 чел. по справке Спецотдела МВД СССР 1954 г.[136] (согласно этой справке, приведенное количество людей соответствует арестованным за период с 1921 по 1938 г.) Недостаточную обоснованность такого применения термина подчеркивает в своей работе М.Г. Степанов[137]. Рассматривая последовательно изменение характера обвинений на протяжении 1935 – первой половины 1937 г., А.А. Макаров объясняет их,

---

[132] Степанов М.Г. Указ. соч. С. 184.

[133] Хаустов В.Н. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Наказанный народ: По материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», 18-20 ноября 1998 г. / Под ред. А. Б. Рогинского. - М., 1999. С. 83.

[134] Макаров А.А. Репрессии в Красноярском крае (1934-1938). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008.

[135] Такое мнение присуще «ревизионистской» историографии (Ш. Фицпатрик, А. Гетти, Г. Ритерспорн), на что указывает Г.Д. Жданова (Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 169)

[136] Макаров А.А. Указ. соч. С. 65, 74, 94, 102.

[137] Степанов М.Г. Указ. соч. С. 183.

среди прочего, влиянием структуры краевой экономики[138], не уделяя при этом внимания связи общесоюзных постановлений с региональными директивами, сопровождавшими проведение репрессивной политики, что делает указанный тезис недостаточно обоснованным.

Изучение историографии репрессий в Сибири 1930-х гг. показывает, что репрессивные кампании, проводившиеся на всей ее территории, в том числе в Западной Сибири, имели схожие тенденции для отдельных ее регионов. Местное руководство ориентировалось на указания центральной власти, а изменения в характере предъявляемых обвинений происходили практически одновременно в разных регионах.

Ко второй группе историографических работ относятся исследования, посвященные непосредственно репрессивной политике на Алтае и в Ойротской АО. Алтайские исследователи широко осветили различные аспекты Большого террора на Алтае. Авторским коллективом Г.Д. Ждановой, В.Н. Разгона, М. Юнге и Р. Биннера[139] был опубликован сборник документов «Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг.», освещающий проведение «кулацкой» операции на Алтае. Авторы осуществили публикацию документов из коллекции отдела спецдокументации управления архивного дела Алтайского края, архива управления ВСБ РФ по Республике Алтай и отдела реабилитации и архивной информации Информационного Центра при ГУВД по Алтайскому краю, а также снабдили их развернутыми аналитическими материалами. В 2014 г. была опубликована коллективная монография[140], в которой рассматриваются операции против различных групп населения в годы Большого террора: «РОВСовская» операция, репрессии в отношении священнослужителей, участников крестьянских восстаний, деклассированных элементов. Социальные и экономические аспекты Большого террора рас-

[138] Макаров А.А. Указ. соч. С. 149.
[139]Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ №00447. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010.
[140] Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа НКВД №00447: Коллективная монография. Барнаул: АЗБУКА, 2014.

смотрены в работах В.Н. Разгона[141]. Он анализирует механизмы выбора жертв репрессий, влияние социально-экономического развития региона на проведение репрессивных кампаний в отдельных его районах. Вместе с Г.Д. Ждановой им было проведено микроисторическое исследование на примере репрессивной акции в Солтонском районе Алтайского края[142] в ноябре 1937 г. Национальным аспектам Большого террора посвящена работа Н.Н. Аблажей[143] о проведении в Сибири и в том числе – на Алтае – «харбинской операции» НКВД. Ее выводы обобщены и дополнены материалами по Алтайскому краю Н.А. Потаповой[144].

Период 1935-1937 гг. практически не освещен в историографии; большое количество публикаций принадлежит краеведам, не имеющим специального исторического образования[145]. Сведения о рассматриваемом нами периоде содержатся в обобщающих работах о репрессиях 1920-1930 - х гг. на Алтае.

Одной из хорошо изученных тем, связанных с репрессиями на Алтае, является террор среди немецкого населения края. С разной степенью интен-

---

[141] Разгон В.Н. Большой террор 1937-1938 гг.: выбор жертв репрессий (на материалах следственных дел УНКВД по Алтайскому краю) // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2016. №4(92). С. 128-134; он же. Социальные и экономические факторы «Большого террора» 1937-1938 гг. (по материалам следственных дел УНКВД по Алтайскому краю на «бывших кулаков») // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всероссийской научной конференции. 30 июня – 1 июля 2006 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Ч. 2. С. 249 – 260; он же. «Большой террор» и колхозное крестьянство Алтая (по материалам архивно-следственных дел) // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: материалы II Всероссийской научной конференции. 27-28 июня 2009 г. Барнаул: Изд-во «Академия развлечений», 2009. С. 208-214.

[142] Разгон В.Н., Жданова Г.Д. Большой террор в ракурсе микроисторического исследования: репрессии в Солтонском районе Алтайского края в 1937-1938 гг. // Сибирские исторические исследования. 2014. №3. С. 71-87. Другой пример исследования репрессий на примере конкретного района, см.: Жданова Г.Д. Курьинский район в период массовых политических репрессий 1928-1937 годов // Курьинский район на рубеже веков: очерки истории и культуры. – Барнаул, 2003. - С. 91 - 120.

[143] Аблажей Н.Н. «Харбинская операция» НКВД в 1937-1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. №2. С. 80-85.

[144] Потапова Н.А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937-1938 гг. в Алтайском крае // Вестник Томского университета. История. 2017. №47. С. 75-80.

[145] См. работы краеведа Гришаева В.Ф, основанные на публикации отдельных документов ОСД УАДАК. Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул, 1995; Он же. И жертвы – и палачи: к истории сталинских репрессий в Барнауле // Барнаул, 1995. №4. С. 129-143; Он же. Дело архиепископа Иакова // История православия на Алтае. Барнаул, 2001; он же. Убитые дважды // Алтай. 1992. №3. С. 126-139.

сивности он продолжался на протяжении всех 1930-х гг. В данном контексте интересна работа Л.П. Белковец[146]. Она подробно рассматривает репрессивные кампании против немцев, уделяя особое внимание Немецкому району ЗСК. В 1934 – первой половине 1937 г. главной операцией против немцев было дело руководителей указанного района, проведенное 18-19 апреля и 3-4 мая 1935 г. 33 обвиняемым вменялась контрреволюционная фашистская агитация, а также саботаж. Шесть человек были приговорены к высшей мере наказания, остальные получили длительные сроки в исправительно-трудовых лагерях. Автор приводит краткую биографию каждого арестованного и отмечает, что у всех них имелись большие заслуги в строительстве социализма. Однако такая компания (которая была не единственной в рассматриваемый период) являлась только подготовкой к террору 1937-1938 гг. К указанному делу и другим репрессивным акциям против алтайских немцев обращается в своей работе и краевед А.А. Фаст[147]. В одной из своих работ В.Н. Уйманов[148] проводит сравнение национального состава репрессированных в 1931-1941 гг. в Алтайском крае, Томской и Кемеровской областях. Исходя из приведенных процентных соотношений долей различных национальностей среди репрессированных, автор делает вывод, что репрессии коснулись представителей нерусских национальностей в меньшей степени. Он не согласен с тезисом о том, что представителей «инонациональностей» приговаривали к расстрелу чаще[149]. Мнение автора по данному вопросу носит спорный характер. Сравнение социальных портретов репрессированных в годы Большого террора как в преимущественно «русских», так и в национальных регионах (Карельская АССР) доказывает, что от репрессий в количественном отношении больше страдала та национальная группа, представителей которой было

[146] Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 1995.
[147] Фаст А.А. В сетях ОГПУ-НКВД (Немецкий район Алтайского края в 1927-1938 гг. Барнаул, 2002.
[148] Уйманов В.Н. Национальный состав репрессированных на территории Западной Сибири в 1931-1941 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 105-110.
[149] Там же. С. 109.

больше в составе населения региона, однако приговоры представителям «инонациональностей» были более суровыми[150].

Монография Г.Д. Ждановой[151], посвященная репрессиям в Алтайском крае с 1919 по 1938 г., является наиболее полным статистическим исследованием, рассматривающим отдельно разные их периоды: с 1919 по 1927 г., с 1928 по 1933 г. и с 1937 по 1938 г. Такое дробление, а также выбор типовых сведений для рассмотрения позволяет проследить изменение в репрессивной политике, проводимой на Алтае. Статические сводки по каждому периоду автор предваряет описанием конкретных репрессивных акций и примерами из архивно-следственных дел. К сожалению, рассматриваемый нами период освещен очень кратко в контексте общесоюзных процессов и постановлений, которые предварили начало Большого террора. Данная работа была использована нами для рассмотрения изменения репрессивной политики на Алтае с 1919 по 1938 г. с учетом подробного описания событий 1935 – первой половины 1937 г.

Работа «Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965»[152] на сегодняшний день является одной из немногих, составляющих наиболее целостную картину репрессивной политики в региональном разрезе в 1935 – первой половине 1937 г. Связывая каждое отдельное постановление ЦИК и СНК СССР с кампаниями, проводившимися в это время на Алтае, авторы подкрепляют многие примером конкретного регионального дела, основываясь на архивных данных. Они акцентируют внимание не только на обилии «троцкистско-зиновьевских контрреволюционных элементов», которых власти находили в каждом селе, но и на практике доносительства, которая до начала массового террора не являлась широко распространенной, на основе чего находки таких документов в отдельных делах представляют особую ценность. Авторы приходят к выводу о том, что, так как многие уже в 1950 –

[150] Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «книгам памяти».: дисс. … канд. ист. наук : . 07.00.09. – Москва, 2016. С. 296.
[151] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг.
[152] Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965.

х гг. были реабилитированы «за отсутствием состава преступления», подавляющее количество дел было сфальсифицировано[153]. Они приводят статистику арестов в крае по годам, что в контексте использования в нашем исследовании базы данных общества «Мемориал» помогает проверить ее достоверность.

В Республике Алтай тема комплексного изучения истории репрессий находится на начальном этапе разработки. Историки и краеведы занимаются рассмотрением судеб отдельных групп населения и конкретных биографий (например, художника и общественно-политического деятеля Г.И. Чорос-Гуркина). Существует несколько работ[154], дающих общее представление о 1930-х гг. в Ойротской АО. Отдельные аспекты репрессивной политики – механизмы репрессий и репрессии против поляков – рассмотрены в статьях Н.Н. Аблажей[155] и Н.В. Вохменцевой[156]. Источники для изучения истории репрессий перечислены в работе М.С. Каташева[157]. Он разделяет их на опубликованные (источники личного происхождения, в основном – воспоминания о репрессированных[158]) и неопубликованные (архивные материалы фондов областных комитетов ВКП(б) (Алтайского и Ойротского), Ойротского областного исполкома, материалы областного суда и прокуратуры). Автор отмечает, что до сих пор большая часть документов закрыта для исследователей; режим секретности продлен и на самый важный источник – материалы

[153] Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965. С. 116.

[154] Эшматова Г.Б. Политические репрессии в Горном Алтае // Вестник Восточно- Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2015. N. 2(9). С. 48 – 52; она же. Из истории политических репрессий в Горном Алтае в период 1920-1930-х гг. XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. №3/2. С. 95-100; Шишкина И.А. Архивно-следственные дела как источник по истории политических репрессий казахов ойротской автономной области в первой половине 1930-х гг. // Гуманитарные и социальные науки. 2014. №2. С. 256-259.

[155] Аблажей Н.Н. Перебежчики в Горном Алтае: масштабы миграции и механизм политических репрессий в 1920-1930-е гг. // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Вып. 2. Новосибирск: Наука-Центр, 2004. С. 83-103.

[156] Вохменцева Н.В. Поляки в Горном Алтае в 30-50-е гг. XX века в документах и фактах // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2015. №3 (9). С. 62-67.

[157] Каташев М.С. Источники по изучению политических репрессий в национальном регионе (на примере Горного Алтая) // Научный альманах. 2016. №8-1 (22). С. 390-396.

[158] 30 октября: Альманах / Авт.-сост. Суразакова Н.В. ; Алтай. Респ. Обществ. Орг. Реабилитированных и Лиц, Пострадавших от Политических Репрессий. — Горно-Алтайск, 2003.

архивно-следственных дел[159]. В данной ситуации наиболее целостное представление о репрессиях в Ойротской АО в 1930-х гг. дают сопроводительные материалы к третьему тому Книги памяти Республики Алтай. В них содержится не только информация о конкретных репрессивных акциях, но и основная статистика репрессий – количество жертв террора по районам, их социальное положение, приговор[160]. Главным трудом, обобщающим имеющиеся сведения о репрессиях в Горном Алтае, является сборник «Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.)»[161]. В нем последовательно описываются все репрессивные акции, проводившиеся в регионе в указанный период. Авторы подробно останавливаются и на периоде 1935 – первой половины 1937 г., подчеркивая, что в это время Западно-Сибирский крайком партии четко руководил репрессивной политикой в регионе, оттесняя областное руководство. Обвинения «в национализме» присутствовали в большей части заведенных сфабрикованных дел.

Таким образом, можно отметить, что освещаемое в региональных работах в период 1935 – первой половины 1937 г. сопоставление всесоюзных постановлений и операций на местах не подкреплено количественными данными. Не установлено также, какие именно категории населения были целевыми группами репрессивных кампаний указанного периода, что становилось причиной ареста, к каким мерам наказания приговаривались обвиняемые. На частичное восполнение этого пробела направлена данная работа.

В третьем параграфе данной главы мы обратимся к историографии реконструкции социального портрета репрессированных, в том числе с использованием методов и технологий баз данных.

[159] Каташев М.С. Указ. соч. С. 394-395.
[160] Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 3 / Сост. Чепкин П.И.. — Горно-Алтайск : Юч-Сюмер-Белуха, 2003.
[161] Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.).

1.3. Исследование социального портрета репрессированных

В последние годы историки все чаще обращаются к теме реконструкции социального портрета[162]. Для такого исследования необходим большой массив однородной информации, в котором содержатся сведения об объекте изучения. Адекватным инструментом для классификации таких данных, их упорядочения и дальнейшего анализа является создание базы данных.

При переводе в электронный вид данные первичного источника подвергаются ряду трансформаций. В результате компилируется новый, вторичный источник, который не является электронной копией первичного документа. Эта методика - создание базы данных - стала часто применяться в исторических исследованиях с конца 1980-х гг. Развитие данного направления привело к использованию баз данных в просопографических и историографических исследованиях, применению их совместно с геоинформационными системами. Базы данных широко используются в исследованиях по исторической демографии, социально-экономической, социально-политической истории, а также этнологии, археологии[163].

Создание базы данных по жертвам политических репрессий позволяет провести на ее основе глубокий анализ целого комплекса вопросов, связанных с массовым террором, выявить его масштабы, определить, кто и по какой причине становился объектом репрессий. Работы по созданию таких баз начались во многих регионах России в первой половине 1990-х гг. после того, как в архивах стали доступными для исследования следственные дела репрессированных. К примеру, в Томской области в 1990 г. началось создание банка данных под названием «Память», который включал в себя карточки репрессированных с 32 реквизитами (пол, возраст, национальность, место

[162] См. прим.: Запальский Г.М. Социальный портрет воспитанников Оптиной пустыни (1825 – 1917). Вестник Московского университета. Серия 8: История. - 2007. №1. - С. 77 – 99; Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны на Урале. К реконструкции коллективного портрета // Вестник Пермского университета. Серия «История». - 2011. Выпуск 3(17). - С. 57-64.

[163] Гарскова И.М. Базы данных в исторических исследованиях: опыт и перспективы // Круг идей: базы данных в исторических исследованиях. Барнаул, 2013. С. 8-10.

работы, характер обвинения и т.д.)[164]. Еще одна база – «Память 2» - содержала информацию о людях, репрессированных до 1926 г. Обе базы данных были переданы Томскому отделению историко-просветительского общества «Мемориал», которое продолжило их заполнение. Единая база содержит почти 60 тыс. записей о репрессированных в Томской области в советский период.

В.Н. Уйманов[165], использовавший указанную выше базу данных для работы над своей монографией «Репрессии. Как это было…», в одной из своих работ пишет, что подобные банки данных создаются не во всех регионах, так как задача по их формированию официально никогда не была поставлена. В Западной Сибири – интересующем нас регионе – в настоящий момент подобная работа проведена во всех областях, ранее входивших в состав Западно-Сибирского края.

В одной из своих работ В.М. Кириллов[166] подробно описывает процесс создания банка данных репрессированных Нижнетагильского региона «Репрессированные на Урале». Кроме вышеуказанной базы на основе документов местных архивов о деятельности трех местах лишения свободы в пределах Екатеринбургской губернии, сводок о преступности, данных о количестве и категориях заключенных, отчетов с мест заключения была сформирована база данных «Исправительно-трудовые учреждения Нижнетагильского региона в 1920-х гг.». По личным делам граждан, лишенных избирательных прав, специалисты лаборатории исторической информатики создали базы данных «Лишенцы» и «Спецпереселенцы». По архивным материалам (деся-

[164] В частности, указанная база данных использована Ж.А. Рожневой для анализа репрессий 1930-х гг. в Александровском районе Томской области (Рожнева Ж.А. Политические репрессии в Александровском районе // Земля александровская: Сборник научно-популярных очерков к 75-летию образования Александровского района. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 340-353).

[165] Уйманов В.Н. Опыт создания электронной базы данных репрессированных на территории Томской области // Вестник Томского государственного университета. - 2012. №362. С. 103-106.

[166] Кириллов В.М. Репрессированные в Нижнетагильском регионе Урала (проблема формирования банка данных) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика 1917-1980-е гг. С. 15-22.

типроцентная выборка для составления учетной карточки) была начата работа над базой данных «Узники Тагиллага» [167].

На момент написания статьи В.М. Кириллова (1997 г.) в этих базах данных была собрана информация более чем на пять тысяч человек из более 50 тыс. репрессированных в Свердловской области. Препятствиями в дальнейшей работе выступали объем материала, его слабая структурированность и недостаточное применение новейших методик. Создатели баз данных использовали контент-анализ нарративных источников, привлекали формулярные источники, составляли на этой основе кодировочный лист, который лег в основу структуры базы данных. Был проведен анализ периодической печати с точки зрения выявления образа «врага народа» и описания механизма репрессий на местном уровне[168].

Уральские ученые также уделяют внимание формированию банков данных по узникам исправительно-трудовых лагерей на Урале. Основные проблемы, с которыми сталкивается исследователь при реализации данной задачи, описаны Т.И. Славко[169]: это выявление оптимального с точки зрения решения исследовательских задач круга источников и проблема разработки единых принципов структурирования их сведений. Она отмечает, что для изучения социального портрета заключенных концлагерей[170] начала 20-х го-

---

[167] Кириллов В.М. Репрессированные в Нижнетагильском регионе Урала. С. 22, 27.

[168] Там же. С. 23-24.

[169] Славко Т.И. Исправительно-трудовые лагеря на Урале в 20-е годы (проблемы формирования базы данных) // Круг идей: развитие исторической информатики. Труды II конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 1995. С. 60-70.

[170] Термин «концентрационный лагерь» впервые упоминается в декрете о Красном терроре 5 сентября 1918 г. В концлагерях предполагалось изолировать «классовых врагов». В годы Гражданской войны нередко применялась такая мера, как заключение в концентрационный лагерь «до окончания гражданской войны». Декретом ВЦИК от 17 мая 1919 г. организовывались лагеря принудительных работ, которые также именуются в литературе «концлагерями». В них для заключенных был установлен 8-часовой рабочий день, а заключенным, проявившим особое трудолюбие, позволялось «жить на частных квартирах и являться в лагерь для исполнения назначаемых работ» (декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» П.44 // СУ РСФСР, 1919. №20. Ст. 235). Применяли заключение в концлагерь не за конкретную вину перед властью, а, как правило, по причине наличия опасных или иных связей. До принятия в 1929 г. постановления СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных» и последующего создания ГУЛАГа единственным концлагерем в подлинном смысле этого слова можно считать Соловецкий лагерь особого назначения. После 1929 г. термин «концлагерь» был почти полностью вытеснен понятием «исправительно-трудовой лагерь» и лишь изредка употреблялся до середины 1930-х гг.

дов наиболее интересны материалы регистрационных книг, которые полностью сохранились по трем концлагерям Екатеринбургской губернии. В 1921 г. в них было 555 заключенных, подробная информация о которых отложилась в созданной базе данных «Лагеря». Также в ней хранится ряд файлов по каждому исправительно-трудовому учреждению Урала, которые отражают важнейшие стороны их функционирования. Главными являются сведения по трудовому использованию заключенных, культурно-массовой и учебно-воспитательной работе, информация о побегах и других происшествиях[171].

В.М. Кириллов[172] значительно конкретизирует круг источников для создания базы данных: анкетирование жителей города, переписка с бывшими репрессированными, запросы в архивы и информационные центры органов, в прошлом проводивших репрессии, работа в архивах городского ЗАГСа и региональных архивах. При работе нижнетагильской лаборатории над созданием баз данных из источников выделялись те признаки, ответы на которые встречаются неоднократно, создавалась унифицированная карточка. При этом В.М. Кириллов и Т.И. Славко делают акцент на том, что собранные в базе данных материалы – это естественная выборка, которая охватывает не все слои заключенных «Тагиллага». При изучении истории лагеря за весь временной период необходимо получить информацию по каждому лагпункту и по всем выделенным временным периодам[173].

Менее разработанной является тема репрессий в административном порядке: высылки, депортаций, спецпоселения. Существует всего четыре региональных Книги памяти (в Республике Коми, Новосибирской и Омской области, в Красноярском крае), в которых почти в полной мере учтены указанные контингенты. Общая база данных по ним хранится в Главном информационном центре МВД РФ. Она достаточно труднодоступна для исследователей. В

[171] Славко Т.И. Исправительно-трудовые лагеря на Урале… С. 62-63, 65-66.
[172] Кириллов В.М., Славко Т.И. Узники Тагиллага: принципы комплектования банка данных // Круг идей: развитие исторической информатики. Труды II конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 1995. С. 51-59.
[173] Там же. С. 53-56.

настоящее время группой исследователей из России и Армении реализуется проект «Армянская депортационная кампания и ее отражение в исторической памяти», который посвящен депортации армян 14 июня 1949 г. с территории Армении, Грузии, Азербайджана и Краснодарского края на Алтай и в Нарым. Главным источником для создания базы по 30 параметрам стали учетные дела «на выселение семьи» и протоколы Республиканской комиссии по освобождению заключенных и ссыльных (авторы не имели доступа к комплексу личных дел, а рукописные эшелонные списки оказались неполны и сложны для работы). Этот источник был дополнен сведениями из электронной картотеки на ссыльных из ИЦ МВД Алтайского края. Благодаря тому, что база сфокусирована на одной репрессии, она позволяет расширить информацию о репрессиях в отношении глав семей и их отдельных членов. Важным отличием базы данных о депортированных от такой же базы по политическим репрессированным состоит в том, что в первом случае формируется не персональная, а посемейная справка[174].

Базы данных представляют собой не только хранилища информации о репрессированных, но и являются инструментом для реконструкции и анализа социального портрета жертв политических репрессий. Историографический анализ позволяет указать несколько таких работ.

В статье Э.Е. Ушвицкой[175], посвященной анализу социальных характеристик репрессированных в годы Гражданской войны (1918-1922 гг.), дается разделение терминов «коллективная биография» - изучение судеб отдельных людей со всеми изменениями в их жизни – и «коллективный портрет» - отражение состояния людей некой группы на конкретный момент времени без учета того, благодаря каким изменениям было достигнуто данное состояние. Автор утверждает, что для составления коллективного портрета «лица» от-

[174] Аблажей Н.Н., Красильников С.А., Харатян Г. Опыт создания книг памяти депортированных: проблемы и решения // Вестник Томского университета. 2017. №422. С. 61-66.

[175] Ушвицкая Э.Е. Жертвы политических репрессий в России. 1918-1922 годы (по материалам массовых обследований политического Красного Креста, хранящихся в ГА РФ) // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. Труды IV конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 1997. С. 284-296.

дельных персоналий не важны, так как исследуется суммарный усредненный результат, который является ответом на поставленный вопрос[176].

Источником в рассматриваемой работе выступили опросные листы заключенных, составленные организацией политического Красного Креста, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Автором была произведена шестипроцентная механическая выборка путем бесповторного отбора. В нее попало 150 опросных листов из 164 дел политзаключенных, обращавшихся в Московский Политический Красный Крест[177]. Э.Е. Ушвицкая определила, что во Всероссийскую Чрезвычайную комиссию попадали по обвинению в контрреволюционных заговорах, шпионаже или службе в белой армии, а в Московскую Чрезвычайную комиссию – арестованные до выяснения личности и военнопленные. Наиболее распространенным наказанием являлось содержание в концлагере до конца Гражданской войны. Московский Политический Красный Крест оказывал материальную помощь небольшому количеству заключенных. Чаще он помогал им смягчить приговор или полностью освободиться из-под стражи[178].

Приведем несколько примеров работ, посвященных анализу социального портрета лиц, лишенных избирательных прав, а также «бывших» людей – представителей сословий и классов царской России. Именно эти категории населения испытывали на себе одни из самых жестких притеснений в первое десятилетие советской власти.

Одной из самых первых работ по данной тематике стала книга В.И. Тихонова, В.С. Тяжельниковой и И.Ф. Юшина[179], посвященная анализу социального портрета человека, лишенного избирательных прав. Исследователями была использована система управления базами данных KLEIO, позволяющая практически идентично воспроизвести формуляр архивного источника, в данном случае личных дел лишенцев. Из более чем 15 тысяч дел в

[176] Ушвицкая Э.Е. Указ. соч. С. 284.
[177] Там же. С. 285-288.
[178] Там же. С. 288-292.
[179] Тихонов В.И., Тяжельникова В.С. Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. М., 1998.

14 фондах центрального архива г. Москвы было выделено шесть описей, покрывающих период с осени 1928 г. по осень 1936 г. Затем методом случайного типического отбора оставлена одна, из которой выбрано 105 дел на 3 541 лишенца[180]. Проведенный подробный анализ выборки позволил авторам выделить семь основных категорий занятий лишенцев, среди которых самыми многочисленными стали мелкая торговля, иждивенчество и рабочие профессии. Исследователи выделили 12 социально-демографических групп, в которых персоналии объединялись по схожим социальным и демографическим признакам. К примеру, самой многочисленной группой оказались вдовы (60 чел.), живущие на собственные накопления и не имеющие постоянных занятий[181]. Одной из главных заслуг авторов явилось то, что они разработали концепцию адекватного перевода не форматизированных по единому образцу преимущественно нарративных личных дел в машиночитаемый вид с сохранением структуры источника.

Е.В. Байда[182] проанализировала социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей. Автор отмечает, что «право избирать и быть избранным – одна из важнейших форм политической активности. Лишение этого права в начале советской истории – это лишение человека гражданских прав, фактически запрет на профессию, влекло за собой конфискацию имущества или арест»[183]. В своей работе автор использовал в качестве источников комплексы документов, сопровождающих заявления граждан о восстановлении в правах, которые хранятся в Государственном архиве Свердловской области. К сожалению, в тексте отсутствует описание инструментария исследования. Е.В. Байда определила, что торговлей занимались граждане в возрасте от 20 до 50 лет, исходя из своих финансовых потребностей и сложностей в поиске работы, люди без опыта либо занимавшиеся этим

[180] Тихонов В.И., Тяжельникова В.С. Юшин И.Ф. Указ. соч. С. 61-62, 71.
[181] Там же. С. 136, 154, 159, 164.
[182] Байда Е.В. Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика 1917-1980е гг. Сборник статей участников научной конференции 10-12 ноября 1997 г. Нижний Тагил, 1997. С. 86-95.
[183] Там же. С. 87.

до революции. Избирательных прав лишали через полгода и более после ареста, однако была возможность подать жалобу о восстановлении в правах[184]. К схожим выводам приходит в своей работе Н.М. Морозова[185]. Она обратилась к источникам и методике анализа социального портрета «лишенцев» Мордовии. Источниками стали личные дела «лишенцев» четырех районов, в социально-экономическом отношении типичных для Мордовского края. В первую очередь автор отмечает, что для задачи реконструкции социального портрета при создании базы данных уместнее использовать проблемно-ориентированный, а не источнико-ориентированный метод, так как именно он позволяет создать «унифицированную анкету», то есть не в точности передать структуру источника, а выбрать лишь необходимую для анализа информацию. В данном исследовании из анкет «лишенцев» были выбраны наиболее часто встречаемые и заполняемые графы, которые стали определяющими при обозначении полей базы данных. Всего было обработано 1247 дел (19,2% от общего количества дел, имеющихся в фонде Отдела крестьянских жалоб при Мордовском областном исполкоме), из которых в базу данных была внесена информация о 1092 «лишенцах»[186].

В созданной базе данных поля №7 и №8 (национальность) заполнялись по архивному источнику и по графе «Преобладающая национальность» согласно административно-территориальному делению Республики Мордовия на 1998 год соответственно. Методика заполнения данной графы вызывает вопрос об адекватности подобного подхода, так как за более чем 60 лет границы территорий менялись, происходило движение населения, что не могло в определенной степени не отразиться на национальном составе. Автор не раскрывает всех черт социального портрета, а также не приводит временные

[184] Байда Е.В. Указ. соч. С. 89-92.
[185] Морозова Н.М. Социальный портрет «лишенцев» Мордовского края: источники и методы исследования // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. Труды VIII конференции Ассоциации «История и компьютер». Барнаул, 2003. С. 158-173.
[186] Там же. С. 165-167.

рамки исследования, что затрудняет, к примеру, сравнение результатов работы с данными по другим регионам.

Т.М. Смирнова[187] рассматривает социальный портрет «бывших» в Советской России на материалах регистрации представителей бывших эксплуататорских классов осенью 1919 г. (выборка 750 заявлений по Москве и Московской губернии и 394 анкеты по Петрограду с губернией из 2000 единиц хранения в фонде НКВД). Автор отмечает гендерную разницу «бывших» Петербурга и Москвы (здесь было больше женщин-домовладелиц), высокий уровень социальной мобильности и более простые пути интеграции с новым обществом в семьях со старшими сыновьями призывного возраста[188].

В подавляющем большинстве случаев реконструкция социального портрета репрессированного производится исследователями на материалах какого-либо конкретного региона, так как практически каждый имел свою специфику (преимущественно аграрный, с преобладанием промышленного производства, место ссылки «антисоветских» элементов и т.д.), от которой зависели социальные характеристики репрессированных. Так, Н.В. Звеняцкая[189] в своей работе рассмотрела социальный портрет «врага народа» на основе комплекса личных дел осужденных за контрреволюционные преступления по Нижнетагильскому округу (три тысячи единиц хранения). Из него была сделана выборка более 25%, в которую вошли 758 дел в основном с однородной структурой. Созданная по материалам этих дел база данных включала одну главную и восемь подчиненных таблиц, связанным по полям «код» в главной таблице. Она содержала 27 смысловых полей, из которых 20 использовалось для создания социального портрета[190].

---

[187] Смирнова Т.М. Социальный портрет «бывших» в Советской России. По материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» осенью 1919 года в Москве и Петрограде // Социальная история. М., 2000. С. 87-126.

[188] Там же. С. 89, 96, 106, 108-114.

[189] Звеняцкая Н.В. Социальный портрет «врага народа» в 1920-1930-е гг. (по материалам Нижнетагильского округа) // Тагильский край в панораме веков. Материалы научно-практической конференции г. Нижний Тагил, 12-13 мая 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 98-104.

[190] Там же. С. 100-102.

Н.В. Звеняцкая определила, что в основном репрессированные были мужчинами (86,5%) в возрасте 22-27 лет, русскими по национальности (54,5%). Большинство из них имело начальное образование или было малограмотными, несущественно отличалась доля людей с высшим образованием и неграмотных (7% и 6,8% соответственно). 46% рассмотренных персоналий было репрессировано в 1937 г., приговоры к расстрелу и срокам в 5-10 лет распределись практически равномерно. Автор делает вывод о том, что существовала неразрывная связь идеологических постулатов законодательных актов и практикой репрессий, однако данный вывод не подтверждается анализом каких-либо законов, директив, секретных указаний, что является минусом, однако не умаляет значимости проведенного анализа.

Социальные характеристики репрессированных за весь сталинский период в Смоленской области анализирует Е.В. Кодин[191]. Источником для создания базы данных выступила архивно-следственная документация, хранящаяся в архиве Смоленского областного управления ФСБ. В 2011 г. база данных насчитывала 32 111 персоналий, репрессированных в Смоленске и области в период с 1917 по 1953 г., карточки на которых содержат 16 поисковых полей. Автор отмечает, что «смоленские материалы не дают оснований к утверждению о том, что вся история советской России вплоть до смерти Сталина – это период перманентного государственного террора по отношению к собственному народу». В доказательство этого тезиса автор указывает, что в годы Большого террора было расстреляно 6990 чел., или 92,8% от всех расстрельных приговоров за рассматриваемый период, то есть наиболее жесткий период пришелся на 1937-1938 гг.

Анализ экономических и демографических аспектов социального портрета «раскулаченных» крестьян Южного Урала в 1930-1934 гг. проведен в

[191] Кодин Е.В. Электронная база данных жертв политических репрессий Смоленской области как исторический источник // История сталинизма: репрессированная российская провинция. М., 2011. С. 41-52.

статье А.А. Ракова[192], ставшей в дальнейшем частью монографии[193]. В качестве инструмента реконструкции социального облика «раскулаченных» автор использует базу данных, созданную на основе материалов шести местных архивов Челябинской области (списки кулацких семейств, подлежавших выселению, списки лиц, лишенных избирательных прав, анкеты спецпереселенцев). Созданная выборка позволила сформировать 754 записи в базе данных (содержащей главную и семь подчиненных таблиц). Автор поясняет, что в «Книгах памяти» обычно содержится следующая информация: ФИО репрессированного, дата рождения, род занятий и причина ареста. Он отмечает, что такого набора сведений было недостаточно для создания базы данных и всесторонней реконструкции социального портрета, поэтому авторская база данных была сформирована на основании архивных материалах напрямую[194].

В последние годы все чаще источником по изучению истории репрессий в конкретном регионе становятся «Книги памяти». Чаще всего объектами исследования являются жертвы Большого террора. По «Книгам памяти» создаются небольшие тематические базы данных, содержащие выборку персоналий за интересующий период, или на уровне отдельных сел, городов и районов исследуется генеральная совокупность. Приведем примеры таких работ.

Особенности социального портрета репрессированных в годы Большого террора в зависимости от региона исследования подробно рассмотрены в статьях и кандидатской диссертации[195] Л.А. Лягушкиной. Источниками ее работ выступили Книги памяти по Нижегородской (Горьковской) области[196],

---

[192] Раков А.А. О социальном портрете раскулаченных крестьян Южного Урала (1930-1934 гг.): экономические и демографические аспекты анализа базы данных // Историко-экономические исследования. - 2007. Т. 8. №.1. С. 93-126.

[193] Он же. Социально-экономические аспекты «раскулачивания» крестьян Южного Урала (1930-1934 гг.). М., 2012.

[194] Он же. О социальном портрете… С. 93-95, 99.

[195] Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): сравнительный анализ… Москва, 2016.

[196] Она же. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): анализ базы данных по Книгам памяти Нижегородской области // Историческая информатика. - 2012. №1. С. 30-43.

Башкирии[197], Карелии[198], Северо-Осетинской АССР и Алтайского края, сведения которых собраны в единой базе данных Международного «Мемориала» «Жертвы политического террора в СССР». Автором было установлено, что в основном жертвами репрессий становились мужчины среднего возраста (от 30 до 59 лет), хотя в Карелии из-за размаха национальной операции высока была доля молодежи. Молодежь реже приговаривали к расстрелу, а пожилых людей – существенно чаще, что объясняется их вероятным «неблагонадежным» прошлым, а также нерентабельностью содержания нетрудоспособных лиц в системе ГУЛАГа. Массовые операции имели явно выраженный национальный уклон. Русским приговоры к расстрелу выносились значительно реже, чем представителям «инонациональностей», несмотря на то, что в абсолютном выражении русских в населении было больше. Основной удар пришелся по трем социальным группам – колхозники, рабочие и служащие. Выше, чем доля этих групп в населении региона, был репрессировано лиц без определенных занятий и церковнослужителей[199].

В некоторых случаях социальный портрет анализируется напрямую по сведениям «Книг памяти» без предварительного создания базы данных. О.А. Вильданова[200] рассматривает репрессии 1930-х гг. в Башкортостане на примере Мечетлинского района. На основе имеющихся документов она анализирует выборку, в которую вошли 377 чел. (не ясен механизм формирования выборки), половина персоналий которой была репрессирована в начале 1930 - х гг. Это определило социальный состав репрессированных: среди них больше всего было колхозников и единоличников, которым чаще всего вы-

[197] Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора в Башкирской АССР: анализ базы данных по региональным «книгам памяти» // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М., 2013. С. 305-315.

[198] Она же. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937-1938 гг.) в Карельской АССР // Вестник Пермского университета. Серия «История». - 2014. Выпуск 3 (26). С. 36-44.

[199] Она же. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): сравнительный анализ… С. 295-297.

[200] Вильданова О.А. Изучение политики репрессий 30-х гг. XX века (на основе сведений о репрессированных жителях Мечетлинского района республики Башкортостан) // Система ценностей современного общества: сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2012. С. 50-55.

двигались обвинения не только в антисоветской агитации, но и в терроризме. Более 60% из попавших в выборку персоналий были приговорены к пяти и 10 годам лагерей[201]. В.Л. Дьячков[202] использовал подготовительные материалы к Книге памяти Тамбовской области (8000 чел.), а также архивные списки «раскулаченных» и высланных крестьян (общее название «Крестьянский мемориал», 3360 чел.) для изучения социальной истории России конца XIX – начала XX вв. Автор проанализировал даты и места рождения, пол, национальность, место проживания репрессированных, их профессиональный состав[203]. Результаты исследования представлены на многочисленных графиках, однако не имеют четкой системы, например, не выделяются возрастные диапазоны, районы рождения/проживания не сгруппированы, каждый рассматривается в отдельности, что усложняет визуализацию и интерпретацию результатов исследования.

Часто по «Книгам памяти» предметом рассмотрения становятся репрессии церковнослужителей. Сотрудниками Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета была создана единая база данных «Новомученники и исповедники и Русской Православной церкви XX века»[204], которая содержит информацию о более чем 30 тысячах персоналий, изначально собранных в различных «Книгах памяти» или не учтенных совсем. Эта база данных еще не исследована как самостоятельный источник. Пока в некоторых регионах по материалам «Книг памяти» рассматриваются судьбы репрессированных священнослужителей. Например, в Кировской области В.М. Бадьин[205] описал репрессии против церковнослужителей в 1918-1921 гг.

---

[201] Вильданова О.А. Указ. соч. С. 50-54.

[202] Дьячков В.Л. «Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие – как часовые…»: книги памяти как источник в изучении социальной истории России 1860-1930-х гг. // Вестник Тамбовского университета. 2015. Выпуск 2 (142). С. 120-126.

[203] Там же. С. 121-123.

[204] База данных «Новомученники и исповедники и Русской Православной церкви XX века» [Электронный ресурс]. – URL: http://martyrs.pstbi.ru/bin/code.exe/martyrs.htm/ans (дата обращения: 15.12.2017)

[205] Бадьин В.М. «Книга памяти жертв политических репрессий в Кировской области» как исторический источник по репрессиям в отношении представителей духовенства в Вятском крае в 1918-1921 гг. // «Обретение святых». Сборник выступлений II-ой историко-краеведческой конференции «обретение святых». – Вятка [Киров] : Буквица, 2010. С. 51-57.

Они составили 2,5% от всех приговоренных в этот период. В период красного террора почти все они были приговорены к расстрелу[206]. К.Ю. Иванов[207] обращается к информационным возможностям «Книг памяти» Западной Сибири по изучению истории религиозных организаций. Он отмечает, что обязательно использование их в комплексе с другими источниками, так как материалы биографических справок Книг не позволяют точно определить конфессию арестованного (за исключением мулл). На основе сравнения данных Книг памяти Алтайского края, Кемеровской и Томской областей автору удалось, исключив дублирование сведений и приведя их в унифицированный формат, разработать формуляр персональной справки, который мог бы использоваться при изучении репрессий среди церковнослужителей на персональном уровне[208]. А.Ю. Друговская и С.В. Капинос выбрали из первого тома Книги памяти Курской области биографии всех священнослужителей (49 чел., 4,2% от всего). Все они были расстреляны в период 1930-1940-х гг.

Интересный пример анализа «Книг памяти» и реконструкции по их сведениям социального портрета представлен в зарубежной историографии. Статья М. Илич[209] посвящена анализу Большого террора в Ленинграде и области на материалах двух первых томов «Ленинградского мартиролога» (август – октябрь 1937 г.), которые содержат записи о более чем 8000 жертв Большого террора. По результатам выборки записей с каждой десятой страницы была составлена база данных, содержащая 673 записи, а также вторая база данных, в которую вошла информация по всем репрессированным женщинам из обоих томов мартиролога (297 записей)[210]. М. Илич установила, что основной удар пришелся на служащих, единоличников и другие соци-

[206] Бадьин В.М. Указ. соч. С. 56.
[207] Иванов К.Ю. Информационные возможности Книг памяти жертв политических репрессий для восстановления истории религиозных организаций юга Западной Сибири // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XII-XX вв.: Материалы конференции, посвященной памяти профессора А.А. Говоркова / Под ред. профессора А.Н. Жеравиной. Томск, 2003. С. 203-208.
[208] Там же. С. 205-207.
[209] Ilič M. The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis // Europe – Asia Studies. Vol. 52. No. 8. 2000. Pp. 1515-1534.
[210] Ibid. P. 1518.

альные группы (военные, служители культа, пенсионеры, студенты). Между арестом и судом преимущественно проходило от 10 до 19 дней, основная статья обвинения – 58-10. В базах данных имеются неоднократные свидетельства того, что близкие родственники попадали под репрессии после ареста главы семьи[211].

М. Илич констатировала, что «вторая волна» террора распространилась гораздо дальше «чисток» в партии. Интересно то, что, как и во многих других зарубежных работах, первым этапом Большого террора в статье М. Илич обозначен промежуток времени с лета 1936 г. по лето 1937 г., второй этап начался с августа 1937 г. Он захватил бывших «кулаков», национальные меньшинства и служителей культа. Автор считает, что столь масштабная волна террора может рассматриваться как подготовка к «социальной чистке». Уничтожался каждый, кто так или иначе мог быть причастен к оппозиции Сталину[212].

Особой формой системы принудительной трудовой повинности советских немцев (а также советских граждан из ряда республик Средней Азии), призываемых в организованные по военному образцу трудовые подразделения в годы войны, были трудармии. Они также являются жертвами политических репрессий, исходя из пункта «в» статьи 3 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий». Репрессии 1940-х гг. на основе анализа социального портрета немцев-трудармейцев, реконструированного с применением технологии баз данных освещает в кандидатской диссертации С.Л. Разинков[213]. В дальнейшем при участии автора была создана также Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага[214], Тагиллага и Усольлага.

---

[211] Ilič M. Ibid. P. 1518-1521, 1523, 1526, 1529

[212] Ibid. P. 1520, 1532.

[213] Разинков С.Л. Социальный портрет советских немцев-трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941-1946 гг.: опыт создания и применения электронной базы данных: автореф. дис… канд. истор. наук. Екатеринбург, 2001.

[214] Бородкин Л.И. “Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941-1946 гг.». Авторы-составители: В. М. Кириллов, П. М. Кузьмина, Н. М. Паэгле, А.А. Пермяков, С. Л. Разинков. М: РНД, Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. Т. 1, 520 с. Т.2, 920 с.// Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 4. С. 110 - 114.

Источниками исследования С.Л. Разинкова являются 14 фондов семи государственных, бывших партийных, ведомственных архивов, текущих архивов предприятий, комплексы массовых документов персонального учета, делопроизводственная документация, постановления, директивы руководства ГУЛАГа, а также личные документы – письма и воспоминания бывших трудармейцев. При создании базы данных был использован комбинированный подход: при доминировании «проблемно-ориентированного» подхода к проектированию базы данных использовался и «источнико-ориентированный» для передачи структуры наиболее распространенных источников. В исследовании затронуты проблемы локализации информации базы данных на географической карте, что позволяет осуществить пространственный анализ сложных историко-демографических процессов[215].

Автору удалось доказать, что оценки исследователей по численности немцев-трудармейцев в Тагиллаге были неверны: вместо 15 тыс. человек С.Л. Разинков говорит о не более чем 6 700 чел. Не все заключенные занимались черной работой, как считалось ранее, часть из них была назначена на руководящие административно-хозяйственные и инженерно-технические должности, так как имела высокий уровень образования. Однако немцев-трудармейцев содержали на уровне заключенных лагерей, что негативно сказывалось на эффективности их работы[216].

***

На основе рассмотренных работ мы приходим к следующим выводам. До настоящего времени среди исследователей не существует единства мнений по поводу причин и масштабов сталинских репрессий. С точки зрения автора данного обзора наиболее убедительными выглядят те выводы, которые на основе анализа ранее недоступных исследователям архивных документов изложил в своих работах О.В. Хлевнюк. Авторы сходятся во мнении о том, что репрессивные кампании после убийства Кирова до издания прика-

[215] Разинков С.Л. Указ. соч. С. 9-11, 16-18.
[216] Там же. С. 19-21.

за 00447 на общесоюзном уровне были направлены против бывших оппозиционеров и их потенциальных сторонников. Масштабы этих кампаний не сопоставимы с Большим террором, однако их изучение также необходимо для понимания того, как борьба с «двурушниками» и «вредителями» после февральско-мартовского пленума 1937 г. постепенно превратилась в массовые операции против широких слоев населения.

Авторы рассмотренных работ отмечали специфику Сибири как места концентрации «антисоветских элементов» - «раскулаченных», спецпереселенцев, бандитов и уголовников. Это наложило отпечаток на характер репрессий, проводимых в данном регионе, а также на их масштаб. Сибирские историки отмечают связь репрессивных кампаний в Западной Сибири с центральными установками, а также акцентируют внимание на работе местных органов безопасности, проявлявших собственную инициативу, одобряемую центром, при проведении репрессий. Алтай освещается в их работах в связи с репрессивными кампаниями в других регионах Западной Сибири – Томской, Новосибирской и Кемеровской области. Период с убийства Кирова до издания приказа 00447 в июле 1937 г. остается практически неизученным в Алтайском крае, так как в работах исследователей основное внимание уделяется Большому террору. Относительно небольшая историография изучения политических репрессий в Республике Алтай сосредоточена на рассмотрении репрессий всего сталинского периода или судеб отдельных людей.

Рассмотренный нами историографический опыт реконструкции социального портрета репрессированных показывает, что данная тема является актуальной. Ее рассмотрение позволяет осветить те вопросы о репрессивной политике в СССР, получение ответов на которые было затруднено без анализа больших массивов однородной информации. С этой целью историки все чаще прибегают к использованию баз данных в исследованиях подобного рода. Базы данных, созданные на материалах больших источниковых массивов, становятся одним из основных инструментов для реконструкции социального портрета пострадавших от репрессий – «врагов народа», лишенцев, «быв-

ших» людей. Тем не менее, существуют проблемы создания единого банка данных по репрессированным на территории бывшего СССР, и их решению будет сопутствовать дальнейшая работа историков в этом направлении.

Глава 2. Источники и методы исследования

В историографии репрессии предыдущего Большому террору периода рассматриваются в связи с так называемыми московскими процессами и борьбой с остатками оппозиции. Не ставится вопрос, насколько эти процессы затронули широкие слои населения. При рассмотрении волн репрессий 1930 -х гг. конец 1934 – первая половина 1937 г. редко выделяются в отдельный период. На наш взгляд, уместно говорить о всеохватности террора: количество репрессированных после убийства Кирова до лета 1937 года несопоставимо с Большим террором, однако репрессии также захватили все слои советского общества. Для подтверждения этого тезиса необходимо изучение социальных и демографических характеристик репрессированных описываемого периода. Источником, содержащим массовые биографические данные о жертвах террора, являются «Книги памяти».

В первом параграфе главы рассматриваются Книги памяти жертв политических репрессий, методика и проблемы их составления и использования в качестве исторического источника. Производится проверка репрезентативности «Книг памяти» за период 1935-1936 гг. Обосновывается выбор Книг памяти Алтайского края и Республики Алтай для исследования социального портрета репрессированного в период с убийства Кирова до начала Большого террора. Во втором параграфе рассматриваются прочие источники исследования: сборники опубликованных документов, материалы переписей населения 1937 и 1939 г., опубликованная экономическая статистика районов Алтая и Ойротии. Третий параграф посвящен рассмотрению методов исследования, в частности, созданию баз данных по указанным «Книгам памяти», этапам разработки классификатора занятий репрессированных, построению регрессионных моделей, проведению кластерного анализа и созданию ГИС-карт по его итогам.

2.1. Книги памяти жертв политических репрессий и база данных общества «Мемориал»

С конца 1980-х гг. Книги памяти жертв политических репрессий были составлены во многих регионах России и других республик бывшего СССР. Основное содержание этих книг – краткие биографические справки о расстрелянных, отправленных в заключение, насильственно депортированных и высланных, мобилизованных в трудармии. Такие книги издавались небольшими тиражами (от 100 до 1000 экземпляров) и практически не поступали в продажу. С целью популяризации «Книг памяти» общество «Мемориал» в 1998 г. приступило к созданию единой базы данных, сводя вместе информацию из региональных «Книг памяти»[217]. В 2007 г. «Мемориал» выпустил в свет четвертое издание диска, на котором собрана информация о более чем 2,5 миллионах репрессированных за весь советский период. 5 декабря 2017 г. «Мемориал» представил обновленную версию своей базы данных. Она включает в себя 3,1 млн. записей. Прирост по сравнению с версией 2007 г. получен за счет добавления в базу «Книг памяти», вышедших за десятилетний период, а также ранее неопубликованных источников. В отличие от предыдущей версии, новая база не будет выпущена на диске, а представлена только в интернете. Ее интерфейс на данный момент не приспособлен к исследовательской работе, а поисковые результаты можно сохранить на компьютере только в формате «.txt». Отметим, что новая база не содержит не учтенных в 2007 г. сведений по Алтайскому краю и Республике Алтай. Новые тома «Книг памяти» в этих регионах не издавались.

В 2007 г. сравнение количества собранных в базу данных справок о репрессированных с «умеренными общими статистическими оценками» привело создателей базы данных к выводу, что им удалось объединить вместе примерно 20% от общего количества жертв государственного террора в СССР.

---

[217] Сопроводительные материалы // База данных «Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. - URL: http://base.memo.ru/# (дата обращения: 05.01.2018).

Большинство исследователей, оценивая масштаб репрессий, опираются на справку Спецотдела МВД СССР конца 1953 года на имя Хрущева. Согласно этой справке, в сумме с 1921 по 1938 г. и с 1939 по 1-е полугодие 1953 г. в СССР за контрреволюционные преступления — по статье 58 — было осуждено более 4,5 млн человек, из них 800 тыс. приговорены к расстрелу (681 тыс. человек расстреляна в ходе Большого террора)[218]. Эта цифра не учитывает репрессированных в «административном», а не «судебном» порядке, высланных и депортированных. Другой взгляд на статистику жертв советского террора предлагает «Мемориал». Глава общества Арсений Рогинский в начале 1990-х гг. входил в состав рабочей группы по передаче документов ФСБ на государственное хранение (проект был практически не был реализован — в нескольких городах удалось лишь передать в архивы следственные дела репрессированных). В процессе работы Рогинский имел доступ к статистическим отчетам ОГПУ-НКВД-МГБ, которые направлялись из регионов в отдел центральной регистратуры (1-й Спецотдел).

На основе этих данных А.Б. Рогинский определил следующие цифры: 6 975 197 чел., арестованных органами ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ за весь советский период в «индивидуальном порядке», из них «политических» от 4,7 до 5 миллионов человек (из общего числа вычтены «неполитические» дела и возможные дубли информации – один человек мог быть арестован и учтен несколько раз). Также было около 6 млн. репрессированных в административном порядке — «раскулаченных», высланных на спецпоселения и депортированных по национальному признаку. Всего — около 11,5 миллионов человек[219]. А.Б. Рогинский называл свои данные достоверными, но не окончательными, по двум причинам: 1) вероятный двойной или тройной учет одних и тех же людей в разных регионах: в течение 1920-х гг. не было единых стандартов оформления отчетов; 2) неполнота данных до 1922 года. На этой точ-

[218] История сталинского ГУЛАГа. С. 608-609.
[219] Жемкова Е. Указ. соч.

ке зрения основывался «Мемориал» при своих подсчетах 20% известных имен[220].

Узнать 100% имен не представляется возможным по многим причинам: многие следственные дела до сих пор находятся на хранении в ведомственных архивах и недоступны для изучения, часть людей не реабилитирована или им в реабилитации отказано – в случае, если дело было на несколько человек, и остальные его фигуранты реабилитированы, оно остается полностью закрытым как для родственников, так и для исследователей. Многие материалы, особенно о начале 1920-х гг., безвозвратно утеряны, информация о репрессированных после смерти Сталина не доступна в полной мере из-за действия закона «О персональных данных». Информация во многих существующих списках представлена очень фрагментарно, многие списки созданы на основе информации о конкретной группе репрессированных (например, только расстрелянные). Отметим, что не существует более полного открытого источника, содержащего персональные данные, чем «Книги памяти». Следовательно, использование их материалов в исследовании представляется перспективным.

Несмотря на то, что специалистами общества «Мемориал» была проделана колоссальная работа, они считают, что все еще находятся на начальном этапе процесса по увековечиванию памяти жертв политических репрессий[221]. Проблема создания единого банка данных по репрессированным на территории бывшего СССР не один раз становилась основной темой обсуждения тематических научных конференций. В 2001 г. В.М. Кириллов предлагал объединить усилия различных структур российского «Мемориала», областных управлений внутренних дел, ФСБ, региональных архивов, университетских

[220] Данные А.Б. Рогинского о статистике жертв советского террора в его лекции в «Мемориале» в рамках семинара "Государственный террор в СССР. Источники и методы изучения" 21 апреля 2015 года [Электронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=Xtk2-AuZQnc (дата обращения: 14.11.2017).

[221] Подробнее о проблемах, с которыми столкнулись сотрудники «Мемориала» при составлении базы данных, и об источниках сведений, представленных в ней, см. Жертвы политического террора в СССР // [Электронный ресурс]. - URL: http://base.memo.ru/# (дата обращения: 05.01.2018).

лабораторий для создания единой базы данных жертв террора. Эти организации могли бы функционировать по выработанному плану и поэтапно собирать информацию о репрессированных[222]. Однако при выработке общих принципов, которые должны лежать в основе подобной работы, возникает ряд проблем, с которыми, прежде всего, сталкиваются составители «Книг памяти»:

- отсутствие общего мнения по вопросу о том, какие сведения и на какие группы лиц должны быть в обязательном порядке включены в базу. К примеру, томский исследователь В.Н. Уйманов вступает в заочную полемику с Е.В. Кодиным, автором монографии «Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917-1953 гг.», доказывая, что люди, освобожденные по итогам следствия или оправданные судом за отсутствием состава преступления, должны учитываться в базе данных о репрессированных, так как они наравне с теми, кто был осужден к реальным срокам, являлись жертвами террора[223].
- фрагментарность сведений из-за недостатка данных по некоторым регионам (Белоруссия, Украина, Казахстан), а также их малой информативности (Киргизия). Некоторые бывшие союзные республики полностью отсутствуют в материалах «Книг памяти» (Азербайджан, Туркмения), или же сведения по ним не могут быть перенесены в общую базу данных, так как не имеют аналогов на русском языке (страны Балтии, Украина, Молдова).
- проведение процесса реабилитации, вторая волна которого началась в СССР в 1989 г. и продолжается в Российской Федерации до

[222] Кириллов В.М. Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий // Проблемы создания ЕЭБД жертв полит, репрессий в пределах СССР: Сб. докладов международной научно-практ. конф. Н. Тагил, 18–21.05.2000 / Под ред. В. М. Кириллова. – Н. Тагил : НТГПИ, 2001. – С. 13–18. [Электронный ресурс]. Сайт Нижнетагильского государственного социально-педагогического института – URL: http://ntspi.ru/about_academy/science/scientific_problem_laboratories/lab_3/%D0%A3%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B8%20%D0%B5%D0%B3%D0%BE%20%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0/book/021.html (дата обращения: 11.10.2017).

[223] Уйманов В.Н. Опыт создания электронной базы данных репрессированных на территории Томской области // Вестник Томского государственного университета. - 2012. №362. - С. 103-105.

настоящего времени. Специалисты общества «Мемориал» отмечают, материалы о реабилитации далеко не всегда попадают в «Книги памяти», так как акт о реабилитации подшивается к архивному делу, а сведения о ней могут получить только родственники репрессированного на основании запроса. Во многих регионах в процессе реабилитации приоритет отдается тем, кто был осужден по статье 58, затем идут дела осужденных по статье 58 в сочетании с другими, неполитическими статьями[224]. Особенно сложно обстоят дела с репрессированными в административном порядке. Реабилитация этих категорий происходит только по личным заявлениям граждан; поэтому огромная часть пострадавших остается вне процесса реабилитации;

- процесс подготовки и издания региональных «Книг памяти» остается делом регионов, так как в России не существует единой государственной программы по увековечиванию памяти жертв политических репрессий, несмотря на принятие 15 августа 2015 года «Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий», которая, спустя два года после начала реализации, не демонстрирует существенных результатов ее применения[225]. Каждая региональная организация, занимающаяся изданием «Книг памяти», включает в них разный набор сведений – к примеру, по Москве списки жертв включают имена только тех людей, которые были приговорены к ВМН (расстрелу). В Брянской, Вологодской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Челябинской областях материалы «Книг памяти» подготовлены, но издаются из-за отсутствия финансирования. В Волгоградской области, Республике Тува,

[224] Путилова Е.Г. Проблема увековечения памяти жертв политических репрессий в России (II половина 1980-х – начало 2000-х гг.) // Вестник ТПГУ. 2010. Выпуск 9 (99). С. 72.

[225] Самым главным результатом можно считать открытие общенационального мемориала жертвам политических репрессий «Стена скорби», прошедшего при участии президента РФ.

Ингушской, Карачаево-Черкесской и Чеченской республиках о работе над Книгами памяти специалистам «Мемориала» ничего не известно[226].

- не существует единых стандартов при составлении справок на репрессированных: формат сообщаемых в «Книгах памяти» сведений варьируется не только в зависимости от того, какие источники были доступны составителям, но и от того, какие сведения они считали наиболее важными[227]. Во многих регионах следственные дела не переданы на постоянное хранение в региональные и муниципальные архивы, а доступ к архивам ФСБ и МВД все ещё остаётся затруднён, поэтому при создании «Книг памяти» требуется консолидация усилий различных организаций.

В определенной мере решить указанные проблемы получилось у создателей «Открытого списка»[228], общедоступной базы данных жертв политических репрессий. Разработчиками был создан унифицированный формуляр, содержащий 18 биографических параметров, и 16 полей для записи информации об аресте, осуждении, реабилитации и источниках информации (с возможностью добавить до шести арестов). Этот формуляр применяется в четырех национальных разделах на национальных языках – русском, украинском, белорусском и грузинском. Основу сведений «Открытого списка» составляют данные базы «Мемориала» (около 90%), собственный вклад участников проекта состоит в добавлении «Книг памяти», не вошедших в базу «Мемориала». Ранее неучтенные нигде имена также добавляют пользователи, в основном родственники репрессированных. На страницах проекта также предусмотрена возможность публикации воспоминаний, фотографий и документов о репрессированных.

---

[226] Книги памяти жертв политических репрессий // Справочные материалы к базе данных «Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. - URL: http://base.memo.ru/uploads/books.pdf (дата обращения: 30.12.2017).

[227] Жертвы политического террора в СССР // [Электронный ресурс]. - URL: http://base.memo.ru/# (дата обращения: 30.12.2017).

[228] «Открытый список» жертв политических репрессий в СССР [Электронный ресурс]. - URL: https://openlist.wiki/ (дата обращения: 10.10.2017)

В настоящий момент количество записей о репрессированных на всех национальных страницах в «Открытом списке» превышает три миллиона. Благодаря единообразию организации информации и удобному поиску в будущем такая база может стать таким же источником по изучению биографических данных репрессированных, как и БД «Мемориала». Для этого необходимо унифицировать данные из разных «Книг памяти» в рамках одного формуляра и решить проблемы, связанные с частично некорректным импортом данных из разных источников.

Можем ли мы использовать данные «Книг памяти» в качестве исторического источника по изучению репрессий середины 1930-х гг., какие у них есть возможности и ограничения? Для ответа на этот вопрос мы провели проверку на репрезентативность данных «Книг памяти» по регионам бывшего РСФСР за период 1935-1937 гг. (см. Приложение 2). Проверка проводилась следующим образом. Сначала нами было сопоставлено административно-территориальное деление на начало периода (1935 г.) с тем, которое существовало в 1937 г., и с современным, на основе которого создавались «Книг памяти». Двойные названия регионов в таблице отражают наименование области в 1935 г. и наименование региона по «Книгам памяти». Таким образом было определено, какие существующие в настоящее время области (с определенной долей условности, так как задача выявления точных границ не входила в цели исследования) входили в состав укрупненных территориальных единиц 1935-1936 гг., с этими единицами соотнесена информация «Книг памяти» разных регионов (поиск производился преимущественно по дате ареста, где она не указана – по дате осуждения последовательно за каждый год). На их основе было установлено, сколько человек пострадало от репрессий в 1935, 1936, 1937 г. в каждом регионе. Эти данные были сопоставлены с данными д.и.н. О.Б. Мозохина о численности репрессированных за указанные годы для выявления степени репрезентативности «Книг памяти».

Сравнение процентных соотношений по годам показало, что большее количество справок в «Книгах памяти» относится к 1937 г. Это связано с ме-

тодикой создания книг: в некоторых регионах в списки включали преимущественно только жертв Большого террора как самой массовой репрессивной акции. К таким книгам относятся: «Ленинградский мартиролог» (кроме пятого тома), списки, составленные в Москве, расстрелянных на Бутовском полигоне и в Коммунарке, захороненных на Ваганьковском и Донском кладбище, Книга памяти Тюменской обл., включающая только имена расстрелянных, Книги памяти кавказских республик – Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Дагестана. В Коми, Карелии, Татарстане, Самарской обл. и Алтайском крае количество справок в Книгах памяти превышает количество репрессированных, приведенное в статистике О.Б. Мозохина. Одной из вероятных причин этого является вопрос о том, как повлияло изменение административно-территориальных границ на подсчет количества жертв в конкретном регионе. Количество справок может варьироваться в зависимости от того, учитывались старые или современные границы области. Например, внешние границы Республики Алтай не изменялись на протяжении советского периода. В Алтайском крае в рассматриваемый нами период было два района – Кочковский и Андреевский – в 1939 г. и в 1944 г. соответственно переданные в Новосибирскую область. Часть сведений о репрессированных в годы Большого террора (вероятно, малая) после разделения Западно-Сибирского края в сентябре 1937 г. отложилась в Книгах памяти Алтайского края, но большая часть зафиксирована в Книгах памяти Новосибирской области. За более ранний период в них нет записей о репрессированных в указанных районах. Также на переучет сведений влияло то, что составители «Книг памяти» могли вносить сведения о тех, кто проживал и был арестован на этой территории, о тех, кто был на ней реабилитирован, или также о тех, кто родился в этом регионе – количество справок в Книгах последнего типа существенно больше.

На пропуски в данных некоторых «Книг памяти» влияют проблемы их составления, с которыми сталкиваются составители Книг всех регионов, где не налажена скоординированная работа общественных и ведомственных ор-

ганизаций по сохранению памяти жертв репрессий. Указанные причины (в особенности первостепенный учет осужденных в годы Большого террора) повиляли и на количество справок о репрессированных в 1935-1936 гг. Их количество, за редким исключением, едва доходит до 40% от региональной статистики жертв репрессий, приведенной О.Б. Мозохиным. В общем по РСФСР, согласно «Книг памяти», мы располагаем данными о 9,7% информации по 1935 г. и 19% - по 1936 г. (для сравнения по 1937 г. этот процент составляет 31,5). Это ставит вопрос о правомерности использования «Книг памяти» как источника для изучения репрессий периода 1935 – первой половины 1937 г. Остановимся на этом аспекте подробнее.

По таблице, приведенной в приложении 2, видно, что среди представленных регионов 1935 г. в Северном крае, Горьковской области, Свердловской области и Дальневосточном крае количество биографических справок из «Книг памяти» в 1935-1936 гг. относительно общей статистики репрессий выше, чем в других регионах. Чем это объясняется? В составе указанных областей в рассматриваемый период находились территории нескольких современных регионов, в которых «Книги памяти» имеют свои особенности учета репрессированных. Так, в Республике Коми (5 декабря 1936 г. выделена из состава Северного края как Коми АССР) в 12-томнике «Покаяние» собрана информация не только о репрессированных на территории республики (более 30 тысяч имен), но и о 20 тыс. гражданах, высланных с территории Польши, 10 тыс. заключенных Ухто-Печорского лагеря[229] (далеко не все из них были арестованы или до ареста проживали на территории Коми). При составлении Книг памяти Нижегородской (Горьковской) области учитывалось административно-территориальное деление 1920-1950-х гг. – вероятно, в статистику (1935−1936 гг.) могли попасть те, кто был арестован и осужден на территории будущих Чувашской и Марийской АССР. Всего в нижегородской Книге

[229] Кириллов В.М. Книги памяти жертв политических репрессий. С. 79.

памяти учтено 40 тыс. имен за период с 1920 г. до начала 1950-х гг.[230]. Составители пермской Книги памяти, напротив, учитывали современное административно-территориальное деление, однако в их сведения включены имена более 2200 граждан, отбывавших наказание в Пермском крае и осужденных вторично (которые, очевидно, при первом аресте были учтены на территории других регионов). Всего в пяти томах Книги содержится 35 тыс. имен репрессированных[231]. При составлении Книги памяти Магаданской области учитывались только расстрелянные на территории региона. Всего в Книге 7,5 тысяч имен, причем дата ареста обозначена лишь годом без указания дня и месяца[232] (это может вызывать недоучет справок по запросу на конкретные даты при фактическом наличии их в базе).

Указанные регионы (кроме нижегородского края) в 1935-1936 гг. не существовали как самостоятельные территориальные единицы. Статистика О.Б. Мозохина позволяет сравнить наполненность «Книг памяти» только по укрупненным регионам, однако очевидно, что в каждом из них определенная «Книга памяти» «стягивает» большую часть информации на себя. К примеру, в Северном крае в 1936 г. на территории будущей Вологодской области, согласно данным Книги памяти, было репрессировано 69 человек, в то время как на территории Коми 4334. Очевидна неполнота сведений вологодской Книги, следовательно, основываясь в основном на данных по Коми, мы не можем изучать весь Северный край в 1935-1936 гг. как репрезентативную совокупность. То же самое можно сказать и про другие рассмотренные выше укрупненные регионы (что не умаляет самоценность изучения отдельных

---

[230] Фаворская И.М. Деятельность по восстановлению прав и увековечению памяти нижегородцев – жертв репрессий // Политические репрессии на Нижегородской земле [Электронный ресурс]: МКУК ЦГБ им. В.И. Ленина / сост. Т.В. Кучерова, Н.П. Шахмайкина. Нижний Новгород, 2012. URL: http://www.gorbibl.nnov.ru/files/bibliographies/politrepressii.doc (дата обращения: 10.10.2017). С. 12.

[231] Кирилов В.М. Книги памяти жертв политических репрессий. С. 80.

[232] За нами придут корабли: Список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. Магадан. Магаданское книжное издательство, 1999 [Электронный ресурс]. – URL: .http://old.memo.ru/library/bkmemory/magadan.htm (дата обращения: 27.11.2017).

«Книг памяти» при предварительной проверке их сведений на репрезентативность).

На материалах 1935-1936 гг. мы можем изучать не каждый отдельный регион в рамках укрупненных регионов. По причине малого процента данных о жертвах относительно опубликованных источников необходим предварительный источниковедческий анализ их «Книг памяти». Необходимо обязательное сравнение с опубликованной региональной статистикой для выявления степени репрезентативности данных, а также проверка того, насколько полно отражают данные Книг разные периоды репрессий. К примеру, относительно ровное распределение количества репрессированных в 1935-1936 гг. и 1937 г. по отношению к опубликованным данным наблюдается в Книге памяти Татарстана; чуть больший перекос заметен в Книге памяти Самарской области (см. приложение 2). Если принять во внимание, что в Книгах учитывались все репрессированные на территории области в ее старых границах (а в Самарской обл. еще и те, кто был репрессирован в других областях, но после реабилитации жил в Самарской), то, проведя предварительную коррекцию данных, эти Книги можно использовать для изучения коллективного портрета репрессированных в 1935-1936 гг.

Рассмотрим интересующий нас регион – Алтайский край (с Ойротской автономной областью), - который в рассматриваемый период входил в состав Западно-Сибирского края (ЗСК). Единым Алтайским краем эти регионы стали по постановлению ЦИК СССР от 28 сентября 1937 г. Сформированный край занимал территорию современных Алтайского края, Республики Алтай и двух районов современной Новосибирской области: Кочковского (передан в 1939 г.) и Андреевского (передан в 1944 г.). В нашем исследовании мы рассматриваем границы региона на 1936 г. Так как в составе Западно-Сибирского края будущие территории Алтайского края (без Ойротской АО) не имели собственного названия, мы будем именовать их «Алтай» (55 районов в рассматриваемый период). Под Ойротской АО подразумеваются относящиеся к ней 10 районов (аймаков).

Обратимся к приложению 3, которое показывает «степень репрессий» в укрупненных регионах 1935-1936 гг. Она рассчитывалась как отношение количества репрессированных по регионам по данным статистики О.Б. Мозохина к общей численности населения региона по материалам переписи 1937 г. При сопоставлении регионов были учтены изменения в административно-территориальном делении, произошедшие с декабря 1936 г. до подведения итогов переписи. В пятом и шестом столбцах представлена «степень репрессий» относительно данных по численности населения по переписи 1939 г.: с учетом молодежи от 15 до 19 лет (столбец 5) и без возрастных категорий до 20 лет (столбец 6). Было также сопоставлено административно-территориальное деление.

Данные столбца 3 в приложении 3 показывают, что «степень репрессий» в ЗСК относительно других регионов невелика: 1,99 человек на тысячу населения. Показатели Северо-Кавказского, Азово-Черноморского края, Ленинградской области, Восточно-Сибирского и Дальне-восточного края значительно превышают соответствующий показатель ЗСК. Это говорит о том, что выбор целого края, в рассматриваемый период включающего в себя будущую Новосибирскую область (из состава которой позднее были выделены Кемеровская и Томская области), по «степени репрессий» не обоснован (любопытно, что в годы Большого террора ЗСК имел второй по величине изначальный «лимит» на репрессии – 17000 чел., из них 5000 – по первой категории[233]). Однако, согласно указанному выше, мы не можем использовать «Книги памяти» для изучения коллективной биографии репрессированных на примере укрупненных регионов.

«Степень репрессий» относительно только взрослого населения (столбцы 5 и 6 приложения 3) в некоторых регионах относительно выше данных, полученных в сравнении со «степенью репрессий», подсчитанной по материалам переписи 1937 г. По этим показателям ЗСК стоит на 8 месте (самая вы-

[233] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 147.

сокая «степень репрессий» в Дальне-Восточном крае, Саратовской области[234] и Ленинграде[235]). Известно, что данные переписи 1939 г. завышены, переучет населения составил почти 3 млн. чел., также за счет военнослужащих и заключенных изменена численность населения некоторых регионов (например, реальная численность населения Алтайского края составляла не 2,49 млн. чел., а 2,44 млн. чел.), однако это единственный источник, содержащий разделение населения по регионам на возрастные группы[236]. Дети до 12 лет не могли стать прямым объектом репрессий (только как дети репрессированных родителей), процент несовершеннолетних среди всех политических репрессированных относительно невелик (например, на Алтае было репрессировано 3 человека в возрасте до 20 лет из 2168). Следовательно, более точный подсчет «степени репрессий» получается при исключении возрастной группы до 20 лет из общего количества населения.

Остановимся подробнее на рассмотрении «Книг памяти» пяти регионов, входивших в состав ЗСК.

В пяти томах Книги памяти Томской обл. собраны сведения о более чем 21300 уроженцах и жителях нынешней территории области. В тома включены только осужденные по ст. 58 УК РСФСР[237]. По данным составителя Книги В.Н. Уйманова, в Томской области в 1935 г. было арестовано 366 чел. (100% по данным Книги памяти), в 1936 г. – 376 чел. (99,6%) и в первой половине 1937 г. – 541 чел. (101,1%)[238]. Следовательно, репрезентативность томских Книг памяти очень высока и они пригодны для изучения как самостоятельный источник.

---

[234] Вероятно, влияние на «степень репрессий» оказывал национальный фактор, связанный с вхождением в состав области района с локализацией преимущественно немецкого населения, с 5 декабря 1936 г. – АССР Немцев Поволжья.

[235] Данные по численности населения Ленинграда и области расходятся в переписи 1937 г. и переписи 1939 г. почти на 3 миллиона человек. Выявление причины такого расхождения является предметом отдельного исследования и не рассматривается в рамках этой диссертации. Следовательно, указанная «степень репрессий» по Ленинграду и области в 1937 г. может быть завышенной.

[236] Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. С. 8-9, 23-25.

[237] Кириллов В.М. Книги памяти жертв политических репрессий. С. 72-73.

[238] Уйманов В.Н. Репрессии… Как это было. С. 99.

В Новосибирской области четыре тома Книги памяти (по материалам базы данных «Мемориала» 2017 г.) включают в себя 12 тысяч биографических справок. В материалы третьего тома входят 3000 справок о «раскулаченных», основанных на материалах ИЦ УВД по Томской области. Автоматизированная работа с данными всех четырех томов пока не является возможной, так как на момент написания диссертации на сайте базы данных «Мемориала» еще не запущен поиск по определенной Книге памяти, и невозможно проверить, сколько человек за 1935-1936 гг. внесено в четвертый том.

В сопроводительной статье ко второму тому Книги памяти Новосибирской области составители отмечали, что на момент составления Книги ими одновременно проводилось создание базы данных по персональным спискам, следовательно, еще не был ясен истинный масштаб репрессий в регионе[239]. За весь 1937 г., согласно приложения 2, в Новосибирской области (в современных границах) было арестовано 1168 чел. Очевидно, что эта цифра неполна (хотя и очевидно, что мы не можем знать данные каждого конкретного осужденного): к примеру, только по состоянию на 5 октября 1937 г. с начала Большого террора по Новосибирскому оперсектору НКВД было осуждено 2653 чел[240]. Очевидна неполнота данных новосибирской Книги, следовательно, она не может использоваться как самостоятельный источник изучения.

В Кемеровской области основные работы по истории репрессий и лагерей Кузбасса принадлежат Л. Гвоздиковой[241], она же является составителем Книг памяти и автором вступительных статей к ним, остальные работы (очерки, воспоминания) носят публицистический характер[242]. Всего в два то-

---

[239] Книга памяти жертв политических репрессий Новосибирской области. Новосибирск: Сова, 2008. С. 15.

[240] Там же. С. 429.

[241] Гвоздикова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе; она же. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. - Кемерово, 1997 // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. 10. Томск: Изд-во Томского государственного университета (ТГУ), 2000. С. 210-218.

[242] См. прим.: Павлов С.М. Кузбасская Голгофа: (очерки о политических репрессиях). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 367 с.; Он же. Наказание длиною в жизнь: очерки о политических репрессиях. – Кемерово: Сибирский писатель, 2002. – 135 с.

ма Книги, изданные в 1995 и 1996 г., входит 6173 имени. Мы располагаем следующими данными об общем количестве репрессированных в Кемеровской области. В предисловии ко второму тому Книги памяти Л.И. Гвоздикова пишет, что в 1930-1950-е гг. репрессиям на территории области подверглось более 150 тыс. чел., проходивших по 34 тыс. уголовным делам[243] (для сравнения в Алтайском крае по 31 тыс. дел проходило 46 226 человек[244] за весь ленинский и сталинский период). Такая цифра по Кемеровской области кажется нам неоправданно завышенной даже в случае, если под «нашим регионом» во вступительной статье имеется в виду Кемеровская область вместе с Новосибирской (до 1943 г.) или с учетом заключенных лагерей Кузбасса, часть из которых была осуждена в других областях[245]. В статье В.Н. Уйманова приводится численность репрессированных в Кемеровской области в 1931-1941 гг. на основании данных к.и.н. В. Онищенко – 27 787 чел[246]. Указанное количество репрессированных, превышающее данные каждого из регионов в отдельности, входивших в состав ЗСК в рассматриваемый период, также ничем не подтверждена[247]. Следовательно, мы не можем с полной уверенностью делать вывод о репрезентативности Книг па-

[243] Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области. Т. 2. Кемерово: Полиграфкомбинат, 1996. С. 3.

[244] Жданова Г.Д. Проблемы обеспечения сохранности и использования судебно-следственных дел. С. 444.

[245] Здесь мы также не можем доверять данным Л.И. Гвоздиковой, так как численность заключенных лагерей Кузбасса оценивается ей в 1,3 млн. чел. за 1936-1955 гг. путем последовательного сложения численности заключенных каждого года (Гвоздикова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. С. 480).

[246] Уйманов В.Н. Национальный состав репрессированных на территории Западной Сибири в 1931-1941 гг. С. 106.

[247] Для региональных исследований иногда характерно приведение завышенного неподтвержденного фактами количества репрессированных. Например, алтайский исследователь Н.А. Ширшев пишет о более чем 35 млн. чел., осужденных в советские годы «судами и военными трибуналами», из которых на Алтай приходится 150 тыс. чел. Он же проводит анализ социального портрета репрессированного в Барнауле, основываясь на данных сборника документов «Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965». По данным Н.А. Ширшева, в Барнауле с 1919 по 1945 гг. было репрессировано 516 чел., однако в указанном сборнике на стр. 382 указана цифра 2318 чел. в период с 1920 по 1965 гг. (см.: Н.А. Ширшев. Сборник документов «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» как источник изучения репрессивной политики советского государства в 1919-1950-е гг. // Документ в современном обществе: между прошлым и будущим: тезисы X Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Екатеринбург, 7-8 апреля 2017 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2017. С. 360-362). Н.В. Вохменцева, описывая репрессии в Республике Алтай, называет еще более нереалистичные цифры: 50 тыс. чел. только по Горно-Алтайску и 300 тыс. чел. – в общем по Республике Алтай (Вохменцева Н.В. Указ. соч. С. 63).

мяти Кемеровской области на основании имеющейся статистики. Учитывая, что более четверти из всех биографических справок в указанных книгах относится к Большому террору, мы полагаем, в них наблюдается некоторый «перекос» сведений относительно других волн репрессий сталинского периода.

Мы не располагаем статистикой по количеству жертв репрессий по годам, однако полагаем, что «Книги памяти» за 1935-1936 гг. репрезентативны. Их данные сопоставимы с количеством жертв репрессий в указанные годы в Ойротской АО. Тем не менее, в отсутствие региональной статистики мы не можем использовать Книги памяти Кемеровской области как самостоятельный источник.

В семи томах Книги памяти Алтайского края, созданной на основе базы данных «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК)», содержатся имена 46226 человек. База данных была создана специалистами управления архивного дела Алтайского края в ходе подготовки издания Книг памяти по материалам судебно-следственных дел фонда Р-2 «Управление ФСБ РФ по Алтайскому краю». В 1992-2005 гг. судебно-следственные дела по Алтайскому краю были переданы из управления ФСБ на хранение в государственный архив Алтайского края. Часть дел на граждан, не подлежащих реабилитации, а также групповые дела, в которых реабилитированы не все фигуранты дела, остаются на хранении в УФСБ[248].

Сопоставим данные опубликованной статистики репрессий по годам с данными Книг памяти. В 1935 г. арестовано 557 чел. (97,1% к Книгам памяти), в 1936 г. – 406 чел. (107,1%), в первой половине 1937 г. – 647 чел. (108%)[249]. Вероятно, что в опубликованной статистике могли быть не учтены люди, приговоренные в других регионах, но чья жизнь так или иначе была

[248] Жданова ГД. Проблемы обеспечения сохранности и использования судебно-следственных дел // История сталинизма: репрессированная российская провинция", международная научная конференция (9-11 октября 2009 г.; Смоленск) / под ред. Е. В. Кодина. - Москва : Фонд "Президентский центр Б.Н. Ельцина" : РОССПЭН, 2011. С. 444; она же. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 35.

[249] Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965. С. 130, 380.

связана с Алтаем, поэтому их следственные дела отложились в архиве Алтайского края. Это могло стать причиной появления незначительных расхождений в численности репрессированных согласно БД «Мемориала» и данных историографии. Таким образом, Книги памяти Алтайского края за 1935-1936 гг. являются репрезентативным самостоятельным источником.

В Республике Алтай (в 1922-1948 гг. – Ойротской АО) по данным трех томов Книг памяти за годы советской власти было репрессировано 7413 чел. Для нас они являются единственным источником по персональным данным репрессированных, так как мы не располагаем другими документами или статистическими сведениями о репрессированных (единственна статистика приведена в третьем томе Книги памяти на основе анализа ее данных, а также двух предыдущих томов). Мы полагаем, что данные за 1935-1936 гг. можно использовать вместе с информацией Книг памяти Алтайского края, так как с 1937 г. территории Алтая и Ойротской АО составили единый регион. Вероятно, что и в предыдущий период политика, проводимая центром (Западно-Сибирским крайкомом ВКП(б) в отношении двух регионов была схожей.

Рассмотрев отдельно «Книги памяти» регионов, входивших в Западно-Сибирский край, мы приходим к выводу, что изучение социального портрета репрессированных в этом регионе на материалах «Книг памяти» 1935-1936 гг. не может дать репрезентативных результатов по причине неполноты сведений Книги памяти Новосибирской обл. и невозможности проверки репрезентативности данных Книги памяти Кемеровской обл. Следовательно, рассматривая репрессии на территории ЗСК в 1935-1936 гг., мы можем обращаться только к отдельным его частям. Для такого исследования мы можем использовать данные Томской обл. и Алтайского края (вместе с Ойротской АО). В данном исследовании мы остановили свой выбор на втором регионе. К причинам такого выбора, кроме описанных во введении, относится большее, чем в Томской обл., количество репрессированных, а также доступность для исследователя следственных дел по Алтайскому краю, на основе

которых проводилось сравнение материалов Книг памяти с архивными документами. В исследовании нами использовались материалы второго (1931 – 1936 гг.), третьего (1937 г.) и седьмого (1920 – 1956 гг.) томов Книги памяти Алтайского края (1740 персоналий трое из них арестованы дважды в рассматриваемый период) и трех (1996, 1998, 2003 г.) томов Книги памяти Республики Алтай (427 персоналий). Книги памяти Алтайского края снабжены аналитическими статьями, публикациями документов отдельных следственных дел, фотографиями, статистическими данными. В Книгах памяти Республики Алтай также содержится статистическая информация и фотографии, имена репрессированных сгруппированы по аймакам (районам), внутри групп списки репрессированных даны по алфавиту.

Карточки в БД «Мемориала» по Алтайскому краю содержат информацию о дате и месте рождения, национальности, месте жительства, роде занятий, датах ареста и приговора, статье обвинения, приговоре и реабилитации. Отметим, что, согласно данным «Книг памяти» других регионов, содержание карточек в БД «Мемориала» может быть различным: присутствуют графы с информацией об образовании, партийной принадлежности (Томская область), номер архивного дела (Кемеровская область). Состав карточки репрессированного по Книге памяти Республики Алтай следующий: ФИО, год рождения, место рождения (район, в некоторых случаях – конкретный населенный пункт), профессия/ место работы, уровень образования, место проживания, дата ареста, приговор.

2.2. Архивно-следственные дела репрессированных в Алтайском крае

Следственные дела репрессированных являются важнейшим источником исследования, так как содержат недостающую в БД «Мемориала» информацию, а также служат для проверки ее сведений. Эта специальная делопроизводственная документация весьма сложна для изучения, так как при комплексной работе с ней нужно учитывать не только обстоятельства дела, но и ведомственные инструкции, приказы НКВД, действовавшие в то время,

политическую обстановку в стране, определенные «линии» следствия, проводимые во исполнение решений партии и правительства.

В данном исследовании использованы следственные дела репрессированных в Алтайском крае, которые хранятся в отделе спецдокументации Государственного архива Алтайского края (сокращенно – ОСД УАДАК, Ф. Р-2, Оп. 7). Всего проанализировано около 100 следственных дел, по которым прошли 340 человек. По архивным следственным делам автором было сформировано две механических выборки: 6-% (102 персоналии) и 19-% (333 персоналии). Наличие двух выборок объясняется тем, что в первую включена каждая 17-ая персоналия в алфавитном списке репрессированных, во вторую - все фигуранты дела каждой 17-ой персоналии. Материалы обеих выборок использовались как для проверки сведений «Книг памяти» и БД «Мемориала», так и для анализа социальных показателей, не учтенных в «Книгах памяти».

По классификации С.В. Журавлева, документы, содержащиеся в следственных делах, распределяются на следующие группы:

1. Документы о задержании и аресте: постановление об избрании меры пресечения, справка на арест с соответствующим обоснованием, ордер на арест, протоколы ареста и обыска, квитанции об изъятых вещах или их списки;

2. Документы о ходе следствия: анкета арестованного, протоколы допросов (см. пример в Приложении 6) и очных ставок, иногда — отдельные собственноручные показания арестованного, постановление об окончании следствия, обвинительное заключение и справка об ознакомлении с ним подследственного;

3. Итоговые материалы следствия: протокол судебного заседания с приговором или выносимое заочно решение внесудебного органа, а также справки об исполнении приговора (в случае расстрела) либо наряды на отправку в места заключения;

4. Материалы по реабилитации: письма, заявления с просьбой о реабилитации, протоколы повторных допросов свидетелей, протоколы допросов следователей, ведших дело в 1930-х гг., архивные справки и выписки, переписка прокуратуры и органов власти, заключение о наличии оснований для реабилитации, справка о реабилитации.

Кроме того, во многих делах есть приобщенные документы: письма, заявления, жалобы подследственных (особые источники личного происхождения, созданные в экстремальных условиях тюрьмы), меморандумы (выписки из донесений информаторов), доносы (см. пример в Приложении 4), вещественные доказательства, фотографии[250].

Документальный состав следственного дела мог отличаться в зависимости от того, готовилось дело на рассмотрение в судебном порядке или во внесудебном. В первом случае, как правило, дела были значительно больше по объему за счет допросов свидетелей, протоколов очных ставок и дополнительных материалов на арестованных. Дела могли быть индивидуальными или на группу обвиняемых (более трех человек), в этом случае они нередко состояли из нескольких томов.

Для реконструкции социального портрета репрессированных используются следующие документы следственных дел: справка на арест (присутствует, если дело готовилось заранее), постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения[251] (источник сведений о дате ареста, первоначальном обвинении и статье), ордер на обыск (используется для проверки даты ареста), анкета арестованного (основной источник биографической информации), протокол первого допроса (на первом листе уточнялась биографическая информация), обвинительное заключение (для проверки итого-

[250] Журавлев С.В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение по новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С. 159, 163, 170, 179, 183, 190.

[251] В разных областях документ назывался по-разному: в Московской области – «Постановление об избрании меры пресечения», в Свердловской – «Постановление о привлечении к следствию в качестве обвиняемого». В годы Большого террора нередко отсутствовало в деле по причине ускоренного оформления следственных документов. Источник: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». М., 2003.С. 358.

вого обвинения, статьи и даты ареста и сравнения с изначальными), протокол судебного заседания или выписка из заседания «тройки», приговор и справка о реабилитации.

Важнейший источник – это анкета репрессированного. Она включала сведения о поле, возрасте, месте рождения, месте жительства, социальном происхождении и положении, составе семьи, предыдущих судимостях, национальности, партийной принадлежности, службе в армии. В рассматриваемый период в следственных делах было два типа анкетных форм. Первая, еще с грифом ОГПУ, использовалась в конце 1934 – начале 1935 г. Она состояла из 23 пунктов и еще четырех, которые заполняли в месте заключения. Вторая форма анкеты с грифом НКВД применялась как до, так и во время Большого террора. Она состояла из 22 пунктов и содержала дополнительные графы о внешних приметах (практически никогда не заполнялась), дате и месте ареста (заполнялась редко) и особых примечаниях. Анкета заверялась датой (редко заполнялась сразу после ареста) и подписями арестованного и следователя (см. Приложение 5). Сведения, приведенные в анкете, дублировались в более кратком виде на первом листе протокола первого допроса. Так как нередко между моментом заполнения анкеты и первым допросом происходил сбор данных и проверка сведений об арестованном, в протоколе допроса могла содержаться более точная информация о человеке. Подробное изучение протоколов допросов необходимо для выявления следственных механизмов: по ним можно проследить, изменялись ли в ходе следствия формулировки и статьи обвинения, каким образом «создавались» группы обвиняемых, какими методами велось следствие, сколько времени оно занимало и сколько с обвиняемыми проводилось допросов.

Следственные дела являются первичным источником по отношению к «Книгам памяти», составленным по архивным документам. Дела возбуждали и вели органы ЧК-ОГПУ-НКВД-МВД, с конца 1950-х гг., когда начался процесс реабилитации, они начали формировать фонды прекращенных дел. Такие фонды во многих регионах России продолжают храниться в управлениях

ФСБ и только в некоторых (Алтайский край, Пермская, Оренбургская, Нижегородская обл. и т.д.) они массово доступны для изучения. Дела прекращенного фонда были переданы из архива УФСБ РФ по Алтайскому краю на хранение в отдел спецдокументации ГААК (всего 31619 единиц хранения)[252]. При выдаче дел исследователям для изучения доступны материалы до 1942 года, более поздние материалы закрываются конвертами в соответствии с законом «О персональных данных», устанавливающим 75-летний срок секретности для документов, содержащих биографические сведения о людях. Следовательно, для изучения недоступны материалы о реабилитации[253]. В Республике Алтай следственные дела находятся на хранении в Государственном архиве социально-правовой документации (сокращенно – ГАСПД РА), но на них продлен режим секретности, следовательно, доступ к ним ограничен – не предоставляются биографические сведения и материалы допросов обвиняемых и свидетелей[254] (в Алтайском крае доступ к этим материалам открыт).

Следственные дела нередко выступают самостоятельным источником исследования. И.Г. Силина использовала следственные дела по Алтайской губернии в 1919-1930 гг. для анализа профессиональной деятельности репрессированных. Документальный состав следственного дела за этот период немного отличался от дел 1930-х гг.: присутствовали не только анкета и отчасти дублирующий ее бланк протокола допроса, но и арестный лист с 10 информационными пунктами. Автор отмечает, что сравнение данных о занятиях репрессированных, указанных в этих документах, с информацией из регистрационных карточек заключенных позволяет проследить социальную и профессиональную мобильность людей[255]. В статьях В.Н. Разгона, основанных на анализе следственных дел по Алтайскому краю периода Большого

[252] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 30.
[253] Такое положение существует не везде. К примеру, в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) материалы о реабилитации также доступны исследователям.
[254] Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.). С. 16.
[255] Силина И.Г. Архивно-следственные дела как источник по профессиональному составу населения Алтайской губернии в 1919-1930 гг. // Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа : сб. науч. тр. / Под ред. В.Н. Владимирова, М.Х.Д. ван Леувена. - Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 67-70.

террора, анализируются проблемы «выбора» жертв репрессий (фальсификации биографических данных репрессированных – например, социального происхождения для ареста человека в рамках «кулацкой» операции[256]), придания политической окраски хозяйственным преступлениям в колхозах[257] вследствие стремления власти объяснить провалы в экономике действиями социально-враждебных элементов[258]. В отделе спецдокумментации Государственного архива Алтайского края хранятся следственные дела репрессированных в начале 1930-х гг. казахов Кош-Агачского аймака. По ним И.А. Шишкиной[259] выделены основные обвинения, предъявляемые казахам в период коллективизации: антисоветская агитация, организация вооруженных восстаний, поддержание связей с заграницей, распространение эмиграционных настроений, контрабандная деятельность. Основным видом приговоров в это время были заключение в концлагеря на срок от 3 до 10 лет, высылка в Восточно-Сибирский край или на север[260]. Б.В. Макеев[261], проанализировавший следственные дела из архива управления ФСБ по Смоленской области, отмечает, что большинство уголовных дел о «контрреволюционных преступлениях» на территории Смоленской (тогда – Западной) области в 1935-1936 гг. рассматривалось в судебном порядке и лишь часть проходила через Особое совещание при НКВД СССР. Протоколы следствия, приобщенные к делам, направлявшимся на судебное рассмотрение, часто являются подлинно следственными материалами по рассмотрению реальных эпизодов, квалифицировавшихся как «контрреволюционная деятельность». Несмотря на то, что при оформлении дел в судебном порядке следователь обязан был следовать нормам УПК, это правило часто не соблюдалось, аресты производились не

[256] Разгон В.Н. Большой террор 1937-1938 гг.: выбор жертв репрессий… С. 128-134.
[257] Он же. Большой террор 1937-1938 гг. и колхозное крестьянство Алтая …С. 211.
[258] Он же. Социальные и экономические факторы «Большого террора» 1937-1938 гг… С. 254.
[259] Шишкина И.А. Архивно-следственные дела как источник по истории политических репрессий казахов Ойротской автономной области в первой половине 1930-х гг. // Гуманитарные и социальные науки. №2. 2014. С. 256-259.
[260] Там же. С. 258-259.
[261] Макеев Б.В. Прекращенные уголовные дела по обвинениям в контрреволюционных преступлениях 1937-1938 гг. из архива УФСБ РФ по Смоленской области // Отечественные архивы. 2007. №5. С. 45-52.

только без санкции прокуратуры (как того требовало постановление СНК СССР и ЦИК ВКП(б) «О порядке производства арестов» от 21 июня 1935 г.), но и даже вышестоящего начальства[262].

В научный оборот вводятся и личные дела на репрессированных в административном порядке – высланных, спецпереселенцев и депортированных. Они существенно отличаются от дел «политических» репрессированных. В состав типичного личного дела входили: справка об основании к выселению и закреплению на спецпоселении, анкета, регистрационный лист с ежемесячной отметкой о явке поселенца в комендатуру, расписка о выселении навечно, справка о снятии с учета спецпоселения и расписка с объявлением о запрещении возвращаться на прежнее место жительства[263]. Следственные дела рассматриваются как в комплексе, так и отдельно для иллюстрации судьбы конкретно взятого человека[264].

При анализе каждой конкретной «Книги памяти» перед исследователем неизбежно встает вопрос о полноте информации, представленной в издании. Известно, что биографическая справка на репрессированного, представленная в «Книге памяти», содержит весьма ограниченное количество сведений о персоналии (в основном от пяти до десяти информационных полей). В связи с этим представляет интерес ответ на вопрос, в какой степени различается информационный потенциал «Книг памяти» и архивно-следственных дел. Л.А. Лягушкина производит такое сравнение на основе мартиролога «Бутовский полигон» и следственных дел расстрелянных на указанном полигоне, хранящихся в Государственном архиве РФ. Автором была проведена выбо-

[262] Макеев Б.В. Указ. соч. С. 49.
[263] Чебыкина Т.В. Личные дела спецпоселенцев как источник по истории насильственных этноэмиграций в сталинский период // Историческая наука на рубеже веков. М-лы Всероссийской науч. конфер., посвященной 120-летию ТГУ. Т. 3. Томск: ТГУ, 1999. С. 168.
[264] Например, Ганин А.В. Архивно-следственное дело ученого А.А. Свечина. 1931-1932 гг. // Вестник архивиста. 2014. №2. С. 260-271.

рочная проверка 101 биографической справки из указанного мартиролога и выявлены следующие типичные ошибки составителей[265].

Наиболее часто встречающаяся неточность – неправильное написание фамилий и географических наименований. Не всегда точно передается род занятий, что связано с тем, что в разных документах из следственного дела – в анкете, протоколе допроса, обвинительном заключении - обвиняемому могли записать разные должности. Встречаются расхождения сведений мартиролога и архивных дел по дате ареста. Составители изданий ориентировались на анкету обвиняемого, однако она составлялась уже после ареста, поэтому более точным было бы обращение к протоколу обыска. При составлении «Книг памяти» не существовало единого подхода к записи сведений о партийной принадлежности репрессированного - те, кто был исключен из партии после ареста, могли быть записаны и как ее члены, и как беспартийные[266].

Анкета репрессированного – один из важнейших источников для составления социального портрета. Автор отмечает, что следователи в Москве не всегда тщательно подходили к составлению этого документа – в сведениях об образовании не всегда записывали учебное заведение, пренебрегали записями о составе семьи и здоровье арестованного. При этом нередки случаи, когда анкету заполняли помощники следователей или сами арестованные, что повышает степень доверия к этому источнику, так как в подобной ситуации не существовало причин к фальсификации данных на начальном этапе следствия. Однако к такой графе, как «социальное происхождение», следует проявлять повышенное внимание, так как данный параметр нередко являлся весомым основанием для заведения дела. Автор приходит к выводу, что в абсолютном большинстве случаев определить точную причину ареста каждого конкретного человека по следственному делу не представляется возможным, однако оно дает значительно больше информации, чем «Книга памяти». Так

[265] Лягушкина Л.А. К оценке информационного потенциала «Книг памяти» в сравнении со следственными делами жертв «Большого террора» // Исторический журнал: научные исследования. 2014. №. 2 (20). DOI: 10.7256/2222-1972.2014.2.12457. С. 158-159.
[266] Там же. С. 161.

как в мартиролог Бутовского полигона были включены наиболее достоверные сведения о репрессированных, использование его в качестве источника для реконструкции социального портрета является обоснованным[267].

При сравнении информации выборки из следственных дел и карточек на репрессированных из БД «Мемориала» по Алтайскому краю мы столкнулись с некоторыми источниковедческими проблемами. Для их наглядного представления в созданной нами по материалам следственных дел базе данных, о которой подробнее будет сказано далее, была создана таблица, в которую были внесены выявленные различия между сведениями БД «Мемориала» и следственными делами. Такие различия в источниках встретились в карточках на 138 персоналий, при этом одна карточка могла содержать несколько расхождений. Самый большой процент несоответствий в следственных делах и БД «Мемориала» по отношению к общей архивной выборке (19%, 333 персоналий) выявлен по полям «дата ареста» (46 случаев, 13,8%), «статья обвинения» (33 случая, 10%) и «род занятий» (19 случаев, 5,7%).

Различия по полю «дата ареста» в пределах одного месяца (34 случая из 52) не являются существенными в рамках реконструкции социального портрета, так как не отражаются на помесячной динамике арестов, но требуют особого внимания при изучении механизма ведения следствия в рамках каждого отдельно взятого дела. Причина более серьезных расхождений, вероятно, состоит в методике составления «Книг памяти». По сведениям, полученным от сотрудников регионального архива, в «Книги памяти» в качестве даты ареста заносилась дата, указанная в соответствующей графе «кем и когда арестован» анкеты арестованного. Если дата ареста в анкете отсутствовала, документы проверялись в следующем порядке: обвинительное заключение, приговор, протокол обыска, ордер на арест, постановление об избрании меры пресечения. Однако даты в документах могли различаться вследствие разных причин, от опечаток (характерных для обвинительного заключения) до намеренного искажения фактов. Например, в деле колхозников села Букошка в

[267] Лягушкина Л.А. К оценке информационного потенциала «Книг памяти». С. 164-165.

анкете каждого из четырех арестованных в графе анкеты «кем и когда арестован» у всех четырех обвиняемых стояла дата ареста 22 августа 1935 г., но допросы троих из них в качестве обвиняемых проводились еще в мае. Корректная дата ареста – 17 мая 1935 г.[268]

В соответствии со ст. 145 УПК РСФСР 1923 г. меры пресечения применялись к человеку после предъявления обвинения и только в исключительных случаях раньше него. Человек мог быть задержан и допрошен как подозреваемый или свидетель, но обвиняемым становился только после вручения соответствующего постановления. Изучение текстов постановлений об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения показывает, что иногда этот документ вручался обвиняемому уже после ареста и допроса в качестве не подозреваемого, а обвиняемого. Тогда же происходило заполнение анкеты арестованного, что отражалось в графе «дата заполнения анкеты». При этом нередки случаи, когда эта дата отражалась в заключении о реабилитации как дата ареста. Другая причина появления расхождений в датах ареста носит технический характер и могла появиться на этапе переноса сведений из «Книг памяти» в БД «Мемориала». По анкете и постановлению об аресте А. Гардера арестовали 7 декабря 1934 г.[269] В БД «Мемориала» дата его ареста – 2 февраля 1934 г. Так как многие «Книги памяти» специалистам «Мемориала» пришлось сканировать вручную, очевидно, произошла ошибка распознавания, и декабрь (12 месяц) превратился в февраль (02). Такие неточности можно выявить только путем сравнения данных БД с материалами следственных дел.

В БД «Мемориала» отсутствует информация о социальном положении репрессированных, но есть поле «род занятий», по которому можно определить принадлежность репрессированного к той или иной общественной и профессиональной группе. Это необходимо для анализа как социальной структуры репрессированных, так и их профессионального состава. Как по-

[268] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12115. Л. 20-23, 29, 115.
[269] Там же. Д. 8896. Л. 31-32.

казали данные выборки, из 19 различий в 6 случаях род занятий заменен на иной: к примеру, тот, кто имеет рабочую профессию по материалам следственного дела, в БД «Мемориала» является занятым в сельском хозяйстве. В некоторых случаях – например, с единоличниками, - нередки были случаи «приписок»: в деле сельскохозяйственных работников села Рожнев Лог в анкетах двоих фигурантов – Е. Чепика и Г. Сидоровича – в графе «род занятий» другой пастой вписано слово «единоличник». О том, что указанный род занятий – это приписка во время следствия, свидетельствует и то, что третий обвиняемый – Г. Перевалов – был кладовщиком в колхозе[270]. В «Книги памяти» все трое внесены как «члены колхоза». В случае определения корректного рода занятий недостаточно пользоваться сведениями только анкеты: он мог быть изменен или уточнен в ходе первого допроса. Важно также сравнить его с данными обвинительного заключения, так как в разных документах могла быть зафиксирована как деятельность на момент ареста, так и до него: например, в анкете П. Шеломонова в графе «место работы» указано, что он был делопроизводителем, в протоколе первого допроса сказано, что на данный момент он «без определенных занятий»[271]. С 1934 по 1936 г. П. Шеломонов служил в Красной армии, и в «Книгу памяти» он попал как «младший командир 61 строевого полка». Три варианта записи рода занятий дают возможность причислить П. Шеломонова к трем разных общественным группам: служащих, деклассированных элементов или военных. В данном случае мы считаем правильным отнести его к третьей группе, исходя из формулировки обвинения – «поддерживал связь с троцкистами во время пребывания в РККА»[272] - и того, что он был осужден Военным трибуналом, а в 1993 г. реабилитирован Военной прокуратурой Сибирского Военного округа. В комментариях к седьмому тому «Книги памяти» также сказано, что в случаях,

[270] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 20827. Л. 32-34.
[271] Там же. Д. 23037. Л. 10-11.
[272] Там же. Л. 4.

когда род занятий репрессированного был не выявлен, в данное поле вписывалось «без определенных занятий»[273].

Различия в полях «род занятий» в следственных делах и БД «Мемориала» в определенной степени сказываются на анализе общественной структуры репрессированных, однако мы не можем утверждать, что эти отличия носят массовый характер. Очевидно, что при работе над «Книгами памяти» авторский коллектив выверял значения разных показателей и старался внести в информацию Книг реальную информацию, а не приписанную сотрудниками НКВД. Следовательно, мы можем проводить анализ социальной структуры репрессированных на основе информации БД «Мемориала».

Схожая картина наблюдается при рассмотрении поля «статья обвинения». В 33 выявленных расхождениях указанные пункты статьи 58 не сходятся. К примеру, В. Колесников, фигурант дела «Российского общевоинского союза - РОВС», - «контрреволюционной террористической организации», - был обвинен по статьям 19, 58-2-7-8-11, согласно обвинительному заключению[274]. БД «Мемориала» показывает, что Колесников был обвинен по статьям 19, 58-2-7-8-9-11, то есть к обвинению в статье 58 прибавился пункт 9 – «Причинение ущерба системе транспорта, водоснабжения, связи и иных сооружений или государственного и общественного имущества в контрреволюционных целях». Вероятно, в ходе следствия обвинение неоднократно менялось, что характерно для обвинения в рамках крупных групповых дел. Смена статьи должна была фиксироваться специальным постановлением, но, вероятно, этого не производилось по делам, которые должны были разбираться во внесудебном порядке. Обвинение с пунктом 9 могло быть указано в каком-то одном документе следственного дела, однако в «Книгу памяти» попали сведения из другого источника. Составители «Книг памяти» брали статью обвинения из приговора (в протоколах «тройки» указывалась редко), если она отсутствовала в нем – из обвинительного заключения, при отсутствии

[273] Жертвы политических репрессий в Алтайском крае: (Книга памяти). Т. 7. 1920-1965. Барнаул, 2005. С. 3.
[274] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5189/23. Л. 11.

и там - из постановления об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения. В деле жителей села Новоколпаково в обвинении каждого фигуранта изначально присутствовал пункт 8 статьи 58 УК (террористическая деятельность), однако через полгода ведения следствия в специальном постановлении обозначено, что обвинение по ст. 58-8 не подтверждено[275]. В «Книге памяти» у всех семи обвиняемых этот пункт присутствует в статье обвинения.

Приведем пример смены статьи в ходе следствия. Г. Сладковский, начальник строительства нефтебазы, был обвинен по ст. 58-7 за хищения на производстве и срыв строительства[276] – согласно статье «подрыв государственной промышленности, транспорта, <…> совершенный в контрреволюционных целях» (см. Приложение 8). Через два года следствия, в 1938 г., ему было предъявлено обвинение по ст. 58-6 – шпионаж в пользу иностранного государства. Согласно обвинительному заключению, Сладковский был приговорен к расстрелу по обвинению, соответствующему ст. 58-2-6-9-11[277], - вооруженное восстание и вторжение на советскую территорию вооруженных банд, шпионаж, подрыв путей сообщения и организационная контрреволюционная деятельность, - которая даже отдаленно не похожа на ту, которая была оглашена изначально. В таких случаях, чаще всего встречающихся в объемных или многотомных делах, необходимо обязательно обращать внимание на приговор и указанную в нем статью обвинения.

Отметим, что в большинстве случаев расхождения в источниках не влияют на конечные результаты исследования. Например, при использовании поля «год рождения» по материалам БД «Мемориала» для подсчета среднего возраста репрессированного результат составляет 41,28 год, по материалам следственных дел – 41,43 год. Очевидно, что расхождение в несколько сотых не является качественно значимым, следовательно, данные обоих источников (исходя из нашей методики верификации) пригодны для исследования.

[275] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 11672. Л. 213.
[276] Там же. Д. 7034. Л. 410.
[277] Там же. Л. 447.

2.3. Прочие источники исследования

Архивные документы. Кроме указанных источников в работе использовались документы основного хранения Государственного архива Алтайского края (сокращенно – ГА АК), фондов П-1 «Алтайский краевой комитет КПСС» и П-10 «Барнаульский городской комитет КПСС».

Опубликованные документы. Большинство документов краевых партийных фондов по теме государственного террора до сих пор недоступно для изучения, однако некоторые из них опубликованы в Книге памяти Алтайского края (использовались документы, опубликованные во втором томе[278]). Это сводки, донесения, директивы, материалы по отдельным следственным делам. Некоторые документы опубликованы в сборнике «Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965»[279] в хронологическом порядке. Документы по истории репрессий в Республике Алтай собраны в сборнике «Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.). Сборник архивных документов и материалов»[280]. Сборник содержит документы архивных фондов Новосибирской области, Алтайского края, Республики Алтай: партийную документацию Западно-Сибирского краевого, Алтайского краевого и Ойротского областного комитетов ВКП(б), делопроизводственные документы органов власти, архивно-следственные дела, документы ведомственных архивов прокуратуры и Верховного суда Республики Алтай.

В работе также использовались сборники документов «Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД»[281] составителей В.Н. Хаустова, В.П. Наумова и Н.С. Плотникова и «История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов», материалы первого тома «Массовые репрессии в СССР»[282]. В сборники входят документы из фондов Архива Президента Рос-

[278] Жертвы политических репрессий в Алтайском крае: (Книга памяти). Т. 2. 1931-1936. Барнаул, 1999.
[279] Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965.
[280] Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.). Сборник архивных документов и материалов / Отв. ред. Н.В. Екеев. Горно-Алтайск: «АУ РА «Литературно-издательский дом «Алтын Туу», 2017.
[281] Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД.
[282] История сталинского Гулага.

сийской Федерации (АПРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального архива Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России).

Материалы переписей населения. Для определения «степени репрессий» и составления социальной классификации репрессированных применялись материалы переписей населения 1937 г. и 1939 г. Перепись населения 1937 г. проводилась в сложных условиях: в 1933 г. закончилась активная фаза коллективизации, одновременно проводилось «раскулачивание», в рамках которого более 1,8 млн. чел. было выселено в отдаленные районы страны. Коллективизация сопровождалась большими экономическими потерями: сократилось поголовье скота, снизились урожаи зерновых. В 1932 г. Украину, Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, части Сибири и Казахстана охватил голод. Массовые репрессии, начавшиеся в 1937 г., также усугубили демографическую ситуацию. На XVII съезде ВКП(б) Сталин назвал цифру численности населения СССР на конец 1933 г. – 168 млн. чел. В этих условия подведенные предварительные итоги переписи населения 1937 г., показавшие реальную цифру в 162 млн. чел., не могли удовлетворить Сталина. Перепись была признана «дефектной», работа над ней свернута, а организаторы репрессированы как «враги народа»[283].

Несмотря на то, что результаты переписи 1937 г. являются более достоверными, их оказалось недостаточно для составления классификатора занятий репрессированных. Материалы этой переписи использовались при определении административно-территориального деления СССР в 1937 г., при установлении «степени репрессий» относительно общей численности населения каждого конкретного региона, а также для уточнения классификации занятий на основе предложенной разработчиками переписи. Перепись 1939 г. является более искаженной. Показанная ей численность населения в 170 млн. чел. была завышена в угоду партийно-правительственным установкам. Пере-

[283] Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. С. 5-9.

учет населения составлял почти 3 млн. чел., также за счет военнослужащих и заключенных была изменена численность населения некоторых регионов (например, переучет численности населения Алтайского края составляет 2,1%[284]). Тем не менее, материалы переписи 1939 г. - это единственный источник, который содержит данные по численности населения по разным возрастным группам для установления более точной «степени репрессий» (без учета населения в возрасте до 20 лет). Разработанный составителями переписи классификатор занятий населения СССР был более подробный, чем в соответствующих материалах переписи 1937 г., поэтому именно он стал основной классификатора, разработанного и использованного в рамках данного исследования.

Экономическая статистика. При определении влияния экономических показателей на уровень репрессий в районах Алтая и Ойротской АО использовался порайонный сборник экономических показателей «Западно-Сибирский край. Города и районы. Основные показатели»[285]. Сборник составлен по материалам официальной статистики краевого управления народно-хозяйственного учета за 1935 г. Справочник содержит краткие сводки информации по каждому крупному городу и всем районам Западно-Сибирского края. Для проверки сведений сборника использовались сведения, приведенные в справочнике «Народное хозяйство Западно-Сибирского края»[286] (например, данные о сети стационарных учреждений здравоохранения по районам ЗСК на 1 января 1935 г.).

Картографические источники. Для визуализации результатов исследования и проведения кластерного анализа районов Алтая и Ойротии по выбранным показателям в исследовании применялись ГИС. Источником для создания ГИС-карты послужила экономическая карта Алтайского края 1939 г.,

[284] Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М.: Наука, 1992. С. 8-9, 23-25.
[285] Западно-Сибирский край. Города и районы. Основные показатели. Новосибирск, 1936 г.
[286] Народное хозяйство Западно-Сибирского края. Новосибирск, 1936. С. 414-415.

составленная 6-й Картографической фабрикой ГУГК при СНК СССР в октябре 1939 г., с указанием границ всех районов Алтая.

2.4 Методы исследования

В исследовании применяется целый комплекс методов, прежде всего, ключевые исторические методы:

историко-сравнительный метод используется для сопоставления регионов и их районов между собой, а также различных групп репрессированных;

историко-типологический метод используется в исследовании для распределения репрессированных по группам по демографическим и социальным признакам (пол, возраст, национальность, социальное положение и т.д.);

историко-генетический метод используется для описания событий и процессов по времени от убийства Кирова до начала Большого террора.

В исследовании также использовались:

архивная эвристика применялась для поиска и изучения следственных дел репрессированных

микроисторический подход использовался при изучении и анализе отдельных следственных дел

Вторую группу методов, использованных в исследовании, составляют количественные методы:

методы и технологии баз данных применялись для структуризации информации источников. При создании баз данных применялся проблемно-ориентированный подход;

методы компьютеризованного статистического анализа использовались для анализа возраста, пола, социального положения репрессированных, вычисления зависимостей между различными признаками, построения и анализа регрессионных моделей (выявления экономических признаков, влиявших на уровень репрессий в районах Алтая и Ойротии, и степени их влияния), кластеризации районов Алтая и Ойротии по уровню репрессий и уровню экономического развития и определению на этой основе групп районов;

ГИС-карты использовались для визуализации результатов исследования и на основе проведенного в программе STATISTICA кластерного анализа районов Алтая и Ойротии по выбранным показателям. Для создания ГИС-карты применялась программа MapInfo;

методы сетевого анализа применялись для выявления механизмов репрессий по материалам допросов, содержащихся в следственных делах репрессированных.

Создание баз данных репрессированных по материалам БД «Мемориала» и следственных дел репрессированных на Алтае

Исходная база данных была создана «Мемориалом» в формате MySQL, который позволяет работать с огромными массивами информации. Так как работа с полной базой данных с использованием интерфейса, созданного разработчиками, проблематична (полученную при помощи запроса информацию можно сохранить только в простом текстовом формате txt), для удобства анализа путем последовательных запросов на выборку из базы данных автором данного исследования были выделены сведения сначала по рассматриваемому временному промежутку, затем по соответствующим Книгам памяти Алтайского края и Республики Алтай. Следующим этапом работы стала адаптация полученных двух баз к приложению MS Access при помощи программы DBConvert for MS Access & MySQL. Созданные нами реляционные базы данных по материалам БД «Мемориала» содержат главную таблицу под названием «persons» и 39 подчиненных таблиц (см. рис. 1). Сформированные нами базы данных содержат 1744 записи по Алтаю (три человека были арестованы дважды за рассматриваемый период, количество уникальных персоналий - 1740) и 427 записей (персоналий) – по Ойротской АО.

Каждое поле главной таблицы содержит в себе пятизначный номер, которым закодирована как текстовая, так и количественная информация. Информация из текстовых полей извлекается путем запросов с использованием подчиненных таблиц, количественная информация нуждается в переводе (поля с датами рождения, ареста и приговора, «birthdate», «arestdate» и

«suddate» соответственно). Для анализа данных полей и составления динамики репрессивных процессов при помощи запросов на обновление пятизначные коды были переведены в даты в формате «месяц. год» и записаны в новых полях «birthdatetrue» (для даты рождения), «arestdatetrue» (для даты ареста) и «suddatetrue» (для даты осуждения). В главных таблицах каждой базы также было добавлено поле «polozhenie», в которое вручную заносились данные о социальном положении, определенные на основе разработанной классификации по полю «род занятий» репрессированного. Далее данные текстовых полей извлекались обрабатывались при помощи разных типов запросов.

Схема данных (идентичная для баз по обоим регионам) представлена на рис. 1:

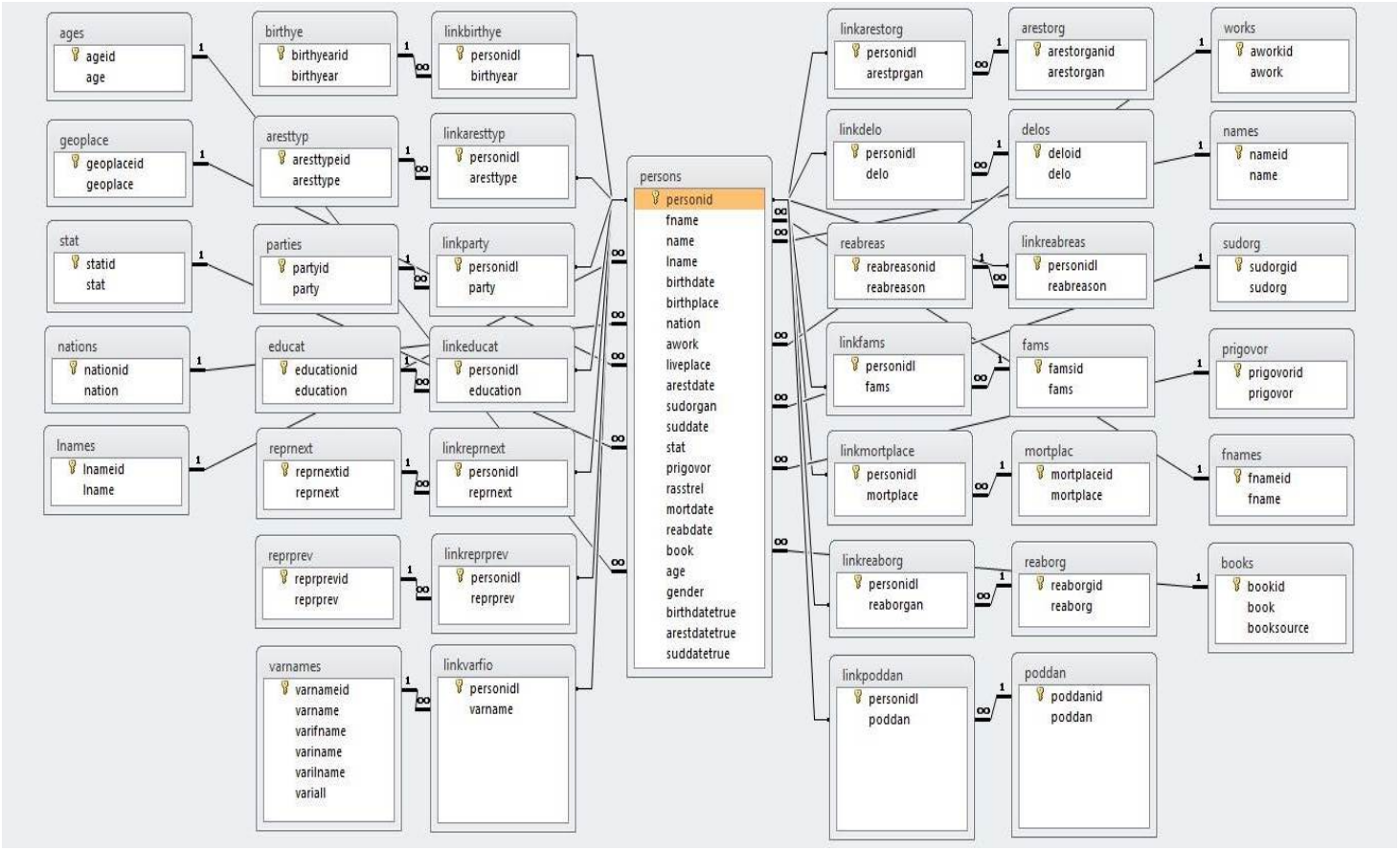


Рис. 1. *Схема данных базы данных, созданной по материалам БД «Мемориала»*[287]

[287] Схема составлена по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

При работе с материалами Книг памяти по Алтайскому краю отсутствующие поля компенсируются сведениями из двух механических выборок, сформированных автором по архивным следственным делам: 6-% (102 персоналии) и 19-% (333 персоналии). Наличие двух выборок объясняется тем, что в первую включена каждая 17-ая персоналия в алфавитном списке репрессированных, во вторую - все фигуранты дела каждой 17-ой персоналии. Наличие двух выборок объясняется тем, что в первую включена каждая 17-ая персоналия в алфавитном списке репрессированных, во вторую - все фигуранты дела каждой 17-ой персоналии. Материалы обеих выборок использовались как для проверки сведений «Книг памяти» и БД «Мемориала», так и для анализа социальных показателей, не учтенных в «Книгах памяти». Обе выборки являются репрезентативными: нами были проведены расчеты доверительных интервалов для доли в генеральной совокупности по различным показателям при P=95% для 6-% выборки. В таблице 1 представлены результаты расчетов:

Таблица 1 Доверительные интервалы для выборки из архивно-следственных дел по социальным и демографическим показателям репрессированных

Показатель	Доля в генеральной совокупности, в % (в скобках - количество человек)	Доля по выборке (в скобках - количество человек)	Доверительный интервал
Рабочие	23,0 (402)	25,4 (26)	[16,8;34]
Колхозники	34,0 (592*)	31,3 (32)	[22,1;40,5]
Служащие	29,8 (520)	23,5 (24)	[15,3;31,7]
Русские	72,9 (1273)	74,5 (76)	[64,5;84,5]
Немцы	6,8 (120)	7,8 (8)	[2,6;13]
Расстрельный приговор	25,2 (440)	20,5 (21)	[16,1;24,9]
Высшее образование	неизвестно	2,9 (3)	[-0,3;6,1]
Малограмотные/неграмотные	неизвестно	46 (47)	[36,2;55,8]
Выходцы из зажиточных крестьян	неизвестно	9,8 (10)	[4;15,6]

*учитываются все работники сельского хозяйства вместе с единоличниками (163 чел.)

Данные табл. 1 подтверждают репрезентативность выборки. По всем показателям, учтенным в базе «Мемориала», мы располагаем значением доли признака в генеральной совокупности. Основываясь на сравнении этих долей с выборочными и полученных доверительных интервалов для других показа-

телей, можно сделать вывод о том, что по показателям, информация о которых содержится только в следственных делах – уровень образования и социальное происхождение, - проведенная выборка также является репрезентативной.

На основе материалов следственных дел происходило заполнение архивной базы данных (далее – архивная БД). Она состоит из главной и пяти подчиненных таблиц, связанных друг с другом по полю «номер репрессированного».

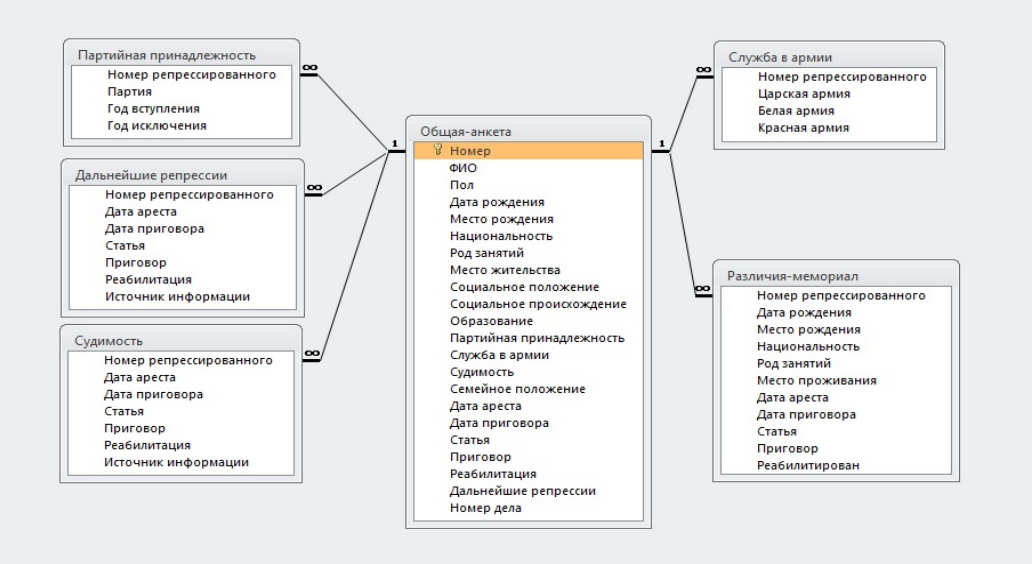


Рис. 2. *Схема данных архивной БД*[288]

Как следует из рис. 2, поля главной таблицы содержат информацию о дате и месте рождения, месте проживания, роде занятий, социальном положении и происхождении, семейном положении, дате ареста и осуждения, статье, приговоре, реабилитации и номере дела. Данные о партийной принадлежности, службе в армии, судимостях, дальнейших репрессиях, а также различиях в карточках, выявленных между архивными данными и БД «Мемориала», в главной таблице выведены в поля типа «логический» и связаны с соответствующими таблицами связью «один-ко-многим». Путем последовательных запросов (простых, с групповыми операциями и с использованием

[288] Схема данных составлена по материалам следственных дел репрессированных (ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7)

нескольких таблиц) были получены необходимые для анализа сведения, в дальнейшем структурированные и обработанные при помощи программ MS Excel и STATISTICA.

Разработка классификации занятий репрессированных

В основу подхода к созданию классификации лёг список занятий населения, сформированный составителями итоговых материалов переписи населения 1939 г. Он имеет несколько преимуществ по сравнению с материалами о занятости населения по переписи 1937 г. В ней при определении общественных групп составители переписных листов руководствовались упрощенной и огрубленной схемой Сталина-Молотова: «Наше общество состоит исключительно из рабочих, крестьян и интеллигенции, а все другие слои общества исчезли с лица советской земли». В состав рабочего класса в соответствии с этой схемой вошел весь индустриальный пролетариат, госаппарат и все служащие. При этом нетрудящиеся объединены со служителями культа, не была выделена группа иждивенцев государства. Однако Сталин внёс свои коррективы в окончательный вариант переписного листа: рабочие были отделены от служащих, к которым отнесли госаппарат. Члены семей колхозников записывались как единоличники[289] (вероятно, именно этим вызвано появление позиции «единоличники» в группе «сельскохозяйственные занятия» классификатора занятий населения по переписи 1937 г., что значительно искажало понимание общественной структуры, так как единоличники в прямом значении этого слова являлись чуждым советскому обществу слоем населения). В итоговом варианте переписного листа в 1937 г. были выделены следующие общественные группы: рабочие, служащие, колхозники, единоличники, кустари, люди свободных профессий, прочие и неизвестные[290].

В инструкции к переписи 1939 г. вопрос разделения населения по общественным группам решался более последовательно: кустари были разделены на кооперированных и некооперированных, члены семей колхозников, заня-

[289] Всесоюзная перепись населения 1937 года. С. 16-17.
[290] Там же. С. 125.

тые на приусадебных участках, отнесены к колхозникам[291]. Более конкретизированным, чем в материалах переписи 1937 г., является и сам список занятий. В ней в каждой категории рабочих присутствуют позиции «квалифицированные», «прочие полуквалифицированные», «неквалифицированные» занятия без конкретизации; в 1939 г. присутствует только одна позиция «прочие занятия», при этом наименований отдельных занятий больше, чем в классификации 1937 г. Некоторые категории служащих («Планово-контрольный персонал», «Делопроизводственный персонал») уже, чем соответствующие категории по переписи 1937 г., однако наиболее важная – «руководящий персонал» - представлена в материалах переписи 1939 г. значительно подробнее: вместо одной позиции «руководители предприятий, учреждений и их отделов» присутствует 14 разных, конкретизирующих категорию «Руководители партийных организаций, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий». Присутствуют и некоторые различия с точки зрения категориального распределения занятий: к примеру, позиция «судьи и прокуроры», отнесенная в классификации 1937 г. к категории «юридический персонал», в списке занятий 1939 г. внесена в список руководящего персонала. Проведённое сравнение двух списков занятий позволяет сделать вывод о возможности использования материалов переписи 1939 г. в целях создания классификации занятий репрессированных на Алтае и в Ойротской АО в 1935 – начале 1937 г. ввиду её большей проработанности и структурированности.

Составление собственного классификатора занятий репрессированных проводилось следующим образом.

Первым этапом работы стало разделение всех упомянутых в «Книгах памяти» занятий репрессированных по двум спискам согласно предложенным в переписи принципам деления населения: по отраслям народного хозяйства и по общественным группам. Было также произведено разделение служащих по отраслям занятий (юридический персонал, медицинский персо-

[291] Всесоюзная перепись населения 1937 года. С. 17.

нал и т.д.). Отрасли народного хозяйства полностью соответствуют представленным в переписи 1939 г.[292]: промышленность, сельское хозяйство, лесное хозяйство, строительство, транспорт и связь, торговля, заготовки и общественное питание, жилищное и коммунальное хозяйство, просвещение, наука, искусство, печать, здравоохранение, государственные учреждения, партийные и общественные организации и нераспределенные по отраслям народного хозяйства.

На втором этапе работы список общественных групп был дополнен для более точного отражения общественной структуры. Предложенная в переписи группа рабочих оставлена без изменений; численность колхозников и крестьян-единоличников подсчитана раздельно, однако сами категории вошли в состав единой группы «сельскохозяйственные занятия» под названиями «занятия в колхозе» и «единоличники». Кооперированные и некооперированные кустари также вошли как отдельные наименования в группу «кустари». Среди единой категории служащих-руководителей учреждений введено дробление на части для демонстрации трех уровней управления: «руководящий состав партийных, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий», «средний руководящий персонал», «прочий руководящий персонал (административный, партийный, профсоюзный)». Группа нетрудящихся, в которую по материалам переписи входили иждивенцы государства, была конкретизирована дроблением на категории «нетрудящиеся» (в ней учитываются: инвалиды, пенсионеры, домохозяйки и учащиеся) и «деклассированные элементы» (без определённых занятий, без определённого места жительства, ссыльные, заключенные – в переписи последним приписывалось занятие, выполняемое в лагере или колонии). Отдельно вынесена группа служителей культа. Также в список общественных групп в создаваемой классификации занятий была внесена группа «военнослужащие» - в переписи населения этот контингент не учитывался. На третьем этапе работы было произведено деление всех учтенных занятий репрессированных на ос-

[292] Всесоюзная перепись населения 1939 года. 1992. С. 97.

нове собственного классификатора на общественные группы (См. Приложение 7) и проведен анализ их состава.

Предложенная автором исследования классификация занятий репрессированных не претендует на универсальность, однако способствует более детальному анализу социальной структуры и занятости населения в середине 1930-х гг. В разработанный классификатор вошли наименования всех упомянутых в «Книгах памяти» занятий репрессированных, как названные в точности как в списке занятий населения по переписи 1939 г., так и те, что не были чётко прописаны в нем (к примеру, позиции «заместитель», «помощник», «главный бухгалтер», «главный механик», «пимокат», «сыровар»). Из 187 различных наименований занятий рабочих и служащих по Алтаю и Ойротии в целом 106 позиций (56,6%) совпали с входящими в классификацию занятий по переписи 1939 г. (в приложении 7 выделены жирным шрифтом). Это подтверждает правомерность использования материалов переписи в качестве основы для создания классификации занятий репрессированных. Предложенный подход к классификации может быть применён для изучения социальной и профессиональной структуры репрессированных в других регионах бывшего СССР.

Построение регрессионных моделей

Регрессионные модели использовались в работе для определения степени влияния социально-экономического развития отдельных районов Алтая и Ойротии на уровень репрессий в них. Для проведения статистического анализа из источника - порайонного сборника экономических показателей «Западно-Сибирский край. Города и районы. Основные показатели» - нами были отобраны следующие показатели: численность населения (вычисленная на ее основе доля городского населения), показатели развития сельского хозяйства (количество посевной и отдельно колхозной земли, количество лошадей, коров и крупного рогатого скота (КРС), процент коллективизированных хозяйств, количество тракторов, комбайнов и автомашин в колхозах), показатели уровня развития торговли (товарооборот), просвещения (количество уча-

щихся), здравоохранения (количество коек в больницах), доходы и расходы районного бюджета[293]. Значения указанных показателей по 55 районам Алтая и 10 районам Ойротской АО были внесены в единую таблицу в программе MS Excel, пересчитаны в расчете на численность населения (а показатели развития сельского хозяйства – в расчете на 100 га посевной площади и колхозной площади, техническое обеспечение – в расчете на 10 колхозов) и в дальнейшем обрабатывались в программе STATISTICA.

Далее было проведено построение регрессионных моделей, в которых зависимым признаком являлась доля репрессированных по районам края. Целью анализа являлось определение набора признаков, в наибольшей степени влиявших на порайонные различия интенсивности репрессий.

Создание ГИС-карты и кластерный анализ

ГИС-карты использовались в исследовании для визуализации результатов регрессионного анализа и определения групп районов по социально-экономическому развитию при помощи кластерного анализа. При построении ГИС, основанной на административно-территориальном делении Алтая в рамках Западно-Сибирского края в 1935 г., были учтены изменения в границах районов, произошедшие после выделения Алтайского края в отдельную территориальную единицу в сентябре 1937 г. В частности, на карту были нанесены границы упраздненного в 1938 г. Немецкого района, установлены корректные границы Волчихинского и Рубцовского районов (в 1939 г. из частей их территорий выделен Угловский район), Бийского района, упраздненного в 1939 г., в границах 1935 г. воссозданы Солтонский и Ребрихинский районы. При воссоздании границ районов использовались сведения справочника «Западно-Сибирский край. Города и районы» 1936 г. Для создания ГИС-карты использовалась программа MapInfo, широко применяемая историками для пространственного представления исторических процессов и яв-

[293] Источники информации: процент коллективизации – данные КрайЗУ на 1 октября 1935 г., посевная площадь – данные уборочной кампании 1935 г. по статистике КрайУНХУ, поголовье скота – данные КрайУНХУ на 1 января 1935 г., товарооборот – данные Запсибторга и потребкооперации на 1935 г., просвещение – данные КрайФУ на 1 сентября 1935 г., бюджет – план на 1935 г.

лений. В ней к карте Алтая и Ойротии были привязаны данные, полученные путем проведения кластерного анализа. Кластерный анализ (имеющий целью построение многомерной типологической группировки изучаемой совокупности объектов) проводился с помощью двух алгоритмов – для повышения надежности результатов: сначала иерархическим методом для определения количества требуемых кластеров, затем методом k-средних с числом кластеров, равным пяти.

***

В данной главе были рассмотрены основные источники исследования: «Книги памяти», БД «Мемориала» и следственные дела репрессированных. Путем сравнения материалов первичного (следственные дела) и вторичного («Книги памяти» и БД «Мемориала») источников установлено, что сведения БД «Мемориала» адекватно отражают данные следственных дел и обладают богатым информационным потенциалом и при совместном использовании существенно расширяют границы исследования социального портрета репрессированных. Выявленные расхождения в данных следственных дел и «Книг памяти» не влияют на реконструкцию социального портрета репрессированных, однако должны быть учтены при составлении динамики репрессий по месяцам, а также при рассмотрении отдельных репрессивных механизмов.

Глава 3. Механизмы репрессий и их динамика на Алтае

В данной главе рассматриваются механизмы ведения следствия, исследованные на основе протоколов допросов, хранящихся в следственных делах репрессированных. Выделяется три типа механизмов, характерных для групповых следственных дел. Анализируется динамика арестов и приговоров в период с убийства Кирова до начала Большого террора.

Каким образом люди вовлекались в репрессивную орбиту? Каким образом формировались «цепочки» арестов и происходило развитие дела? Эти вопросы часто рассматриваются в историографии. Хотя они и затрагивают региональную тематику, в большей степени работы, посвященные данному аспекту, относятся к периоду Большого террора. А.Ю. Ватлин, рассматривая репрессии 1937-1938 гг. в Кунцевском районе Московской области, отмечает, что большая часть дел по «антигосударственным преступлениям» была сфабрикована сельскими и городскими райотделами УНКВД Московской области. Они должны были регулярно поставлять «наверх» списки потенциальных «врагов народа», проводить аресты во вверенном им районе и вести следствие по делам, не вызывавшим интереса у областного и московского начальства. «От них требовали одного: «дать цифру», обещая безнаказанность и повышение по службе в случае выполнения планов по арестам и признаниям»[294]. Автор делает акцент на том, что до лета 1937 г. в практике органов госбезопасности индивидуально-политические критерии отбора «антисоветских элементов» преобладали над массово-социальными: в поле зрения попадали в основном участники внутрипартийной оппозиции, дореволюционные политические деятели, а также номенклатурные работники в сфере хозяйства, на которых возлагалась ответственность за срыв плановых заданий. Обвинение «натягивалось», однако в ходе следствия соблюдались уголовно-

[294] Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937-1938 гг. М., 2004. С. 7,8. Вывод о преобладании при аресте индивидуально-политических критериев над «массово-социальными» до лета 1937 г. разделяет и К.С. Дроздов, проанализировавший репрессий 1937-1938 гг. в Курской области (см.: Дроздов К.С. Кампания террора 1937-1938 гг. в Белгородском районе Курской области // Политические и социальные аспекты истории сталинизма. Новые факты и интерпретации. С. 162).

процессуальные нормы (например, ознакомление обвиняемого с делом перед подачей в суд)[295]. На региональном уровне процесс ведения дела демонстрирует в своей работе А.Г. Тепляков. Он приводит высказывание начальника УНКВД ЗСК В.А. Каруцкого на допросе старейшего большевика Сибири В.Д. Вегмана: «Мы знаем, что вы не троцкист, но вы должны признаться в том, что вы двурушничали, обманывали партию, передавали для Троцкого деньги». Не добившись «нужных» показаний, работники УНКВД «связали» Вегмана с бывшим начальником Московского военного округа Н.И. Мураловым, сосланным в Сибирь в 1936 г[296]. Данное дело не является уникальным: по мере приближения к Большому террору следователи часто использовали подлог фактов для получения «нужной» картины дела.

В Свердловской области, согласно работе В.В. Шабалина, от местных руководителей НКВД требовалось не только выявить и репрессировать врагов, но и вскрыть разветвленную повстанческую организацию, в то время как практиковались аресты одиночек без попыток расширить круг подозреваемых. Для формирования локальной группы сотрудники НКВД старались выявить связи арестованного или намеченного к аресту с другими потенциальными участниками «организации» посредством профессиональных, родственных связей или принадлежности к религиозному коллективу[297]. А.Б. Суслов свидетельствует, что чаще всего обвиняемых допрашивали по одному разу; иногда допрос проводился уже после составления обвинительного заключения, и следователю удавалось добиться от подследственного признания вины[298]. В.Н. Разгон, рассматривая «выбор» жертв репрессий в рамках исполнения приказа 00447 на Алтае, отмечает, что следственные дела свидетельствуют о массовой фальсификации социального происхождения аресто-

[295] Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 26.
[296] Тепляков А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936-1946 гг. // Минувшее. Исторический альманах. — Вып. 21. Atheneum — Феникс. М.-СПб., 1997. С. 240−293. [Электронный ресурс]. – URL: http://rusk.ru/st.php?idar=45710 (дата обращения: 07.11.2017).
[297] Шабалин В.В. Сельское население Прикамья как жертва массовой операции по приказу №00447 // Сталинизм в советской провинции. М., 2009. С. 113.
[298] Суслов А.Б. Трудпоселенцы – жертвы «кулацкой операции» НКВД в Пермском районе Свердловской области // Сталинизм в советской провинции. М., 2009. С. 145.

ванных: те, кто был записан как «кулаки», в действительности не подвергались «раскулачиванию» до ареста, их имущество не конфисковывалось, а сами они чаще всего были выходцами из крестьян-бедняков или середняков. Причиной для ареста в рамках «кулацкой» операции также становились предыдущие судимости, «белые пятна» в биографии (участие в крестьянских восстаниях, служба у Колчака в годы Гражданской войны), принадлежность к маргинальным группам населения, а также осознанное или неосознанное проявление недовольства властью. Автор также отмечает, что проведение «кулацкой» операции не было лишено произвола в выборе жертв: это случалось во время относительно крупных районных операций или под действием субъективных факторов: действий представителей местных властей или самого населения (самое яркое проявление таких действий – доносительство)[299].

Ценным источником для рассмотрения механизмов репрессий является повторный пересмотр дел, проводившийся во второй половине 1950-х – 1960-х гг. в УКГБ при Совете Министров СССР, так как он наглядно показывает механизм формирования «контрреволюционных групп». В сборнике, посвященном массовым репрессиям в Алтайском крае в 1937-1938 гг., приводится пример допроса, на котором осужденный в 1930-х гг. М. свидетельствовал, что в 1938 г. его, рабочего-сплавщика, а также председателя колхоза «Красная Иня» арестовали и в Павловском РО НКВД через 10 дней на допросе ему объявили, что он обвиняется в участии в контрреволюционной организации, в которую был завербован неким Д., которого, по его словам, никогда ранее не видел. М. заставляли подписывать обличительные показания на себя, а при несогласии применяли различные методы физического воздействия. В апреле 1938 г., когда М. был отправлен в лагерь, ему было объявлено, что он осужден на 10 лет за контрреволюционную деятельность, при этом в документах было указано, что в прошлом М. – «кулак и псаломщик»[300].

[299] Разгон В.Н. Большой террор 1937-1938 гг.: выбор жертв репрессий... С. 130-133.
[300] Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ №00447. М., 2010. С. 131-133.

Анализ следственных дел периода, предшествовавшего Большому террору, показывает, что значительное количество дел из сформированной архивной выборки из следственных дел за 1935-первую половину 1937 г. (53 из 91) было заведено на группу лиц, в которой каждый конкретный человек «становился» участником группы на основе показаний других обвиняемых. Исходя из анализа протоколов допросов, мы можем выдвинуть предположение, что существовали определенные репрессивные механизмы: «снизу вверх», когда за арестом рядовых рабочих следовали аресты служащих среднего и высшего управленческого звена, и «сверху вниз», когда действовала противоположная описанной схема. Например, данные историографии свидетельствуют, что до лета 1937 г. в следственных делах чаще реализовывался механизм «снизу вверх», а с началом Большого террора стал использоваться механизм «сверху вниз»[301]. Рассмотрим эти механизмы на конкретных примерах из следственных дел.

3.1. Репрессивный механизм «снизу вверх»

Репрессивный механизм «снизу вверх» встречался в следственных делах чаще, чем механизм «сверху вниз». Ему соответствовала определенная логика ведения следствия: чтобы добиться достаточных оснований для ареста работника руководящего звена, сначала арестовывали его подчиненных – рядовых рабочих, колхозников или мелких служащих. На основании их показаний производился арест вышестоящих начальников.

В качестве иллюстрации репрессивного механизма «снизу вверх» рассмотрим дело против работников колхоза «Заря свободы». 11 января 1935 г. был арестован колхозник Л. Павлюченко. За ним последовал арест завхоза больницы В. Марченко (14 января). 23 января арестовали ветеринарного санитара Г. Старостенко[302]. Здесь нужно сделать небольшое отступление и отметить, что по данным БД «Мемориала» Старостенко был арестован 11 янва-

[301] Политические репрессии в Прикамье. 1918-1980-е гг.: Сборник документов и материалов. Пермь : «Пушка», 2004. С. 150.
[302] ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 20460. Л.. 23, 63, 81, 91, 93, 95.

ря, однако, по нашему мнению, здесь присутствует определенная неточность, связанная с репрессивным механизмом: Павлюченко (работник сельского хозяйства) дал показания, которые привели к аресту вышестоящих служащих. Следовательно, служащий Старостенко, по-видимому, не мог быть без какого-либо обвинения арестован в один день с Павлюченко. Вероятно, на этапе переноса информации из архивного дела в бумажную «Книгу памяти» была выписана неверная дата ареста. В делопроизводстве присутствуют неточности: арест Павлюченко обозначен 11 января (по данным анкеты), однако допрос датирован 9 января[303].

Далее - 22 и 23 января соответственно - были арестованы бригадир-полевод колхоза М. Недодел и бригадир Т. Кулаков. 22 января (или 21 января по данным БД «Мемориала») был арестован П. Лисицкий, портной колхоза (рабочий по социальному положению)[304]. Все обвиняемые были приговорены 24 апреля 1935 г. по ст.58-10 ч.1 («антисоветская пропаганда или агитация»). Павлюченко получил срок в 10 лет «концлагеря» (так в источнике – прим. Е.М.), Марченко, Недодел и Кулаков – пять лет, Старостенко и Лисицкий были признаны оправданными по суду. Однако «подельники» написали жалобу на пересмотр приговора Старостенко, и 14 декабря 1935 г. он получил три года «концлагеря». Все обвиняемые были реабилитированы в 1992 г. за отсутствием состава преступления[305].

В контексте рассмотрения механизмов репрессий представляет интерес дело о строительстве барнаульской нефтебазы. Обвиняемыми по данному делу являлись трое служащих – Г. Сладковский, В. Савицкий и А. Плотников. Сладковский являлся начальником строительства; по данным анкеты, он был арестован районным отделом НКВД по ЗСК 17 сентября, однако допросы его с личной подписью датированы 12, 14, 15 и 16 сентября[306]. Другие фигуранты дела - Савицкий, прораб строительства, и Плотников,

[303] ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 20460. Там же. Л. 91, 23.
[304] Там же. Л. 81, 93, 94, 96, 113, 116.
[305] Там же. Л. 118, 126, 135, 139-143.
[306] Там же. Д. 7034. Л. 11об, 24, 30, 32, 33.

старший бухгалтер – были арестованы 6 сентября[307]. На первом допросе, который длился четыре часа, Сладковский не признавал себя виновным, однако в этот же день после заключения в камеру он «вдруг» решил сознаться и сдать своих «подельников»[308]. Так как БД «Мемориала» свидетельствует, что Сладковский был арестован 8 сентября (что, по-видимому, является верной датой ареста), мы можем сделать вывод, что данное дело раскручивалось «снизу вверх» - целью был именно начальник строительства. Косвенно это подтверждает тот факт, что допросы Сладковского велись каждый день с 12 по 17 сентября, в то время как с момента ареста 6 сентября до 17 сентября с другими фигурантами дела было проведено по два допроса.

Как свидетельствуют протоколы допросов, в сентябре 1937 г. Савицкий признавал себя виновным только в хищениях, но не во вредительской деятельности, Сладковский отрицал оба обвинения[309]. В этот же день, 17 сентября, начальник Локтевского районного отдела НКВД показывал, что Сладковский отказывается идти на допросы, мотивируя это голодовкой и желанием выходить из камеры только днем: «Стреляйте меня, бейте, но я из камеры никуда не пойду, я объявил голодовку и буду выходить из камеры на допрос только в присутствии прокурора»[310]. Следующий допрос всех трех обвиняемых был проведен 30 сентября, далее – 31 октября. С главным обвиняемым, Сладковским, 31 октября было проведено два, а 1 ноября – четыре допроса.

27-28 января 1938 г. все трое обвиняемых были привлечены по ст. 58-6-7[311], то есть к обвинению во вредительстве на производстве добавился пункт 6 о шпионаже. 29 января Сладковский, отрицающий обвинения в начале допроса, в ходе его «внезапно» признался, что он является польским шпионом; такие же показания на допросах дали Савицкий и Плотников[312].

[307] ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7034. Л. 16, 20.
[308] Там же. Л. 24, 27.
[309] Там же. Л. 389-391.
[310] Там же. Л. 399.
[311] Там же. Л. 415-417.
[312] Там же. Л. 418-419, 429, 436.

Сладковскому были предъявлены обвинения по ст. 58-2-6-9-11, Савицкому – по ст. 58-2-6-7-11 и Плотникову по ст. 58-2-6-7-10-11[313], при этом постановлений о смене статьи в деле не найдено. Особое совещание при НКВД СССР приговорило Сладковского и Плотникова к расстрелу. Приговор привели в исполнение 8 сентября 1938 г. Савицкого приговорили к 10 лет ИТЛ. В 1959 г. дело в отношении шпионской деятельности репрессированных было отменено, а повторный допрос свидетелей показал, что при строительстве не было допущено технических нарушений[314].

Отметим, что механизм «снизу вверх» встречается в следственных делах наиболее часто. Очевидно, это связано с относительной простотой его реализации: в данном механизме присутствует определенная логика добычи компрометирующей информации на руководящий персонал среди их сотрудников. Другие механизмы требовали более сложной организации следствия.

3.2. Репрессивный механизм «сверху вниз»

Данной схеме характерен первоначальный арест работника руководящего или среднего звена, за которым следовал арест его подчиненных. В следственных делах такой механизм является более редким явлением, чем схема «снизу вверх». К примеру, 5 ноября 1935 г. был арестован бригадир плотников на строительстве ТЭЦ М. Боев. В этот же день был произведен арест плотника Д. Попова. Они обвинялись в антисоветской агитации на ТЭЦ Меланжевого комбината г. Барнаула. В ходе допросов (по четыре допроса у каждого обвиняемого) работники строительства ТЭЦ не признали свою вину. Дело было прекращено 6 февраля 1936 г. за недоказанностью обвинения[315].

Еще один характерный пример. К. Сопин, священник с. Боровское, был арестован 29 августа 1936 г. по обвинению в «ведении контрреволюционных разговоров» по ст. 58-10-11. В ходе допросов Сопин от отрицания своей вины перешел к признанию, а также «сознался», что распространял пораженческие

[313] ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7034. Л. 447-448.
[314] Там же. Л. 449-451, 500.
[315] Там же. Д. 758. Л. 2, 4, 17, 22, 60.

настроения о скором приходе японцев[316]. В этот же день был арестован единоличник А. Кретинин, 30 августа – единоличница М. Кузнецова и 25 октября – колхозник С. Мещеряков[317]. Очевидно, что все эти люди были прихожанами одной церкви; кроме того, факт единоличного ведения хозяйства сам по себе мог стать весомым основанием для ареста. Мещеряков единственный не признал своей вины. По итогам следствия Сопин был приговорен к пяти годам ИТЛ с поражением в правах на три года; Кретинин и Кузнецова получили по три года ИТЛ с поражением в правах на два года каждый. По суду Мещеряков был оправдан[318]. Очевидно, что данное дело раскручивалось по схеме «сверху вниз»: арест священника повлек за собой арест прихожан церкви. Представители чуждых советскому обществу слоев – служитель культа и два единоличника – получили значительные лагерные сроки.

Механизм репрессий «сверху вниз» часто встречается в качестве элемента в групповых делах «смешанного» типа, о чем подробнее будет сказано далее.

3.3. «Смешанный» тип

Как следует из анализа архивных документов, «смешанный» тип репрессивного механизма наиболее ярко проявляется в «подготовленных» заранее групповых делах (на более чем трех человек). Такие дела, как правило, соответствовали определенным репрессивным кампаниям или установкам центральных или местных властей на репрессии на отдельно взятом предприятии или в колхозе. В рамках таких дел аресты происходили по определенным признакам: к примеру, когда все потенциальные фигуранты имели неблагонадежное политическое прошлое – являлись участниками белого движения, относились к категории «бывших» или «раскулаченных». В данном случае репрессивные механизмы «снизу вверх» и «сверху вниз» тесно переплетались между собой. Приведем несколько характерных примеров.

[316] ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 20752. Л. 4, 8, 16, 28.
[317] Там же. Л. 50, 53, 78, 81, 102, 106.
[318] Там же. Л. 241.

9 октября 1936 г. был арестован начальник паровозного отделения станции Барнаул П. Захаров. Ему было предъявлено обвинение по ст. 58-10-11 за «троцкистскую деятельность». На допросе 23 октября он отрицал все обвинения в троцкизме и двурушничестве, однако 10 ноября уже сознался во всех предъявленных обвинениях и даже признал, что намерен был дать указания о проведении террористических актов на железной дороге. Дав показания против неких Игнатенко и Житкова, работающих на станции Тайга, 29 декабря Захаров полностью признал себя виновным в том, что создал троцкистскую группировку на Томской железной дороге. Ему было предъявлено новое обвинение по ст. 58-7-10-11[319] (механизм «сверху вниз»)

Еще раньше, в сентябре 1936 г., были арестованы А. Ясюкевич, мастер вспомогательных цехов станции Рубцовск, и В. Степанов, помощник начальника паровозного отделения станции Тайга, которые также признались в том, что состояли в «троцкистской контрреволюционной группировке». Степанов дал показания против Головина и Болотова, старшего диспетчера паровозного отделения станции Тайга (механизм «снизу вверх»). Оба не признавали себя виновными на первых допросах, однако на основании показаний Степанова согласились с обвинениями; при этом протоколы допросов составлены абсолютно идентично и отличаются только фамилиями обвиняемых[320]. Болотов дал показания против Д. Сафронова, мастера ремонтного цеха Тайгинского депо, который также сознался в том, что он «состоял в организации» (механизм «сверху вниз»). Протоколы допросов ничем не отличаются от предыдущих – всех обвиняемых допрашивал один и тот же следователь[321].

Захарову снова было предъявлено обвинение по ст. 58-8-9-11, хотя протокола о смене статьи в деле не обнаружено. 14 апреля 1937 г. он был приговорен к расстрелу с конфискацией личного имущества, приговор был приведен в исполнение в тот же день[322]. Таким образом, данное дело представляет

[319] ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 9796. Л. 13, 18, 37-39, 46, 53, 62-64, 66-68, 72-79, 82-84.
[320] Там же. Л. 92-99, 101, 113-120, 134.
[321] Там же. Л. 140-143, 153-159.
[322] Там же. Л. 302-305, 309, 310.

собой пример воплощения обоих репрессивных механизмов, однако целью его, несомненно, было устранение «главаря организации». Оно проводилось в рамках кампании по борьбе с вредительством на железной дороге.

Самым интересным и значительным по масштабу делом в рассмотрении «смешанного» механизма является дело «Российского общевоинского союза» (РОВС) – «белогвардейско-монархической организации». Ее штабом первоначально был назван несуществующий томский «Союз спасения России», а первая ячейка «вскрыта» в Бийском районе. Согласно версии следствия, организация подчинялась указаниям эмигрантского Российского общевоинского союза и японской разведки, которые якобы готовили переворот и захват власти[323]. В годы Большого террора «РОВСовская» операция проходила параллельно с «кулацкой» (сверх лимитов) и имела значительные масштабы. На 1 января 1938 г. в сводке УНКВД по Новосибирской области и Алтайскому краю (образованы как самостоятельные территориальные единицы в сентябре 1937 г.) упоминается соответственно 22 108 о 25 876 чел., репрессированных по «РОВСовской» операции[324]. Основными объектами репрессий данной кампании становились представители старой России: бывшие государственные служащие и офицеры царской армии, участники мировой войны, побывавшие в плену, выходцы из буржуазных семей[325]. Согласно архивным данным, члены организации, «явившейся филиалом повстанческой организации, созданной в ЗСК по заданию зарубежной контрреволюционной организации, т.н. «Русского обще-воинского союза», вели «активную работу по изысканию оружия для повстанческих и террористических целей, а также вели контрреволюционную, повстанческую, японофильскую агитацию, одновременно пропагандируя террор по отношению к членам правительства и руководителям партии, как одно из средств борьбы с соввластью»[326].

[323] Аблажей Н.Н. «РОВСовская операция» НКВД в Западной Сибири в 1937-1938 гг. // Вестник Томского государственного университета. - 2008. №. 311. - С. 54.
[324] Массовые репрессии в Алтайском крае. 1919-1965. С. 33-34.
[325] Папков С.А. Обыкновенный террор. С. 216.
[326] ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5189/23. Л. 12-13.

На Алтае первые аресты людей, позже объединенных в ячейку РОВСа, начались в феврале 1937 г. 19 февраля был арестован директор льнозавода И. Толмачев (служащий по социальному положению). Следующие аресты прошли в марте – В. Плотников, уполномоченный комитета заготовок, и М. Макаров, заведующий пунктом заготовления льна (служащие)[327], которые являлись подчиненными Толмачева (механизм «сверху вниз»). Со 2 по 8 апреля проходили аресты людей, так или иначе (по мнению властей) причастных к «контрреволюционной организации». Среди них было семь колхозников и единоличник (занятые в сельском хозяйстве), лицо без определенных занятий (деклассированные элементы), плотник (рабочий), счетовод (служащий), заведующий отделом кадров лесопункта (служащий) и учитель (служащий)[328]. По материалам дела известно, что по заданию учителя Чабаевского «член организации Морозов создал контрреволюционную ячейку, завербовав в нее шесть человек…»[329]. Чабаевский был арестован 5 апреля, колхозник Морозов – 3 апреля; следовательно, мы можем сделать вывод, что показания Морозова способствовали аресту Чабаевского (механизм «снизу вверх»). 16 апреля был арестован учащийся С. Иванов, который «по заданию Чабаевского создал контрреволюционную фашистскую группу из молодежи в Тогульской средней школе в числе трех чел., участники которой активно вели контрреволюционную фашистскую пропаганду»[330]. Последними были арестованы председатель сельпо (служащий), директор районного мельничного управления (служащий) и электротехник (служащий)[331].

В контексте данного дела интересно социальное происхождение и политическое прошлое обвиняемых. Толмачев, руководитель организации по материалам следствия, являлся бывшим командующим партизанского отряда, при этом он состоял в партии ВКП(б) с 1917 по 1935 г. В. Петраков, заведующий районным земельным отделом, был женат на дочери казачьего атама-

[327] ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5189/23. Л. 13, 21, 22.
[328] Там же. Л. 14-18, 23
[329] Там же. Л. 13.
[330] Там же.
[331] Там же. Л. 19-20, 23-24.

на, при этом также состоял в ВКП(б) с 1920 по 1937 г. Четверо обвиняемых состояли на службе в армии А.В. Колчака, счетовод К. Семенов и колхозник К. Толмачев – в царской армии. Пять человек были судимы за различные преступления в первой половине 1930-х гг., а два человека – эстонец и еврей, - очевидно, были репрессированы по национальному признаку. Все обвиняемые были приговорены к различным срокам ИТЛ или к ВМН в рамках трех «троек» периода Большого террора, проводимых 13 августа, 20 августа и 8 декабря 1937 г[332]. Анализ следственного дела показал, что к расстрелу были приговорены только те обвиняемые, которые в ходе следствия признали свою вину, а также активное участие в работе организации; те, кто признавал вину частично или не признавал вообще, были отправлены в исправительно-трудовые лагеря, а дело против И. Зака (учащийся, 1920 г.р.) было прекращено[333].

Отметим, что уже в 1939 г. было установлено, что дело РОВСа было сфабриковано работниками местного НКВД. В июне 1939 г. Г. Каменских, бывший уполномоченный Бийского районного отдела НКВД, на допросе рассказал, что с начала 1937 г. он приступил к созданию агентурной разработки под кодовым названием «дворяне», которая понравилась приехавшему в г. Бийск бывшему начальнику третьего отдела УНКВД по Западно-Сибирскому краю Гречухину. Он счел агентурную разработку очень интересной и указал, что в Бийске должна быть «вскрыта» «РОВСовская» организация, которой на Алтае не существовало в действительности[334].

Механизмы ведения следствия также рассмотрены нами на примере следственного дела первого директора Барнаульского меланжевого комбината (БМК) и начальника его строительства М.Е. Гольдберга.

БМК являлся одним из крупных объектов второй пятилетки. Решение о строительстве комбината было принято на XVII конференции ВКП(б) в январе 1932 г. Уже в феврале по проекту, разработанному московскими специа-

[332] ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5189/23. Л. 14 – 30.
[333] Там же. Л. 19.
[334] Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965. С. 118.

листами, началось строительство, однако проектировщики даже не видели строительную площадку. Строительство должно было вестись «социалистическими темпами», что при отсутствии подготовительных работ вызвало брак. 6 августа 1934 г. считается днем рождения комбината.

Как писал алтайский краевед В.Ф. Гришаев, к моменту торжественной закладки фундамента 21 июня не было ни сметы, ни проекта организации работ, не была спланирована стройплощадка, а к месту стройки даже не была проложена дорога. Все это привело к проблемам с водо- и электроснабжением, что создавало проблемы для организации стабильной работы прядильного цеха, в котором из-за указанных проблем, а также недостатка квалификации персонала происходили частые поломки оборудования[335]. В обстановке тотального недоверия и поиска постоянных «врагов» и «вредителей», такое положение на БМК не могло укрыться от органов государственной безопасности.

Всего в БД «Мемориала» присутствует информация о 443 работниках комбината, репрессированных в период с 1934 до 1953 г. Большая их часть (403 чел.) была арестована после объявления решения Бюро Запсибкрайкома ВКП(б) от 25 июня 1937 г. «О выполнении директив пленума ЦК ВКП(б) по ликвидации последствий вредительства на Барнаульском меланжевом комбинате». В нем сообщалось, что руководство комбината не сделало ничего, чтобы ликвидировать последствия вредительства на комбинате, в связи с чем начальник комбината Гусев и секретарь парткома Флорен обязаны были к 10 июля 1937 предоставить план конкретных мероприятий по ликвидации вредительства и сделать доклад об его осуществлении в первых числах августа[336]. Отметим, что М.Я. Флорен был арестован 8 августа 1937 г. и 29 июня 1938 г. приговорен к высшей мере наказания[337].

---

[335] Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1995. С. 14.

[336] Государственный архив Алтайского края (ГА АК). Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 179.

[337] Данные по материалам базы данных «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007).

В период с 1 декабря 1934 г. по 30 июня 1937 г. на БМК было арестовано 40 человек. Дела 11 из них были завершены в период Большого террора и после его окончания, в 1939 г. В это число вошел и первый директор Меланжевого комбината Максим Ефимович Гольдберг. Компрометирующий материал на него, как и на других работников комбината, стал собираться задолго до ареста, с 1935 г. По данным В.Ф. Гришаева, на БМК работал спецотдел, который докладывал в городской отдел НКВД о каждой аварии, простое, поломке с указанием виновных[338]. В отделе спецдокументации Государственного архива Алтайского края отложились такие документы. Среди них – запросы комбината в УНКВД о социальном происхождении, лишении избирательных прав, а также политической характеристики на работников БМК. Такие запросы во многих случаях сигнализировали о последующих арестах. Приведем пример: 15 февраля 1935 г. комбинат запросил характеристику на слесаря А. Глубокова, который имел неблагоприятное социальное происхождение[339]. 21 декабря 1937 г. он был арестован, обвинен по ст. 58-9-11 и 10 ноября 1938 г. приговорен к высшей мере наказания. Характеристика на другого слесаря – М. Фавстрицкого – была запрошена 14 сентября 1935 г.[340]. 13 ноября 1937 г. он был арестован, обвинен по ст. 58-2-10-11 и 27 ноября 1937 г. приговорен к расстрелу.

Как уже упоминалось ранее, спецотдел собирал информацию и на М. Гольдберга. Он приехал в Барнаул из Иваново-Вознесенска в 1932 г., где также руководил меланжевым комбинатом. Ранее, с 1918 по 1928 г. Гольдберг работал в управлении ВЦСПС под руководством М.П. Томского. В 1923 г. он дал партийную рекомендацию меньшевику, который впоследствии был арестован[341]. Два этих факта явно служили отягчающими обстоятельствами при формировании политической характеристики Гольдберга.

---

[338] Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. С. 22.
[339] ОСД УАДАК. Ф. Р. 618. Оп. 1. Д. 5. Запросы о соцпроисхождени и проверке автобиографических сведений сотрудников текстилькомбината. Л. 38.
[340] Там же. Л. 53.
[341] Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. С. 15.

Арест Гольдберга готовился заранее. 30 января 1937 г. он был выведен из состава парткома комбината, 1 февраля исключен из партии как «двурушник и враг народа»[342]. 12 марта 1937 г. Гольдберга арестовали. В справке на его арест значилось следующее: «В январе месяце 1937 года 4 отделом УГБ УНКВД по ЗСК в г. Новосибирске был вскрыт и ликвидирован Сибирский контрреволюционный центр правых, <…> который по указанию Союзного центра до момента ликвидации вел активную террористическую и разрушительную работу. Следствием установлено, что в мае 1934 г. по прямой директиве члена Союзного центра правых Томского, лично знавшего Гольдберга как активного члена контрреволюционной организации, Гольдберг М.Е. был введен в состав Западно-Сибирского террористического центра, <…> Кроме того установлено, что Гольдберг как член руководящего центра Западно-Сибирской контрреволюционной организации правых лично организовал контрреволюционную вредительскую группу правых на Барнаульском меланжевом комбинате и руководил ее практической контрреволюционной разрушительной деятельностью». Гольдберг был также обвинен в срыве своевременного строительства цехов, в срыве работ, создании брака, трех авариях на ТЭЦ комбината и в организации массового отравления рабочих[343]. В постановлении о предъявлении обвинения значилась статья 58-7-11[344], в корешке ордера на обыск – 58-7-10-11[345]. Очевидно, что в справке на арест не присутствовало обвинений в проведении антисоветской агитации (пункт 10 ст. 58), следовательно, не понятно, по каким причинам этот пункт появился в ордере на обыск.

Напомним, что все хозяйственные нарушения, предъявленные Гольдбергу в качестве обвинения, являлись следствием «социалистических», ускоренных темпов строительства при отсутствии его плана, техники и мате-

[342] За что судили директора меланжевого комбината и где в Барнауле установят особые таблички // Сайт фонда «Последний адрес». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.poslednyadres.ru/articles/bmk.htm (дата обращения: 07.11.2017)
[343] ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 5138/4. Л. 1-3.
[344] Там же. Л. 6.
[345] Там же. Л. 8.

риалов. Инцидент с отравлением рабочих подробно описан у В.Ф. Гришаева: отопительные батареи были покрашены кузбасслаком, от которого несколько человек «угорело», однако на следующий день они вышли на работу. Эта история также не укрылась от глаз следователей[346]. Однако сам Гольдберг начал давать признательные показания уже с первого допроса. На втором, который проходил 4-5 апреля 1937 г., он указал, что организация правых усилила свою деятельность тем, что заключила блок с троцкистами, которые также признают одним из наиболее реальных методов борьбы со Сталиным и руководством ЦК ВКП(б) террор[347]. В данном контексте Гольдберга обвиняли в планировании убийства первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе. Под троцкистами подразумевались, в первую очередь, люди, приехавшие на работу в Барнаул из Иваново-Вознесенска по приглашению Гольдберга: Н. Рабинович, О. Адлер и А. Ноговицын (или Наговицын, следователи писали его фамилию по-разному, арестован 13 февраля 1937 г., приговорен и расстрелян 29 июня 1938 г.). Гольдберг знал их как хороших специалистов, однако все они имели связи с «троцкистами» - родственные или рабочие. Гольдберг отстаивал честь этих людей на партийном собрании комбината, за что и был исключен, а также сам вписан в состав троцкистов[348]. Он также в ответе на вопрос, кто входил в состав Союзного центра правых, показал, что Томский называл ему себя, Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова[349]. Это соответствовало общей политической ситуации в стране: во время второго «московского процесса» против Бухарина были выдвинуты очередные обвинения, поэтому вскрытие «контрреволюционной группы» на крупном объекте второй пятилетки, «напрямую связанной» с руководителями Союзного центра, служило бы необходимым отягчающим для него обстоятельством.

[346] Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. С. 18.
[347] ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 5138/4. Л. 20.
[348] Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. С. 15-16.
[349] ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 5138/4. Л. 20.

Обличительным инструментом «преступлений» начальника БМК также выступила социалистическая пресса. В деле Гольдберга имеется газетная публикация под заголовком «О троцкистском укрывателе Гольдберге и задачах коллектива» (вероятно, вырезка сделана из газеты «Красный Алтай», периодически освещавшей ситуацию на комбинате»). В данной статье сказано, что в 1936 г. комбинат не выполнил плана, а сам год был периодом сплошных аварий. Виной этому являлось то, что комбинатом руководил «матерый адвокат и укрыватель всякого рода троцкистских и антисоветских элементов Гольдберг». Сообщалось, что он защищал исключенного из партии троцкистского адвоката Наговицина, учил его, как оправдываться при разборе дела об исключении, продолжал дружбу с разоблаченной троцкистской Адлер, прикрывая это дружбой жены. По поводу аварий Гольдберг давал следующие «троцкистские» объяснения: «Крыша плохая, потому что проект неправильный. Отравление рабочих произошло потому, что угольный лак на сильно нагревшихся батареях выделил угарный газ». «В этих объяснениях нет ни малейшего намека на людей – сам проект «проектировался», сами по себе и батарей нагревались и красились именно в тот момент, когда политически выгодно навредить» - подытоживал автор публикации[350].

По существу своей «вредительской» работы Гольдберг показывал, что еще в 1935 г. привлек в группу «правых» заместителя начальника строительной части К. Леонтьева (арестован 18 октября 1937 г. в должности начальника строительства БМК, приговорен и расстрелян 29 июня 1938 г.), а затем в 1936 г. своего заместителя К. Буторова. В протоколе несколько раз звучала фраза «на предыдущих допросах», хотя до 4 апреля он был всего один. Гольдберг «сознался» и в установлении связей с германским консульством и в «прямом служении фашистам»[351], что означало обвинение в шпионаже. Однако есть основания полагать, что сам Гольдберг не знал о приписываемых ему новых обвинениях, так как подпись, стоящая в конце протокола второго

[350] ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 5138/4. Л. 103.
[351] Там же. Л. 26, 28, 31.

допроса, не похожа на предыдущие подписи обвиняемого. Третий протокол допроса он, вероятно, снова подписал самостоятельно – подпись больше похожа на две, стоящие под первыми протоколами допроса[352].

В деле не присутствует ни одного документа о смене статьи обвинения, однако в группе документов, относящихся к окончанию следствия и его итоговым материалам (протокол об окончании следствия, обвинительное заключение, протокол судебного заседания, приговор) пункты статьи 58 меняются неоднократно. В протоколе об окончании следствия от 29 октября 1937 г. значится статья 58-7-8-9-11[353]. В обвинительном заключении, составленном в этот же день, сказано, что Гольдберг являлся активным участников контрреволюционной шпионско-диверсионной террористической организации (она была выявлена в июле-августе 1937 г. и состояла уже не только из работников БМК. Ее «главой» был заместитель председателя Краевого исполнительного комитета Грядинский, в составе был Фомин – начальник Краевого заготовительного управления – его Гольдберг в своих показаниях называл связующим звеном с германским консульством). В этом заключении (на первой странице – по ст. 58-1а-2-8-11[354]) вредительство на БМК уходило на второй план по сравнению с другими обвинениями – «исчезли» пункты 7 и 9, однако на последней странице пункт 9 появился вновь: теперь обвинение выдвигалось по ст. 58-1а-2-8-9-11[355]. Дело было передано на рассмотрение в Военную коллегию Верховного суда СССР по закону от 1 декабря 1934 г.

Закрытое судебное заседание проходило на следующий день, 30 октября 1937 г., с 9 до 9.20 часов. Несмотря на то, что на предварительном следствии Гольдберг признавал свою «вину», протокол судебного заседания свидетельствует о том, что «подсудимый виновным себя не признает. Свои показания на предварительном следствии отрицает, т.к. они даны неправильно, он дал их по уговору с сидящими в камере подсудимыми. Часть показаний он сам

[352] ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 5138/4. Л. 52.
[353] Там же. Л. 226.
[354] Там же. Л. 229.
[355] Там же. Л. 233.

выдумал»[356]. С.В. Журавлев отмечал в своей работе, что подобная тактика была свойственна арестованным: они соглашались на все в ходе предварительного следствия, чтобы сохранить силы и здоровье, а на суде отказывались от показаний, но они не учитывали, что дела в основном рассматривались заочно, во внесудебном порядке[357]. Несмотря на то, что Военная коллегия была судебным органом, в годы Большого террора приговоры, выносимые ей, по сути были утверждены заранее Сталиным и согласованы с Политбюро. В данном случае отказ от показаний уже не мог спасти Гольдберга – его приговорили к высшей мере наказания, приговор был приведен в исполнение в этот же день. Отметим, что в приговоре значилась статья 58-1а-8-9-11, то есть исчез заявленный в протоколе суда пункт 2[358]. Мы предполагаем, что это произошло по невнимательности председателя суда или стенографиста, напечатавшего протокол. По информации базы данных «Мемориала», в этот день, 30 октября, Военная коллегия Верховного суда приговорила 12 человек. В отличие от «тройки», которая рассматривала дела конвейерным способом (в этот день «тройка» при УНКВД по Алтайскому краю вынесла 310 приговоров), в соответствии с УПК суд обязан был более тщательно относиться к следственным материалам.

М.Е. Гольдберг был реабилитирован Советской властью в 1957 г.

Многие работники комбината, упомянутые Гольдбергом в его показаниях, впоследствии были арестованы. 29 марта 1937 г. был арестован заместитель начальника строительства БМК К. Буторов. Первые листы его следственного дела свидетельствуют о заведении данного дела, исходя не из реального обвинения, а из необходимости раскрытия уже «созданной» группы «правых». Справка на арест Буторова датирована 31 марта – на два дня позже, чем реально произошел арест. Суть обвинения против него состояла в том, что он был вовлечен Гольдбергом в активную контрреволюционную деятельность Сибирского центра правых и проводил контрреволюционную и

[356] ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 5138/4. Л. 236-236об.
[357] Журавлев С.В. Указ. соч. С. 176-177.
[358] ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 5138/4. Л. 237.

подрывную работу на Меланжевом комбинате, в частности, срывал строительство жилых помещений для рабочих комбината и допустил перерасход по сметам. Внизу справки карандашом стоит отметка: «На 2.4.37 Гольдберг еще показаний на Буторова не давал»[359]. Вероятно, она могла появиться в процессе пересмотра дела в ходе реабилитации, но ее важность состоит в том, что она является свидетельством подготовки дела еще до того, как были получены «доказательства» вины. Если мы сделаем попытку реконструировать ход событий, он может выглядеть следующим образом: так как БМК постоянно обвиняли в притуплении классовой бдительности и засоренности «врагами», то невозможно было бы предположить, что заместителя только что арестованного директора комбината оставят на свободе. Буторова арестовали 29 марта и, вероятно, до составления справки на арест ждали компрометирующих материалов – возможно также, пытались выбить показания из Гольдберга. В соответствии со ст. 106 УПК РСФСР о задержании нужно было сообщить следователю или прокурору не позднее, чем через 48 часов, иначе арестованный мог быть свободен. Вероятно, 31 марта следователи решили написать самое логичное обвинение о том, что заместитель вовлечен в контрреволюционную группу своим начальником, затем на допросе Гольдберга 4-5 апреля предъявили ему уже готовые показания. Также вероятно, что, если это действительно был подлог, он не отразился в тексте обвинительного заключения Гольдберга – среди людей, «завербованных» им, там не значится фамилия Буторова. При этом в деле Буторова присутствует справка о том, что срок следствия по его делу продлен от 17 марта 1937 г., когда он еще не был даже арестован[360].

Следующий момент, на который нужно обратить внимание – это статья в постановлении о предъявлении обвинения, датированном также 31 марта. Буторову инкриминировалось обвинение по статье 58-10-11. Если пункт 11 может быть обоснован его связью с Гольдбергом, то пункт 10 является явной

[359] ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 5138/3. Л. 2-3.
[360] Так же. Л. 63.

припиской – ни в справке на арест, ни в данном постановлении нет свидетельств проведения антисоветской агитации. С.В. Журавлев отмечал, что для справок на арест характерна тенденциозность подбора фактов и обвинительный уклон: сотрудники НКВД стремились включить в нее максимум компрометирующей информации[361]. Вероятно, что в таких искусственно созданных групповых делах в документах на арест статья обвинения могла содержать лишние пункты, которые отпадали в ходе выстраивания нужной линии следствия.

На допросе от 21 апреля 1937 г. Буторову напомнили о показаниях, данных им 13 апреля. Однако в деле нет такого протокола, о чем на листе есть карандашная пометка – «а где протокол 13 апреля»[362]. Тем не менее, обвиняемый показывал, что в 1931 г. он близко познакомился с секретарем обкома ВКП(б) Колотиловым. В процессе общения ему стало известно, что Колотилов и его товарищи являются сторонниками Бухарина. В мае 1932 г. Колотилов встречался с Бухариным и узнал, что тот «не прекратил своей борьбы с руководством партии, а только перешел от легальной работы, которая сейчас невозможна, к борьбе подпольной, и что даваемые им – Колотиловым мне установки по организации подрывной работы на БМК являются указаниями Бухарина». Колотилов охарактеризовал Гольдберга с положительной стороны и порекомендовал ехать к нему для организации вредительства и срыва строительства комбината[363]. Достаточно сложно определить личность упоминаемого Колотилова: в обвинительном заключении Гольдберга он назван заведующим сельскохозяйственного отдела Крайкома ВКП(б), в базе данных «Мемориала» не содержится сведений о персоналиях с указанными должностями. Разговор Буторова и Колотилова происходил в Иваново-Вознесенске, следовательно, либо он также, как Буторов, переехал в Барнаул, либо в обвинительном заключении Гольдберга указан другой человек.

[361] Журавлев С.В. Указ. соч. С. 164.
[362] ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 5138/3. Л. 13.
[363] Там же. Л. 14, 19, 24.

Следующий допрос Буторова проходил 8 сентября 1937 г. На нем он показал, что руководителем право-троцкистской организации был Гольдберг, а активными участниками группы К. Леонтьев, А. Наговицин, М. Резников, А. Торопцев (нет сведений об осуждении), Широков (нет сведений об осуждении), Б. Струков (начальник участка, арестован 28 июля 1937 г., приговорен и расстрелян 29 июня 1938 г.), В. Дородный (начальник сметного отдела, арестован 12 июня 1937, приговорен и расстрелян 29 июня 1938 г.). При этом Торопцева, Широкова и Струкова привлек в организацию лично Буторов[364]. Небольшой сбой «логики» следствия произошел по вопросу привлечения в организацию Дородного. Сам Буторов показал, что Дородный был вовлечен Леонтьевым, у которого он работал до 1936 г.[365], однако в деле Дородного сказано, что он был завербован Буторовым[366]. Он не отказывался от своих показаний, но в обвинительном заключении был зафиксирован именно второй вариант[367].

8 сентября Буторову было предъявлено новое обвинение по ст. 58-1а-2-8-9-11[368], которое соответствовало обвинению Гольдберга согласно протоколу судебного заседания. Однако 26 октября следствие было завершено по ст. 58-8-11[369]. Неизвестно, что происходило с обвиняемым в срок между предъявлением нового обвинения и окончанием следствия. В этот же день, 26 октября, было составлено обвинительное заключение. В нем в обвинении по статье от 8 сентября пункты 1а и 2 зачеркнуты, а 9 исправлена на 7 карандашом, следовательно, статья обвинительного заключения превратилась в 58-7-8-11. Можно предположить, что оно было составлено еще в сентябре до окончания следствия, в постановлении же от 26 октября об окончании следствия была допущена ошибка. В обвинительном заключении сообщалось, что политической целью право-троцкистского центра являлось провозглашение

[364] ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 5138/3. Л. 29.
[365] Там же. Л. 30.
[366] Там же. Д. 5138. Л. 24.
[367] Там же. Д. 5138/3. Л. 70.
[368] Там же. Л. 64.
[369] Там же. Л. 65.

Сибирской республики в момент объявления войны при содействии Японии за счет территориальных компенсаций в Дальневосточной республике[370]. Указанное не согласовывалось с формулировками обвинительного заключения Гольдберга: там связи «устанавливались» с Германией, а также были предъявлены обвинения в шпионаже, в чем на предварительном следствии он признался. Буторову не задавали вопросов о шпионаже – вероятно, с этим связан отказ от инкриминирования пунктов 1а и 2 ст. 58. По указанной статье – 58-7-8-11 – Буторов был предан суду Военной коллегии и 27 октября 1937 г. приговорен к расстрелу, который был совершен в тот же день. К. Буторов был реабилитирован в 1957 г.[371].

По делу Гольдберга также был арестован М. Резников, инженер-технолог БМК. Его арест датирован 9 марта 1937 г. по ст. 58-10-11[372]. Более месяца после ареста допросы не проводились (в нарушение ст. 134 УПК; либо допросы проводились, но не документировались): в соответствии с материалами следственного дела 26 апреля 1937 г. он сам попросил вызвать его для дачи показаний. Прошение было удовлетворено только в июне[373] – вероятно, все это время следователи «сшивали» полученные от других обвиняемых показания в соответствии с определенной линией следствия. Любопытно, что фамилия Резникова прозвучала в показаниях Буторова накануне – 24 апреля.

Резников показал, что он был завербован в организацию Гольдбергом, а сам встал на путь контрреволюционной работы еще в 1927 г. благодаря знакомству с главарем троцкистской организации Токаревым, бывшим директором московского текстильного техникума (фамилию Токарева также упоминал в своих показаниях Буторов), студентом которого в то время являлся Резников. Гольдберг стал сближаться с ним в 1934 г., убеждая, что в партии отсутствует демократия, и, несмотря на возражения со стороны Резникова,

[370] ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 5138/3. Л. 67.
[371] Там же. Л. 67, 84.
[372] Там же. Д. 5138/2. Л. 3, 5.
[373] Там же. Л. 8-9.

продолжал его идеологическую обработку. «У меня возник известный рецидив, вызванный моим участием в троцкистской группе в техникуме. Я постепенно стал соглашаться и разделять контрреволюционные взгляды Гольдберга» - показывал Резников[374].

Следующий допрос проводился 8 сентября – тогда же, когда допрашивали и Буторова. Резникову был задан вопрос о его шпионской работе, в проведении которой он не сознался[375]. Вероятно, именно в сентябре следствие решило провести еще одну «линию» данного дела: Гольдберг «сознался» в связях с Германией, Буторову не далось инкриминировать эти обвинения (ст. 58 п.1а и 2). Резникову, несмотря на отсутствие признания, 8 сентября было предъявлено обвинение по ст. 58-1а-2-8-9-11, однако, как и у Буторова, следствие было закончено 27 октября 1937 г. по ст. 58-8-11. 29 октября состоялся суд Военной коллегии Верховного Суда – на нем пункты статьи 58 обвинения снова поменялись: Резников был приговорен к расстрелу по ст. 58-1а-7-8-11[376]. Это обвинение практически идентично предъявленному Буторову, однако у последнего отсутствовал пункт 1а – измена Родине, в том числе шпионаж. Вероятно, что протоколы об окончании следствия по ст. 58-8-11 означали, что эти пункты обвинения полностью доказаны, остальное являлось «творчеством» следователей: Буторову не предъявляли обвинения в шпионаже, следовательно, не могли и судить по данным пунктам ст. 58. Резников не признался, однако сам факт вопросов о шпионаже подтверждает то, что это обвинение было «приписано» ему заранее. Также вероятно, что определенную роль в обвинениях о шпионаже сыграла национальность, которая даже сама по себе могла стать основанием для ареста в годы Большого террора: Гольдберг и Резников, в отличие от Буторова (русский), были евреями. Резников, как и остальные фигуранты дела Гольдберга, был реабилитирован в 1957 г.

[374] ОСД УАДАК. Ф. Р 2. Оп. 7. Д. 5138/2. Л. 16.
[375] Там же. Л. 19.
[376] Там же. Л. 72, 74-76.

В 1936 г. уже активно собирался компромат на руководство комбината. В феврале в адрес Барнаульского городского отделения НКВД поступил «подлинный» протокол заседания бюро Барнаульской организации меньшевиков, в котором основным участником вредительских действий на комбинате в числе прочих был указан Буторов «и др. члены ВКП(б), входящие в партком и дирекцию меланжевого комбината». Автором этого документа оказался комендант комбината П. Ткачев, сын «кулака», не порвавший с ним связь, исключенный из партии. По материалам следственного дела, он группировал вокруг себя бывших членов партии, недовольных советской властью: сына «кулака» и бывшего единоличника. Следствием было «доказано», что протокол бюро организации меньшевиков был фальшивый, написанный Ткачевым специально для «привлечения к ответственности» указанных в нем лиц. Ткачев был осужден Особым совещанием по ст. 58-10 к пяти годам исправительно-трудовых лагерей[377].

Обвиняемые по всем рассмотренным в данной работе делам были реабилитированы Советской властью во второй половине 1950-х – 1960 г. за отсутствием состава преступления. На то, что эти дела были «придуманы» следователями в соответствии с определенными установками, указывают результаты нашего источниковедческого анализа. В деле Гольдберга и др. присутствует путаница с датами документов, статья обвинения меняется без сопутствующей этому процессу документации, показания обвиняемых разнятся между собой. Можно лишь предполагать, каким изощренным образом «добывались» необходимые следствию показания. Следствие велось с нарушением установленных правил и норм: согласно статье 116 УПК РСФСР, следствие не должно было продолжаться более двух месяцев с момента объявления постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. В следственных делах Гольдберга и др. не было указаний на сроки продления следствия в мае, когда заканчивался двухмесячный срок для арестованных в марте. В соответствии со ст. 392 УПК РСФСР, обвинительное заключение долж-

[377] ОСД УАДАК. Ф. Р 2. Оп. 7. Д. 9798. Л. 1-1об., 117, 171.

но было сообщаться под расписку каждому из подсудимых не позднее, как за трое суток до дня, назначенного для слушания дела. В делах Гольдберга и др. суд проходил на следующий день после составления обвинительного заключения. Такие грубые нарушения в ходе следствия, а также отсутствие разбирательств по ним еще раз свидетельствуют о том, что данное дело было от начала и до конца «придумано» работниками НКВД. Материалы рассмотренных нами дел показывают, как происходил процесс фабрикации дела, как формировались сети «преступников». Также проясняется вопрос о том, как вдалеке от столицы местные органы НКВД изыскивали связи обвиняемых с известными антипартийными лидерами.

Таким образом, на основании архивно-следственных дел нами были выявлены три механизма репрессий, активно применявшихся в рассматриваемый период. Для рассмотрения их реализации на практике необходимо обратиться к анализу динамики репрессий, которой посвящен следующий параграф.

3.4. Динамика репрессий (декабрь 1934 – июнь 1937 г.)

Для составления динамики арестов и приговоров нами были использованы сведения БД «Мемориала» по Алтаю. По Ойротии нам доступны сведения только о дате ареста, мы приводим ее в сравнении с алтайской динамикой. Обратимся к следующему рисунку:

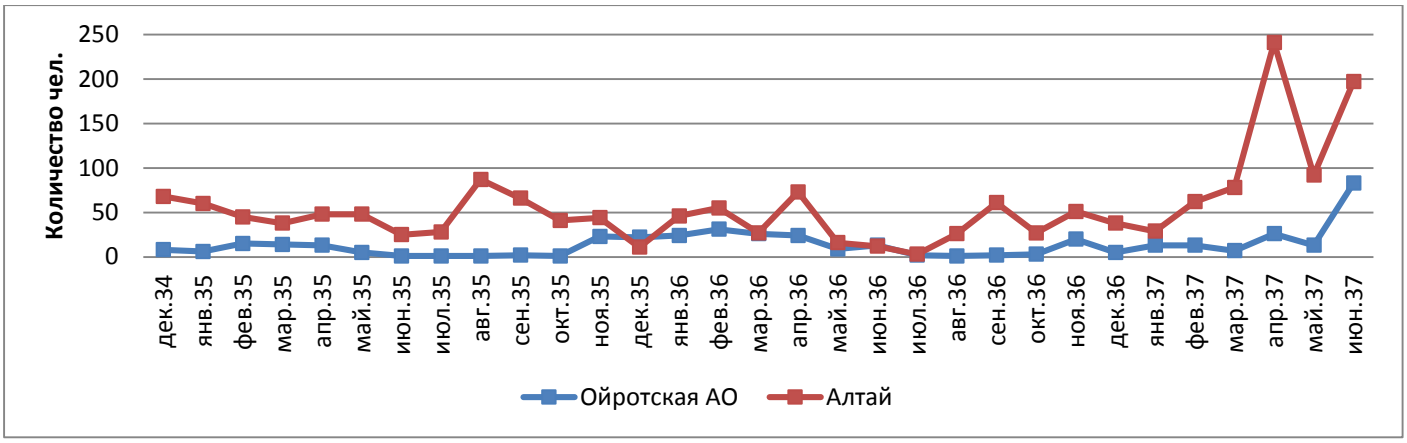


Рис. 3. *Динамика арестов Алтае и в Ойротской АО в период с 1 декабря 1934 по 30 июня 1937 г.*[378]

[378] Составлено по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

Как видно из рис. 3, в указанный период аресты на Алтае происходили достаточно неравномерно: до апреля 1937 г. количество арестованных не превышало 100 чел. в месяц, однако наблюдались и пиковые моменты – август 1935 г., апрель и сентябрь 1936 г. В эти же месяцы примерно равномерная динамика арестов на Алтае и в Ойротской АО расходится в наибольшей степени. Несмотря на то, что в рассматриваемом нами периоде не выделяются такие крупные и спланированные операций, как, к примеру, «кулацкая» операция периода Большого террора, направленная против лиц определенных занятий или социального происхождения, мы можем высказать предположение, что динамика репрессий предыдущего Большому террору периода напрямую зависела от политических инструкций, направляемых из центра в регионы и связанных с общим положением в стране. Рассмотрим подробно динамику каждого года.

Динамика репрессий на первом этапе (декабрь 1934 – февраль 1937 г.)

Согласно данным БД «Мемориала», в декабре 1934 г. на Алтае было арестовано 68 чел. В 1935 г. наибольшее количество арестов произошло в январе (60 чел.), мае (50 чел.) и августе (87 чел.). Исходя из политической ситуации в стране, данные аресты должны были производиться среди сочувствующих «зиновьевцам» и бывших оппозиционеров[379] – по всей Сибири происходили аресты среди руководящих работников, в совхозах и на железнодорожных станциях[380]. В начале 1935 г. были разоблачены «контрреволюционные группы» на Кузнецком металлургическом комбинате, на Барнаульском меланжевом комбинате и в других организациях в Томске, Красноярске, Омске. Обвиняемых в рамках этих групп выводили на региональные «показательные» процессы по образцу процесса «московского центра», прошедшего

[379] Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.): Коллективная монография. С. 111.
[380] Папков С.А. Обыкновенный террор. С. 161-162.

в январе 1935 г[381]. Однако данные 19-% выборки указывают на расширение этих рамок. Из 19 групповых дел на 98 чел. (таковыми считаются дела, фигурантами которого являются 3 человека и более) служащие присутствовали только в трех (9 чел.). Основная категория репрессированных в 1935 г. по выборке – занятые в сельском хозяйстве – 63 чел., из которых 29 чел. – единоличники. Особенно активно террор против этой группы населения разворачивался в апреле, мае (12 чел.) и сентябре 1935 г. (6 чел.)[382]. На местном уровне борьба с единоличниками была объявлена еще в мае 1935 г.[383], однако нельзя сказать, что данная кампания была инициирована в общесоюзном масштабе: борьба с классовыми врагами была закономерной частью сталинского террора. Под маховик репрессий попала и опора советского общества – рабочие (17 чел. по материалам групповых дел). Представители этого социального класса были репрессированы совместно с представителями других, однако в большем количестве случаев их дела были прекращены за недоказанностью обвинения[384]. В наибольшей степени от репрессий в 1935 г. пострадали колхозники. Например, в августе, пике репрессий в 1935 г., по данным БД «Мемориала» на Алтае было арестовано 44 чел.

В Ойротии в 1935 г. было две волны арестов, первая началась в феврале (15 чел.), вторая – в ноябре (23 чел.). В мае-декабре 1935 г. проводилась проверка партийных документов. Она сопровождалась арестами бывших партийцев. В ходе кампании в Ойротской парторганизации было исключено 249 кандидатов и членов ВКП(б). В ряду исключенных из партии указывались «классово-чуждые и враждебные элементы» (46,6%), националисты и шовинисты (6%) и прочие потенциальные «враги народа». Процент «национальных» представителей составил 23,5% от всех исключенных. Большей частью исключенные являлись представителями среднего и низового руководящего звена. При этом Западно-Сибирский крайком партии признавал результаты

[381] Папков С.А. Обыкновенный террор. С. 160-161.
[382] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 964, 1046, 8722, 23669/1.
[383] Папков С.А. Обыкновенный террор. С. 93.
[384] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 1046. Л. 113. Д. 4311. Л. 41. Д. 11672. Л. 255, 257.

«чистки» неудовлетворительными, обвинял Ойротскую парторганизацию в «притуплении классовой бдительности» и засоренности «национальными чуждыми элементами»[385]. Подобная ситуация была и в Хакасской АО, которая входила в состав Красноярского края: там проверка партдокументов также была признана неудовлетворительной и в августе 1935 г. продлена до декабря, а основную группу арестованных в течение всего года составляли колхозники. Чаще их дела были индивидуальными, но иногда арестованных «объединяли» и в группы. Обвинения в национализме были присущи и этой автономной области: в марте-мае 1935 г. здесь была «раскрыта» «повстанческая контрреволюционная националистическая группа» колхозников, которая «ставила своей целью свержение Советской власти в момент интервенции Японии и отделения Хакассии от СССР»[386].

Октябрь 1935 г. в Ойротии отмечен сразу двумя событиями. 13 октября краевой прокурор И. Барков и председатель краевого суда Пелыгин разослали всем работникам юстиции края секретную директиву. В ней говорилось, что дела на исключенных из партии лиц, которых заподозрили во «вхождении в партию в контрреволюционных целях», нужно было квалифицировать по ст. 58 УК РСФСР и передать для расследования в органы НКВД. Вероятно, именно это способствовало тому, что в октябре были «вскрыты и ликвидированы» три контрреволюционных организации в Улаганском, Эликманарском аймаках и в г. Ойрот-Тура. «Целью» обвиняемых являлось свержение советской власти при помощи Японии и создание национально-буржуазной республики на территории Ойротии, Хакасии и Горной Шории[387].

Обратимся к динамике арестов по Ойротской АО (см. рис. 3). В первую волну активных арестов с февраля по май там было арестовано 47 чел. Мы не можем утверждать, что эти аресты были напрямую связаны с «чисткой» пар-

[385] Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.): Коллективная монография. С. 112-116.
[386] Карлов С.В. Указ. соч.С. 132-134.
[387] Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.): Коллективная монография. С. 114-115.

тии. Данные БД «Мемориала» не позволяют дать точный ответ на этот вопрос, так как не содержат сведений о партийной принадлежности репрессированных. Из 47 арестованных в эти месяцы только шестеро были служащими. Основную массу арестованных (40,4%, 19 чел.) составили работники сельского хозяйства (колхозники), еще 10 арестованных были единоличниками. Сомнительно, что это были люди, исключенные из партии. В феврале и марте 1935 г. было арестовано 18 жителей Усть-Канского аймака (всего в эти два месяца 29 арестованных, у 25 чел. известно место проживания). Очевидно, там происходила локальная кампания, инициированная непосредственно в районе.

Судя по динамике арестов ноября 1935 г. - февраля 1936 г., в это время производились аресты будущих «членов контрреволюционной организации» под руководством председателя Ойротского облисполкома С. Сафронова. По информации Западно-Сибирского УНКВД «основные кадры» организации были представлены национальной интеллигенцией, «байско-бандитскими элементами» и «родовыми авторитетами» алтайской деревни[388]. Всего за этот период было арестовано 100 чел., треть из них (30 чел.) – в Улаганском аймаке, включая И. Кардаманова, председателя Улаганского аймакисполкома. 12 чел. было арестовано в Эликманарском аймаке. В двух указанных аймаках только четверо арестованных были русскими. В Ойрот-Туре было арестовано 11 человек, девять из них – служащие, трое из которых – русские. Вероятно, данная кампания четко контролировалась Западно-Сибирским крайкомом: в ноябре 1935 г. секретарь Крайкома Р. Эйхе лично посетил пленум Ойротского обкома ВКП(б), на котором призвал добить остатки националистов в области[389].

В общем в 1935 г. проведение репрессивных акций среди крестьянства связано с приездом в Сибирь в конце 1934 г. В.М. Молотова и Л.М. Кагановича. В 1934 г. ЗСК не выполнял план обязательных хлебопоставок государ-

[388] Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.): Коллективная монография. С. 117.
[389] Там же. С. 115.

ству. Причину этого видели в происках «врагов» и «саботажников». Для рассмотрения их дел в упрощенном порядке с 4 октября 1934 г. начали функционировать пять специальных судебных коллегий при оперсекторах УГБ НКВД, которым предоставлялось право самостоятельного вынесения смертного приговора. Сразу после отъезда Кагановича в Шипуновском районе был проведен процесс, по итогам которого из пяти обвиняемых один был приговорен к расстрелу[390]. Похожая ситуация наблюдалась и в Красноярском крае: из всех репрессированных там членов колхозов в 1935 г. 14% были признаны «вредителями», 25% были осуждены за саботаж и 28% - за хищения[391].

В 1936 г. два пиковых момента в динамике репрессий на Алтае – апрель и сентябрь. С декабря по апрель (с небольшим понижением в марте) количество арестов занятых в сельском хозяйстве постоянно возрастало. Мы можем сделать предположение, что это было вызвано докладной запиской Барнаульского сектора НКВД «О засоренности колхозов кулацкими и другими соцчуждыми элементами по Барнаульскому району», датированной декабрем 1935 г[392]. Кампания, проводившаяся около будущей столицы Алтайского края, г. Барнаула, могла отразиться и на других районах области. В Ойротии количество арестованных с февраля по май 1936 г. постепенно снижалось. Вероятно, там завершалось «формирование» ячеек «контрреволюционной организации С. Сафронова». Из 59 чел., арестованных за эти месяцы, 20 составили колхозники и 19 – служащие. 7-10 апреля 1936 г. выездная Спецколегия Запсибкрайсуда рассмотрела дело 22 участников «контрреволюционной организации», которые якобы готовили выступление против советской власти в момент нападения на нее одного из капиталистических государств. Все обвиняемые получили сроки от двух до 10 лет лагерей[393]. К сожалению, данные БД «Мемориала» не позволяют точно установить имена этих людей, так как в ней отсутствуют сведения о дате приговора. По данным историо-

[390] Папков С.А. Каганович в Сибири: погромные акции 1929-1936 гг. С. 592-594.
[391] Макаров А.А. Указ. соч. С. 68.
[392] Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965. С. 99.
[393] Книга Памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Т. 3/ сост. т. П.И. Чепкин. — Горно-Алтайск, 2003. С. 11.

графии, основную часть осужденных составили колхозники Эликманарского, Улаганского и Онгудайского аймаков. Их судили по ст. 58-2-11 и 58-12[394] (недонесение о преступлении).

Сентябрьские аресты на Алтае, очевидно, в определенной степени связаны с прошедшим в августе 1936 г. первым «московским процессом», который повлек за собой усиливающуюся борьбу с «троцкистскими элементами». Отметим, что начало ей было положено ранее. 9 февраля 1936 г. в Москве было издано постановление о приговоре «троцкистской группе», которая обвинялась в попытке покушения на Сталина во время октябрьской демонстрации на Красной площади в 1935 г.; четырем участникам «покушения» приписывалось тюремное заключение на срок 10-8 лет (так в источнике – прим. Е.М.)[395]. В этот же день заместитель наркома внутренних дел Г.Е. Прокофьев направил местным органам НКВД телеграмму о возросшей активности «троцкистско-зиновьевского контрреволюционного подполья» и формировании подпольных террористических групп, которые нужно было ликвидировать без остатка, то есть не ограничиваться изъятием актива, а вскрывать все подпольные формирования и связи[396]. Известным нам откликом на указанное сообщение являлась телеграмма барнаульского сектора НКВД о возрастающей активности «троцкистско-зиновьевского контрреволюционного подполья» от февраля 1936 г[397]. Она в целом соответствовала ситуации, происходившей в это время в Москве.

14 февраля 1936 г. Сталину и Ежову было отправлено спецсообщение Г.А. Молчанова о «контрреволюционных» проявлениях со стороны лиц, исключенных из ВКП(б), при проверке партдокументов в Курской области и в Грузии, в соответствии с которым в Грузии было арестовано 460 чел[398]. Примечательно то, что уже 17 февраля на Алтае, в г. Бийске, начались аресты проживающих там грузин, отправленных в ссылку за «антисоветские вы-

[394] Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.): Коллективная монография. С. 117.
[395] Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД. С. 715, 723.
[396] Жертвы политического террора в Алтайском крае. Т. 2. Барнаул, 1999. С. 14.
[397] Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965. С. 103.
[398] Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД. С. 724, 728.

ступления» в 1920-х гг.[399] В Ойротской АО проводилась кампания, направленная на ликвидацию колоний ссыльных, в основном троцкистов и зиновьевцев. 16 марта 1936 г. было издано секретное письмо за подписью секретаря обкома партии Хабарова о срочном выселении «300 семей кулацко-байского и бандитского элемента» в целях борьбы с «контрреволюционными националистическими элементами»[400]. За 1936 г. были изъяты колонии ссыльных в Красноярском крае, Омской области, в Нарыме и других районах Сибири[401].

Летом 1936 г. наблюдается относительное затишье, количество репрессированных начинает расти лишь с августа. 7 августа 1936 г. Барнаульский городской отдел НКВД направил в горком ВКП(б) справку под названием «Характерные факты контрреволюционной деятельности привлеченных к судебной ответственности Барнаульским ГО НКВД в период проверки партдокументов». В качестве примера было приведено дело В. Горлова, по данным следствия, члена ВКП(б) с 1920 г., директора барнаульского «Маслосоюза». Его обвинили в том, что в 1927 г. он примкнул к троцкистской оппозиции, о чем скрыл в ходе проверок партдокументов 1929 и 1934 г., а после убийства Кирова распространял слухи и троцкистскую клевету на руководство ВКП(б)[402]. По материалам следственного дела, Горлов являлся не директором, а заведующим районного заготовительного пункта «Маслосоюза». Действительной причиной ареста могло стать то, что Горлов служил в царской армии в чине унтер-офицера. Он был приговорен к пяти годам ИТЛ, однако затем реабилитирован советской властью в 1957 г[403].

7 августа 1936 г. Бюро барнаульского горкома ВКП(б) приняло постановление, в котором констатировало, что разоблачены контрреволюционные группы на вагоноремонтном заводе (ВРЗ) и на барнаульском Меланжевом комбинате (БМК). Еще 3 августа Западно-Сибирский крайком ВКП(б) запро-

[399] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12765/1. Л. 5, 24, 37, 49, 75, 91, 104, 116; Д. 12765/2, Л. 3, 5, 15, 41, 50,
[400] Книга Памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Т. 3. С. 17.
[401] Папков С.А. Обыкновенный террор. С. 166.
[402] Жертвы политического террора в Алтайском крае. Т. 2. С. 365.
[403] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5119. Л. 6, 52, 107.

сил у Барнаульского горкома партии подробные сведения на шестерых оппозиционеров, высланных в Барнаул из Ленинграда и работавших на БМК[404]. На ВРЗ рабочий электростанции Рымша распространял пораженческие слухи, а член ВКП(б) Ладыгин не выступил против контрреволюционной клеветы на партию[405]. В справке об итогах обмена партдокументов по Барнаулу значилось следующее: «Группа из трех человек на вагоноремонтном заводе во главе с бывшим членом партии Ладыгиным выражала террористические настроения по адресу секретаря Горкома. Группа вела работу против стахановского движения, распространяла клеветнические слухи и антисоветские анекдоты, стремилась вызвать забастовки на почве, якобы, ухудшения материального положения трудящихся»[406]. Однако в приговоре, вынесенном в 1937 г., в указанной группе значилось шесть человек, при этом появились новые обвинения, которые не упоминались в справке горкома (например, хранение троцкистской литературы[407]).

Руководство Западно-Сибирского крайкома решило провести в Ойротии локальную версию первого «московского процесса». С 7 по 15 августа 1936 г. Спецколлегия Запсибкрайсуда рассмотрела дело по 16 обвиняемым, среди которых были председатель Ойротского облисполкома С. Сафронов (арестован в феврале 1936 г.), председатель Онгудайского аймакисполкома И. Манеев, преподаватель педагогического рабфака А. Арбанаков, начальник управления народнохозяйственного учета М. Ялбачев. Всего по данному делу в течение 1936 г. суду было предано 163 человека. По завершении процесса было издано «Закрытое письмо» Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), в котором отмечалась «неспособность» областного партийного руководства выявить и ликвидировать «существовавшую националистическую организацию». Таким образом, крайком жестко контролировал проведение репрессивных ак-

[404] Жертвы политического террора в Алтайском крае. Т. 2. С. 14.
[405] Там же. С. 14, 360-361.
[406] Государственный архив Алтайского края (ГА АК). Ф. П-10. Оп. 19. Д. 194. Л. 59.
[407] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 8820. Л. 339-339об.

ций в Ойротской АО[408]. Схожий процесс прошел в начале августа 1936 г. и в Хакасской АО. Там чекисты «выявили» «эсеровско-троцкистскую террористическую повстанческую организацию», в состав которой входили в основном рабочие и колхозники. Из 10 обвиняемых девять были приговорены к расстрелу по приговору Верховного суда[409].

В сентябре на Алтае количество арестованных составило 61 чел. Продолжились репрессии в отношении руководящих работников (шесть человек из 26 по данным БД «Мемориала» за август), а с сентября начался новый виток репрессий против «троцкистов». Вероятно, это было связано с решением Политбюро за подписью Сталина «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам», которое было издано 29 сентября 1936 г. В нем сообщалось. что «до последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе». Кроме того, предполагалось расправляться не только с уже арестованными, но и с теми, кто ранее был выслан[410]. Данное постановление существенно расширило рамки террора: теперь любой, подозревающийся в троцкизме, автоматически становился шпионом. Власти боялись, что, в случае войны с Японией, ее войска будет двигаться через территорию Китая, а затем через Сибирь[411].

В сентябре 1936 г. было инициировано дело группы церковнослужителей (28 чел.), обвиняемых в создании контрреволюционной организации,

---

[408] Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.): Коллективная монография. С. 117-118.

[409] Карлов С.В. Указ. соч. С. 138.

[410] Постановление ЦК ВКП(б) №П43/305 от 29 сентября 1936 г. // Известия ЦК КПСС, 1989. №5. С. 72. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/2.html (дата обращения: 25.03.2015).

[411] Shearer D. Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier. Western Siberia in the 1930s // Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917-1953, ed. Donald Raleigh. University of Pittsburgh Press, 2001. P. 212.

ставившей своей целью подготовку вооруженного восстания и свержение советской власти. Данная группа, по материалам следствия, имела шесть повстанческих ячеек[412]. Один из обвиняемых, Д. Носков, просил следователей не вызывать его так часто на допрос, а написать протокол самостоятельно, чтобы он потом его подписал, на что получил ответ, что следователи не фабрикуют протоколов[413]. Однако наличие в деле такого документа уже свидетельствует обратное. Власть как в центре, так и на местах начала подготовку ко второму «московскому процессу», и для его легитимации необходимо было создать видимость того, что в стране идет активная успешная борьба с «антисоветскими элементами». Определенно, роль сыграла и упомянутая директива Сталина о расправе с «троцкистско-зиновьевскими мерзавцами». Кроме того, отметим, что шла подготовка к принятию новой Конституции. Разоблачение массовой «контрреволюционной» организаций, состоящей из представителей духовенства, могло ощутимо ударить по «чуждой» советскому обществу социальной группе. Так как процесс растянулся и на первую половину 1937 г., его проведение удовлетворяло условиям упомянутой выше апрельской директивы №23, направленной против служителей церкви.

В рассматриваемый период репрессии против церковнослужителей проходили по всей Сибири и особенно усилились в первой половине 1937 г. От них пострадали представители различных конфессий. В апреле 1935 г. в Хакассии было проведено дело против десяти членов баптистской секты, которых обвиняли в проведении антисоветской агитации под видом проповеди[414]. В Омске весной 1935 г. был арестован 73-летний омский архиепископ Алексий (Орлов), который якобы являлся главой группы «церковников-вредителей»[415]. На Алтае в апреле 1935 г. было арестовано трое церковнослужителей, а за весь 1935 г. – 11 человек.

[412] Жертвы политического террора в Алтайском крае. Т. 2. С. 13.
[413] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7818/1. Л. 95.
[414] Карлов С.В. Указ. соч. С. 131.
[415] Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация. С. 278.

С началом 1937 г. обвинения, предъявляемые церковнослужителям, существенно ужесточились. Среди упомянутых выше участников группы из 28 «церковников», «возглавляемой» Барнаульским епископом Иаковом Маскаевым, 21 обвиняемый был приговорен к расстрелу, а в обвинении помимо антисоветской агитации (пункт 10 статьи 58) содержался пункт 2 – «Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд»[416]. В Новосибирске в апреле 1937 г. начали раскручивать дело «шпионско-диверсионной организации среди сектантов Сибирского края» во главе с уполномоченным евангельских христиан Кухманом. В ходе следствия его «связали» с баптистами и адвентистами седьмого дня и обвинили в шпионаже за то, что в 1936 г. он приезжал с проповедями к немцам Купинского и Чистоозерского районов[417]. В мае в Новосибирске были арестованы члены Сибирского церковно-монархического совета, якобы готовившие вооруженное восстание и формировавшие повстанческие группы[418]. В Кузбассе в апреле 1937 г. арестовали евангелистов Прокопьевска – всего 20 человек. Благодаря тому, что среди обвиняемых были евангелисты-рабочие треста «Прокопьевскуголь», в состав обвиняемых удалось включить и руководящих работников треста, предъявив им обвинения в диверсиях на производстве[419]. Из 17 арестованных в апреле 1937 г. служителей культа на Алтае 14 были приговорены к расстрелу. Таким образом, в Сибири руководство крайкома четко выполняло инструкции центральной власти по «ограничению влияния церковников на население».

С августа 1936 г. ход динамик арестов по Алтаю и Ойротии становится практически идентичным друг другу. В ноябре в динамике репрессий наблюдается небольшой подъем: 53 чел. на Алтае и 20 чел. – в Ойротии. Состав репрессированных в ноябре на Алтае по данным БД «Мемориала» очень разно-

[416] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7818/4. Л. 246, 248, 252, 255, 257-258, 268-270, 273-275, 277, 279-280, 282.
[417] Савин А.И. Трагедия Евангельских христиан. «Дело» пресвитера О.И. Кухмана (1937 г.) // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск : ИД «Сова», 2005. С. 394-395.
[418] Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация. С. 278.
[419] Савин А.И. Указ. соч. С. 396.

образен (рабочие, колхозники, начальники цехов, завхозы, председатели колхозов). В Ойротии были арестованы 19 работников сельского хозяйства в Онгудайском и Улаганском аймаках. По материалам историографии известно, что арестованные в Онгудайском аймаке колхозники якобы готовили покушение на председателя колхоза «Кызыл Мечин»[420]. Обвиняемые получили суровые приговоры: три человека были расстреляны, остальные получили лагерные сроки от 6 до 10 лет. В Улаганском районе восемь обвиняемых теленгитов были расстреляны, и один был приговорен к 10 годам заключения (вероятно, он не признал свою «вину» в ходе следствия).

23 сентября 1936 г. в Кузбассе на шахте «Центральная» произошел взрыв метана. Событию была придана политическая окраска. После взрыва в вектор последующих репрессивных кампаний сильно поменялся не только в региональном разрезе, но и в масштабах всей страны. В трагедии были обвинены руководители шахты и инженеры, которых впоследствии объединили в «Западно-сибирский троцкистский центр». Среди арестованных по делу о взрыве был немецкий инженер Штиклинг. Именно его присутствие формировало вторую линию обвинения: не только «вредители», но и «фашисты-шпионы». Несмотря на то, что Штиклинг был арестован только 3 ноября, когда было решено готовить открытый судебный процесс[421] (те, кого после него оставили в живых, свидетельствовали против Радека и Пятакова на втором «московском процессе»), уже 29 сентября, на следующий день после завершения «расследования» по делу, было издано упомянутое выше решение Политбюро за подписью Сталина об отношении к троцкистам и зиновьевцам как к шпионам. Как отмечает С.А. Папков, для Сталина такое развитие событий было удачным, так как можно было разоблачить «вредителей-диверсантов», устроив из этого «шумное политическое зрелище»[422]. В октябре в Кузбассе готовилось проведение показательного процесса над «вредите-

[420] Книга Памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Т. 3. С. 13.
[421] Папков С.А. Обыкновенный террор. С. 175.
[422] Там же. С. 173-176.

лями», который состоялся в ноябре. Влияние всех этих факторов могло отразиться на динамике арестов в соседнем западносибирском регионе.

Еще до первого «московского процесса» в Кемерово арестовали старого большевика, заместителя начальника «Кемеровохимкомбинатстроя» Я.Н. Дробниса. Ранее он исключался из партии за принадлежность к троцкистскому блоку, но в 1930 г. был восстановлен. Вместе с ним был арестован начальник Сибмашстроя М.С. Богусловский. Одним из предъявленных им обвинений стало вредительство[423]. Далее последовали аресты руководящих кадров крупных промышленных предприятий. После взрыва на шахте «Центральная» был арестован начальник строительства Кемеровского промышленного комбината Б.О. Норкин, который был связан с Дробнисом. Таким образом, сформировалась «контрреволюционная, белогвардейская, террористическо-диверсионная организация» [424]. Подобную организацию «вскрыли» и в Иркутске и провели над ней открытый судебный процесс[425].

Февральско-мартовский пленум (1937 г.) – начало новой волны репрессий

Февральско-мартовский пленум фактически обосновал основные линии Большого террора и заложил курс на массовые операции, которые начались с конца июля 1937 г. С января 1937 г. динамика арестов по трем основным социальным группам становится абсолютно идентичной. Полностью исчезают локальные кампании – аресты начинают четко контролироваться центром.

В апреле было арестовано самое большое количество человек за весь рассматриваемый период на Алтае – 241. В июне было арестовано 198 чел., в то время как в Ойротии 83 чел. (наибольшее количество за весь рассматриваемый период). В мае и на Алтае, и в Ойротии отмечается сокращение количество арестованных (92 и 13 чел. соответственно). Вероятно, апрельские аресты стали реакцией на результаты февральско-мартовского пленума. В июне на Алтае начало оформляться дело «Российского общевоинского сою-

[423] Гвоздикова Л.И. Указ. соч. С. 183.
[424] Генина Е.С. Указ. соч. С. 65.
[425] Папков С.А. Обыкновенный террор. С. 172.

за», а в Ойротии с февраля «готовили» новую «националистическую организацию» с целой сетью региональных ячеек. Руководителем одной из них «стал» И. Третьяк, бывший командир горно-алтайской партизанской дивизии, другой – И. Толок, секретарь Обкома ВЛКСМ. Из мест заключения в новосибирскую тюрьму был доставлен осужденный в августе 1936 г. С. Сафронов, его также обвинили в организации «аймачных филиалов»[426]. Атмосфере шпиономании, которую подогревала местная пресса, способствовало то, что в мае по местным управлениям НКВД был разослан текст особого решения ЦК об очистке страны от «японо-германо-троцкистско-бухаринских элементов»[427]. Такое решение было подготовлено по итогам спецсообщения, направленного Сталину Ежовым 15 февраля 1937 г., о вскрытии «ряда диверсионных шпионских и террористических организаций, созданных японской, германской и польской разведками на предприятиях Кузбасса, Томской железной дороге и прилегающих районах»[428].

13 марта 1937 г. было издано постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об иностранцах, проживающих в Западно-сибирском крае: по нему всем иностранным гражданам, а особенно полякам, немцам и японцам, отказывалось в дальнейшем проживании на данной территории[429]. По данным БД «Мемориала», на Алтае в апреле и июне было репрессировано 26 немцев и восемь поляков (из 121 и 21 чел. по всему рассматриваемому периоду соответственно), что составляет 31% и 38% от всех представителей данных национальностей, репрессированных в период с декабря 1934 г. по июль 1937 г. Такое ужесточение террора по национальному признаку является показателем совершавшегося перехода к массовым «национальным» операциям. 20 апреля 1937 г. Бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) издало постановление за подписью Эйхе о положении в Немецком районе, в котором отмечались факты

[426] Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.): Коллективная монография. С. 123-127.
[427] Папков С.А. Обыкновенный террор. С. 193, 216.
[428] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937—1938. — М.: МФД, 2004, С. 92-94.
[429] Там же. С. 116.

«притупления бдительности у руководства немецкого райкома по отношению к фашистско-троцкистским агентам». Было отмечено, что советско-хозяйственный аппарат района засорен контрреволюционными элементами. В соответствии с данным постановлением от исполнения своих обязанностей были освобождены председатель Немецкого райисполкома и секретарь Немецкого райкома ВКП(б)[430]. Очевидно, что данное постановление отложило отпечаток на ситуацию в Немецком районе в годы Большого террора.

С начала 1937 г. происходил процесс «самоочистки» организаций от «вредных» элементов. Этому способствовало постепенное распространение доносительства и сбор компрометирующих сведений на работников советских учреждений. Начали выделяться «немецкая» и «эсеровская»[431] линии в обвинении. В Томске был «вскрыт» «Меньшевистский комитет» из работников типографий и редакций газет. В отличие от руководителей Красноярского и Омского обкомов, которые в начале 1937 г. проявляли сдержанность в количестве арестованных (за что сами были арестованы в июне 1937 г.), руководитель Западносибирского крайкома партии Р. Эйхе упрекал своих подчиненных за слишком мягкое отношение к затаившимся «врагам». Этому способствовал «кемеровский процесс» и «раскрытие» на территории ЗСК «Сибирского троцкистского центра» [432].

На протяжении рассматриваемого периода в соответствии с указаниями центральной власти менялся характер предъявляемых обвинений. С начала 1934 г. основными «врагами» были социально-чуждые элементы и «бывшие» люди. После убийства Кирова в течение 1935 г. основной категорией «врагов» на общесоюзном уровне были «зиновьевцы», а на региональном наиболее частые обвинения предъявлялись в саботаже. С 1936 г. намечается «вредительская» линия, которая оформляется окончательно после первого «мос-

[430] ГА АК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 22. Л. 230об.
[431] Одна из «вскрытых» эсеровских организаций якобы действовала в Новосибирске, о чем Ежов докладывал Сталину 1 февраля 1937 г. Подробнее см. текст спецсообщения о ликвидации эсеровского подполья (Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности. С. 61-68).
[432] Папков С.А. Обыкновенный террор. С. 192-194.

ковского процесса». С конца весны 1936 г. «враги» - «троцкисты»[433], а с осени – «троцкисты-шпионы». 13 ноября 1936 г. руководство НКВД СССР разослало на места циркуляр «Об оперативной работе по социалистам-революционерам» за подписью Ежова. Циркуляр сообщал об «активизации подрывной деятельности эсеров» и стал основой для последующего разгрома «эсеровского подполья». С января 1937 г. в ЗСК началось крупное дело в отношении двух деятелей неонародничества – М.С. Цетлина и И.И. Жуковского-Жука. В составленном по окончании следствия обвинительном заключении сообщалось, что «японо-эсеровская, террористическая, диверсионно-шпионская организация» была выявлена и ликвидирована на территории ЗСК в ноябре 1936 г.[434] В своей речи на пленуме Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) начальник управления НКВД по ЗСК С.Н. Миронов объявил, что многие «троцкисты уже разгромлены, но среди «врагов» появилось очень много правых». Среди районов их концентрации упоминались Бийский и Солтонский районы Алтая[435].

В противовес ситуации 1937 г., были и месяцы, в которые количество арестов было минимально. В определенной степени это было связано с динамикой приговоров, которую мы можем проследить на основании данных БД «Мемориала» по Алтаю (см. рис. 4 на след. стр.).

[433] Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. С. 756.
[434] Леонтьев Я.В. Дело «Всесоюзного эсеровского центра» // Политические и социальные аспекты истории сталинизма. Новые факты и интерпретации. С. 119-120. С. 119 - 160.
[435] Фрагмент выступления начальника управления НКВД по ЗСК С.Н. Миронова на пленуме Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) 17 марта 1937 г. в Новосибирске (стенографическая запись) // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. С. 423.

Рис. 4. *Динамика арестов и приговоров на Алтае в период с 1 декабря 1934 по 31 июля 1937 г.*[436]

В динамике приговоров есть закономерность: в период с осени 1935 г. по лето 1936 г. большое количество приговоров выносилось каждые два месяца, то есть пиковые моменты приходились на сентябрь (91 приговор), декабрь (65), март (63) и июнь (60). В декабре в противовес большому количеству приговоренных было арестовано всего 11 человек. Вероятно, такое большое количество оконченных дел именно в декабре связано с нежеланием следователей переносить их на новый год. Согласно статье 116 УПК, следствие не могло проходить более двух месяцев, однако анализ динамики показывает, что следствие, оконченное в декабре по делам 56 из 65 чел. (86,2%), продолжалось от трех до шести месяцев. В сентябре 1935 г. количество человек, следствие по делам которых продолжалось от трех до шести месяцев, составило 62 (67,4%), в марте 1936 г. 47 (74,6%) и в июне 40 (66,7%). Средняя продолжительность следствия составила 161 день в 1935 г., 194 дня – в 1936 г. и 172 дня – в 1937 г. Быстрее всего были завершены дела арестованных в августе 1935 г. – в среднем за 118 дней. Дольше всего приговора ожидали арестованные в январе 1935 г. – в среднем 295 дней. После февральско-мартовского пленума время следствия постепенно стало сокращаться: с 209 дней в среднем в феврале до 122 – в июне 1937 г. После начала Большого

[436] Составлено по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

террора, когда из-за большого потока арестованных дела не рассматривались тщательно, а приговоры определялись заранее, уже в августе время следствия сократилось до 80 дней в среднем, а в сентябре – до 47[437]. Для сравнения в Томской области в 1931-1936 гг. между арестом и вынесением приговора проходило в среднем 144 дня, а в 1937 г. – 37 дней[438].

Малое количество арестов (три человека на Алтае и два – в Ойротской АО) наблюдается в июле 1936 г. Примечательно, что и количество приговоров в этом месяце минимально – всего 11. Очевидно, это связано с тем, что местные органы НКВД были заняты другими делами: летом 1936 г. происходила пересылка ранее заключенных и ссыльных в лагеря Дальстроя [439]. В это время также происходила перестановка в составе краевого УНКВД, связанная с разработкой видного троцкистского деятеля Н. Муралова и старого большевика В. Вегмана, известного сибирского публициста и историка. Прежнее руководство не могло добиться «верных» показаний: по этой причине прежний начальник УНКВД В.А. Каруцкий был заменен на майора ГБ В.М. Курского[440]. В Ойротии, очевидно, летом проходила подготовка к процессу над «контрреволюционной националистической группой».

В июле 1937 г., прошли последние судебные заседания до начала массовых операций Большого террора. Работали первые «тройки», одна из которых заседала 25 июля. По БД «Мемориала» известно, что она приговорила 51 человека. За 30 дней июля на Алтае было арестовано и затем приговорено более 3000 человек, а в Ойротии – более 700 чел. Это в два раза больше, чем за предыдущие 2,5 года. Такой масштаб репрессий больше соответствует периоду Большого террора, который, по мнению некоторых исследователей[441], мог начаться на Алтае чуть раньше других регионов – 28 июля (первоначально установку на эту дату как начало «кулацкой» операции мог дать нарком

[437] Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): сравнительный анализ. С. 174.
[438] Рожнева Ж.А. Указ. соч. С. 341.
[439] Папков С.А. Обыкновенный террор. С. 166.
[440] Там же. С. 169-170.
[441] Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2009. С. 102-103.

внутренних дел Николай Ежов на совещании 16 июля 1937 г. в Москве). Частично такой размах репрессий в июле объясняется проведением «РОВСовской» операции, которая началась в Западно-Сибирском крае с конца июня[442].

Таким образом, из рассмотрения динамики репрессий видно, что, несмотря на меньший масштаб, репрессивные кампании рассматриваемого периода так же, как и в годы Большого террора, имели свою направленность и интенсивность. Они четко следовали установкам центральной власти. Репрессии, проводимые в Ойротии, четко контролировались со стороны Новосибирска. Кампании, проводимые там, носили национальный характер.

Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. обозначил курс на ужесточение репрессивной политики. Решениями пленума были одобрены «мероприятия ЦК ВКП(б) по разгрому антисоветской, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистов и иных двурушников», а также взят курс на реорганизацию аппарата НКВД с целью сделать его «подлинно боевым органом, способным обеспечить возложенные на него партией и советским правительством задачи по обеспечению государственной и общественной безопасности»[443]. Курс на массовые репрессии был окончательно закреплен в приказе №00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов».

[442] Справка начальника УНКВД Западно-Сибирского края С.Н. Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-монархического заговора в Западной Сибири», 17 июня 1937 г. // Трагедия советской деревни. Т. 5, Кн. 1. С. 256.
[443] Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории, 1995, №2. С. 24.

Глава 4. Социальные характеристики репрессированных

В данной главе работы мы обратимся к рассмотрению основных демографических и социальных характеристик репрессированных, проанализированных нами на основе сведений БД «Мемориала». Один из вопросов, стоящий перед нами – выявление схожих и различных черт социального портрета на Алтае (районы, населенные преимущественно русским населением) и в Ойротской АО (национальная автономия). Данные выборки из архивно-следственных дел использовались нами для анализа таких характеристик репрессированных, данные о которых не отразились в Книгах памяти и БД «Мемориала» по Алтаю, а именно: уровень образования, социальное происхождение, служба в армии, По Ойротской АО сведения об образовании содержатся в Книге памяти Республики Алтай, сведениями о партийной принадлежности и социальном происхождении мы не располагаем. Для рассмотрения изменений в социальном портрете репрессированного на Алтае в период с начала 1920-х гг. до Большого террора включительно нами используется монография Г.Д. Ждановой[444], в которой представлен статистический анализ различных волн репрессий (без периода конца 1934 – первой половины 1937 г., не рассмотренном в ее работе).

Обратимся к анализу основных социальных характеристик. В первом параграфе рассматривается половозрастной состав репрессированных Алтая и Ойротской АО.

4.1. Половозрастная структура

Рассмотрим половозрастную структуру репрессированных в период с декабря 1934 по первую половину 1937 г. По сведениям БД «Мемориала», подавляющее большинство репрессированных на Алтае – 1685 человек, или 96,7%, - это мужчины, и только 57 человек, или 3,3% - женщины. Среди женщин на Алтае две основные группы по социальному положению состави-

[444] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг.

ли нетрудящиеся (домохозяйки, ссыльные) и работницы сельского хозяйства (члены колхозов, единоличницы), два наиболее часто встречаемых приговора – высшая мера наказания (ВМН, 23% от всех приговоров женщинам) и прекращение дела (35%). В Ойротской АО было репрессировано 417 мужчин (97,2%) и 10 женщин (2,3%). По социальному положению репрессированные женщины были работницами сельского хозяйства и служащими, 3 и 7 человек соответственно. Они были приговорены к различным срокам заключения и только одно дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Обратимся к анализу возрастного состава репрессированных:

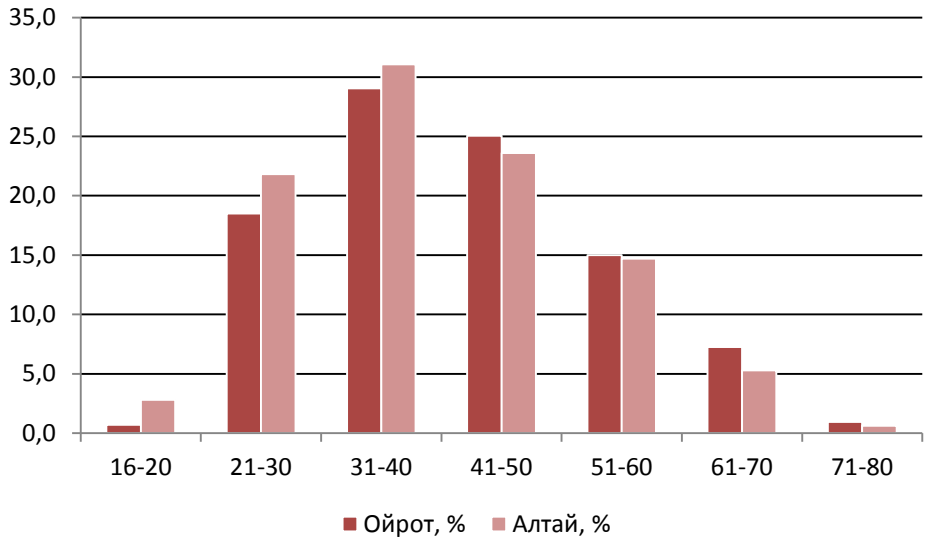


Рис. 5. *Возрастной состав репрессированных Алтая и Ойротской АО в период с 1 декабря 1934 по 30 июня 1937 г.*[445]

Как следует из рисунка 5, наибольшее количество репрессированных в обоих регионах было в возрасте от 31 года до 40 лет. Вместе с возрастными группами от 21 года о 30 лет и группой от 41 года до 50 лет они составляют 76,5% от всех репрессированных на Алтае и 72,6% от всех репрессированных в Ойротии. В Ойротской АО чуть выше, чем на Алтае, доля людей преклонного возраста – в сумме 8,2% от всех репрессированных (на Алтае суммарный процент 5,9). Вероятно, это связано с тем, что часть национальной интеллигенции, которая стала одним из объектов репрессий в Ойротии рас-

[445] Составлено по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

сматриваемого периода, находилась уже в преклонном возрасте. Наоборот, в более развитых районах Алтая выше процент репрессированной молодежи в возрасте от 21 года до 30 лет, а также самых молодых – от 16 до 20 лет (49 чел.).

Сравнение возрастного состава репрессированных с данными переписи 1939 г.[446] (только по ней мы можем узнать численность населения по возрастным категориям для обоих регионов, так как в переписи 1937 г. приводятся данные по единому Западно-Сибирскому краю, в т.ч. Ойротская АО, но нет разделения по численности отдельных возрастных групп) демонстрирует следующие результаты, которые приведены в табл. 2:

Таблица 2. Сравнение численности репрессированных и доли населения по переписи 1939 г. по возрастным группам[447]

Возраст	Алтай, доля репрессированных	Алтай, доля в населении по переписи	Ойротия, доля репрессированных	Ойротия, доля в населении по переписи
20-29	20,4	33,1	15,9	35,8
30-39	30,5	27,5	29,5	12,9
40-49	24,7	15,5	25,5	14,0
50-59	15,7	10,8	14,8	9,9
60 и старше	6,9	13,1	10,1	14,0

Из табл. 2 видно, что в обоих регионах было репрессировано непропорционально много людей в трудоспособном возрасте: от 30 до 49 лет, а также значительное количество людей в возрасте от 50 до 59 лет. При этом молодежь до 29 лет репрессии затронули в меньшей степени, чем была их доля в населении регионов. Несмотря на то, что пожилые люди составили меньшинство среди репрессированных, в Ойротии их процент выше, чем на Алтае, и разница в долях репрессированных больше, чем в долях соответствующей группы в населении: в Ойротии было всего на 0,9% больше пожилых, чем на Алтае, а репрессировано было на 3,2% больше.

[446] Всесоюзная перепись населения 1939 года. 1999. С. 31.

[447] Подсчитано по: БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007. 1 эл. опт. диск (CD-ROM); Всесоюзная перепись населения 1939 года. 1992. С. 29. При подсчетах за 100% принята доля в составе населения людей в возрасте от 20 лет и старше. Не учитывались возрастные группы от младенцев до 19 лет.

Мы отобрали приговоры с наибольшей частотой встречаемости и проанализировали их зависимость от возраста репрессированного. Результаты анализа приведены в следующей таблице (табл. 3):

Таблица 3[448]. Зависимость приговора от возраста репрессированных в процентном соотношении на Алтае и в Ойротской АО (1.12.1934 – 30.06.1937)*

Регион	Возраст	Приговор				
		1-5 лет	6-8 лет	10 лет	ВМН	прекращено
Ойротия	21-30	**43,0**	**17,7**	**17,7**	**16,5**	0,0
Алтай		35,3	15,0	11,6	15,3	**22,9**
Ойротия	31-40	**29,0**	**14,5**	**14,5**	**33,9**	2,4
Алтай		27,7	9,4	14,4	27,9	**18,7**
Ойротия	41-50	**33,6**	**14,0**	14,0	**29,9**	1,9
Алтай		31,6	9,7	**14,1**	22,9	**18,7**
Ойротия	51-60	**32,8**	**7,8**	**21,9**	28,1	0,0
Алтай		24,6	6,6	9,0	**31,3**	**24,2**
Ойротия	61-70	16,1	**12,9**	**29,0**	25,8	3,2
Алтай		**18,5**	7,6	6,5	**45,7**	**20,7**

* В таблице 100% считается по каждой строке. Опущены сведения о приговорах к лагерным срокам более 10 лет и ссылке и графа «нет данных»

Как показывает табл. 3, в двух основных возрастных группах – от 31 года до 40 лет и от 41 года до 50 лет – приговоры распределялись примерно одинаково. Людей в возрасте от 31 до 40 лет немного чаще расстреливали, чем людей в возрасте от 41 года до 50 лет, также их немного реже отправляли в лагеря на срок до пяти лет, чем представителей второй возрастной группы. За счет минимального количества прекращенных дел приговоренные в Ойротии в основном пополняли контингенты ГУЛАГа. На Алтае людей в двух основных возрастных группах реже приговаривали к срокам в 6-8 лет, однако здесь выше процент прекращенных дел – по 18,7%. Согласно табл. 3, в возрастной группе от 21 года до 30 лет приговор к 1-5 годам лагерей выносился наиболее часто – в 43% случаев на Алтае в 35,3% - в Ойротии. Молодые наиболее трудоспособные люди, арестованные в обоих регионах, наиболее часто попадали в систему ГУЛАГа.

[448] Составлено по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

В отношении к старшему поколению в двух регионах выражается разница в репрессивной политике, проводимой в них. На возрастные группы от 51 года до 70 лет на Алтае в сумме приходится почти треть всех вынесенных смертных приговоров. Проценты по конкретным группам здесь также выше, чем в Ойротии: 31,3%, 45,7% и 28,1%, 25,8% соответственно. На 2,3% в Ойротии выше процент приговоров к ВМН в группе от 71 года до 80 лет: 75%. Разница двух регионов состоит в том, что на Алтае при постепенном снижении количества прекращенных дел пожилых людей, малопригодных к физическому труду в лагерях, предпочитали просто ликвидировать или отправлять в лагеря на маленькие сроки. В годы коллективизации стариков также практически не оправляли в лагеря, а либо расстреливали, либо отправляли в ссылку. В силу состояния здоровья дело могло быть прекращено[449]. В годы Большого террора действовало устное указание Ежова расстреливать стариков, если они могли «держаться на ногах»[450]. В Ойротии, несмотря на расстрелы, пожилых людей все же чаще приговаривали к длительным срокам заключения. Распределению приговоров между этими двумя мерами наказания способствовало и почти полное отсутствие прекращенных дел. На Алтае за весь рассматриваемый период было прекращено по разным причинам (недоказанность обвинения, отсутствие состава преступления, смерть арестованного во время следствия) 357 дел, что составляет 20,5% от всех вынесенных приговоров. Вероятно, дела в Ойротии прекращались редко потому, что в там вследствие преобладания среди арестованных неграмотного крестьянства (95% от всех арестованных там в годы сталинских репрессий составляли крестьяне)[451] фабриковать дела было проще. Наибольший процент прекращенных дел по возрастным группам в Ойротии у людей в возрасте от 61 года до 70 лет (3,2% от приговоров по соответствующей группе).

[449] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 120.
[450] Петров Н., Янсен М. Сталинский питомец – Николай Ежов. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. С. 101.
[451] Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Т.3. С. 11.

Отметим, что в двух самых старших из рассматриваемых возрастных групп на Алтае среди приговоренных к расстрелу представители «классово-чуждых элементов» (деклассированные, служители культа, единоличники) составили 48%. Остальные – представители трех крупных общественных групп, среди которых рабочие составили большинство (15 чел., 22% из всех расстрелянных). В Ойротской АО среди расстрелянных было 40% «социально-чуждых» и 30% рабочих.

Насколько отличалось распределение репрессированных по возрастным группам в рассматриваемый период от других периодов репрессий? В 1919-1927 г. на Алтае наиболее многочисленной группой осужденных были люди в возрасте от 21 года до 30 лет. При том, что, по мнению Г.Д. Ждановой, в этот период возраст обвиняемых еще не играл заметной роли и если влиял на приговор, то только в сторону смягчения, к расстрелу были приговорены 27% от всех в указанной возрастной группе. Второй по численности группой репрессированных стали люди в возрасте от 31 года до 40 лет[452]. В 1928-1933 гг. распределение по возрастным группам примерно совпадает с наблюдаемым в рассматриваемый нами период: наиболее многочисленная группа – от 31года до 40 лет, следующая – от 41 года до 50 лет, в ней чуть выше, чем в первой, процент расстрельных приговоров[453]. В годы Большого террора сохраняется такая же тенденция[454], при этом при рассмотрении распределения приговоров в зависимости от возрастных групп осужденных по приказу 00447 явно выделяется зависимость – с увеличением возрастной категории увеличивалось количество смертных приговоров[455]. В Кемеровской области (рассматривались данные за 1930-1950-е гг.) репрессированные в возрасте от 31 года до 40 лет также составили большинство[456]. Л.И. Гвоздикова провела статистический анализ выборки по репрессированным в Западно-Сибирском

[452] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 69.
[453] Там же. С. 122.
[454] Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): сравнительный анализ… С. 202-203.
[455] Жданова. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 167.
[456] Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области. Т. 2. С. 11.

крае, который также показал преобладание среди репрессированных людей указанной возрастной группы[457]. Эти данные расходятся со статистикой по Томской области, приведенной В.Н. Уймановым: по его данным, в области репрессированные в возрасте от 41 года до 50 лет составили 27,8%, а в возрасте от 31 года до 40 лет – 22,6%[458] от общего числа репрессированных. Схожие данные есть и по Красноярскому краю: там в двух указанных возрастных группах было репрессировано 27,4% и 25,3% соответственно[459]. В Ойротии рассматриваемый нами период можно считать выпадающей точкой (мы не имеем возможности сравнить ее с другими периодами, потому что не располагаем соответствующими данными), поскольку за все сталинские годы в возрастной группе от 31 года до 40 лет там было репрессировано больше людей, чем в более старшей группе (25,8% и 21,8% соответственно). При небольшой региональной диспропорции мы полагаем, что все же и Алтай, и Ойротию можно считать типичными регионами по возрастному распределению репрессированных для Западно-Сибирского края.

4.2. Национальная принадлежность

Рассмотрим национальную принадлежность репрессированных. Отметим, что этот признак был решающим при аресте в рамках «национальных операций» Большого террора. Население Алтая значительно пострадало в ходе этих операций – по национальным «линям» было репрессировано 6241 чел., из них 70% приговорено к расстрелу[460].

В период с конца 1934 по первую половину 1937 г. на Алтае были репрессированы представители 28 разных национальностей, в Ойротской АО – 18 национальностей. В число наиболее часто встречающихся на Алтае вошли русские (1211 чел., 69,6% от всех репрессированных, по переписи 1937 г.

[457] Гвоздикова Л.И. Указ. соч. С. 221. Механизм составления выборки не понятен, невозможно утверждать, является ли она репрезентативной.
[458] Уйманов В.Н. Репрессии… Как это было. С. 49.
[459] Макаров А.А. Указ. соч. С. 58.
[460] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 180.

84% от всего населения Алтая в 1937 г. [461]), украинцы (136 чел., 7,8% от всех репрессированных, 8,2% по переписи[462]) и немцы (120 чел., 6,9% от всех репрессированных, 1,3% по переписи 1939 г.[463]). В Ойротской АО больше всего было репрессировано русских (179 чел., 41,7% от всех репрессированных, 70,4% по переписи 1939 г.[464]) и алтайцев[465] (211 чел., 48,1% от всех репрессированных, 24,2% от населения Ойротской АО в 1939 г.[466]). Рассмотрим по регионам зависимости приговора от национальности по национальным группам:

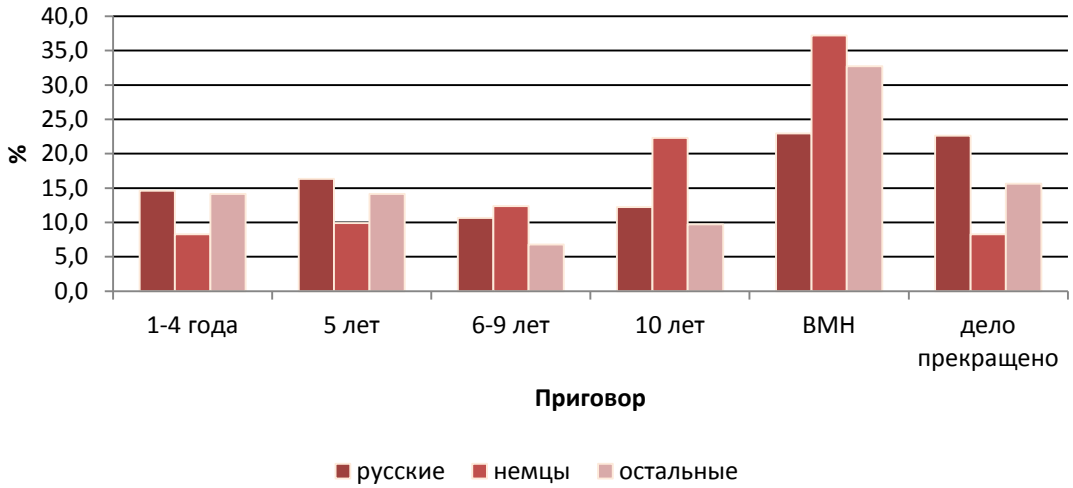


Рис. 6. *Зависимость приговора от национальности репрессированных в процентном соотношении на Алтае в период с 1 декабря 1934 по 30 июня 1937 г.*[467]

Как показывает рис. 6, несмотря на то, что русские являлись доминирующей национальной группой в населении Алтая и в количественном отношении значительно пострадали от репрессий, именно их дела относительно

[461] Всесоюзная перепись населения 1937 года. С. 90.
[462] Там же.
[463] Всесоюзная перепись населения 1939 года. 1992. С. 59.
[464] Там же.
[465] Самоназвание – ойроты, взято группой тюркоязычных племенных и территориальных образований в районе Горного Алтая. Подразделяются на две неравные по численности группы, заметно отличающиеся в языковом отношении. Нас интересует южная группа, в которую входили алтайцы и теленгиты, часть телеутов (основная часть телеутов, расселенная в Кемеровской обл., не приняла участия в формировании нового этноса) // Всесоюзная перепись населения 1939 года. 1992. С. 247.
[466] Там же. С. 59.
[467] Составлено по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

чаще прекращали за недоказанностью обвинения - в 22,6% процентах случаев. Украинцы были второй по численности национальной группой в населении Алтая. Проценты различных приговоров, вынесенных украинцам, соотносимы с приговорами, вынесенных русским: их чуть реже приговаривали к 6-9 годам лагерей (8,1%) и немного чаще, чем русских, к 10 годам ИТЛ и расстрелу (13,2% и 25% у украинцев соответственно, 12,2% и 23% у русских).

Наиболее жесткая репрессивная политика проводилась по отношению к немецкому населению. Здесь видна строгая зависимость: количество приговоренных увеличивалось с ростом жесткости приговора. Немцы чаще, чем другие национальности, получал приговор к 10 годам ИТЛ или расстрелу (22,3% и 37,2% соответственно) В годы Большого террора по «немецкой» операции эти цифры составляли 22,9% и 74,7% соответственно[468]. В рассматриваемый период дела на немцев прекращались довольно редко – в 8,3% случаев. Среди всего населения Алтая по переписи 1939 г. (более ранними данными мы не располагаем) немцев было 33203 чел. (1,3%)[469]. Перепись была проведена после Большого террора, когда на Алтае, по данным историографии, с 16 ноября 1937 г. по 13 ноября 1938 г. было репрессировано 3239 немцев.[470]. Очевидно, до начала массовых операций 1937-1938 гг. доля немцев, проживающих на Алтае, была чуть выше, однако можно утверждать, что даже в годы, предшествующие Большому террору, немцев было репрессировано непропорционально много.

Репрессии в значительной степени коснулись Немецкого национального района. «Чистки» в нем начались с осени 1934 г. с арестов подозреваемых в получении «гитлеровской помощи» из Германии и тех, кто, по мнению руководства района, укрывал хлеб и срывал план хлебопоставок[471]. В октябре 1934 г. было раскручено дело «тридцати трех» - о «вскрытой и ликвидиро-

[468] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 180.
[469] Всесоюзная перепись населения 1939 года. 1992. С. 59.
[470] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 180.
[471] Фаст А.А. В сетях ОГПУ-НКВД (Немецкий район Алтайского края в 1927-1938 гг.). Барнаул, 2002. С. 128, 132.

ванной кулацкой группе вредителей в колхозе «Рот Фронт», в которую в частности, «входил» даже секретарь районного комитета ВКП (б) И. Вильгаук[472]. 3 октября 1934 г. было получено разрешение применять ВМН к саботажникам без санкции начальника НКВД, краевого прокурора и краевого судьи, 3 ноября это право санкцией Сталина было продлено до 15 ноября. Общее число осужденных за чуть более месяца составило 919 чел., из них 240 – к расстрелу[473]. 5 ноября было принято постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с контрреволюционным фашистским элементом в немецких колониях». Согласно нему, нужно было «принять меры по отношению к активным контрреволюционно и антисоветски настроенным элементам репрессивные меры… злостных руководителей приговорить к расстрелу», а также ликвидировать получение немцами посылок и денег из Германии[474].

В мае 1935 г. Секретно-политический отдел направил на места циркуляр «О немецкой фашистской организации в СССР». Основные обвинения выдвигались против представителей интеллигенции. В ходе следствия реализовывалась классическая схема привлечения обвиняемых к ответственности: использовались «связи» организации с сотрудниками германских консульств, которые интерпретировались как шпионская деятельность[475]. Вероятно, раскручивание дела «Арийцы» повлияло и на политику по отношению к немцам на Алтае. С мая 1935 г. по октябрь 1936 г. по всей территории Алтая было репрессировано 15 немцев, а в ноябре – 25. Аресты производились в Немецком и в соседних с ним районах - Табунском, Знаменском, Благовещенском, Хабарском. Среди арестованных было девять служащих и по семь рабочих и колхозников. В поселке Красный Дол Немецкого района 14 ноября 1936 г. по обвинению в «участии в контрреволюционной фашистско-националистической группе» были арестованы Б. Тярт и А. Тейхриб. «Главой» группы был назван учитель Краснодольской школы М. Пиус. Тейхриб

[472] Фаст А.А. Указ.соч. С. 142.
[473] Белковец Л.П. Указ. соч. С. 172-174.
[474] Там же. С. 178.
[475] Хаустов В.Н. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. С. 77 - 78.

единственный не признал свою вину – вероятно, это повлияло на вынесенный приговор, на год меньше, чем у других фигурантов дела (три года лагерей)[476]. Нами не было найдено документов, объясняющих всплеск репрессивной активности по отношению к немцам в ноябре 1936 г. После обсуждения итогов февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) в районных управлениях НКВД динамика репрессий представителей немецкого населения совпадает с общекраевой – количество жертв по мере приближения к Большому террору постоянно увеличивалось.

Как показывает рис. 6, в рассматриваемый период 32,7% представителей «инонациональностей» были приговорены к расстрелу и 28,4% в сумме – к ИТЛ на срок до пяти лет включительно. К 6-10 годам их приговаривали реже – в сумме в 16,4% случаев. Можно говорить о «национальной» направленности репрессий, при этом отношение к немцам было немного жестче, чем к представителям других национальностей.

В первой половине 1937 г. была репрессирована большая часть белорусов (60%) и поляков (62%) по отношению к общему количеству репрессированных этих национальностей в рассматриваемый период. Суммарный показатель репрессий против немцев и украинцев (80% от репрессированных с декабря 1934 г. по июнь 1937 г.) также превышает долю репрессированных русских (40%). Это свидетельствует о том, что с начала 1937 г. наметился переход к репрессиям по «национальным» линиям.

Обратимся к рассмотрению национального состава репрессированных в Ойротской АО (рис. 7 на след. стр.):

[476] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 13159. Л. 4, 11, 18, 22, 26, 257.

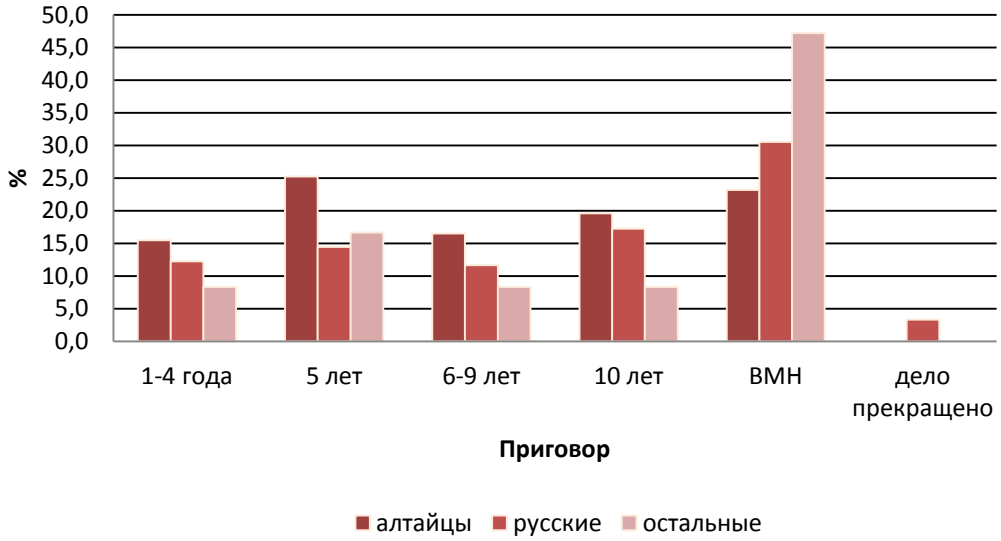


Рис. 7. *Зависимость приговора от национальности репрессированных в процентном соотношении в Ойротской АО в период с 1 декабря 1934 по 30 июня 1937 г.*[477]

Из рис. 7 видно, что в Ойротии выделить четкую зависимость, подобную наблюдаемой у немцев на Алтае, сложнее. Русских в Ойротской АО можно считать «инонациональностью» как некоренное население. В 30,6% случаев их приговаривали к ВМН и в 17,2% - к 10 годам лагерей. Еще более жесткой была политика по отношению к другим представителям «инонациональностей» (белорусам, казахам, корейцам и т.д.) – почти в половине случаев они были приговорены к расстрелу.

Коренное население Ойротии – алтайцы – пострадало от репрессий в значительной степени: по сравнению с данными о численности алтайцев по переписи населения 1939 г., в рассматриваемый период доля их было репрессировано вдвое больше, чем представлено в населении региона. Их чаще, чем представителей других национальностей, отправляли в исправительно-трудовые лагеря: суммарно в 41% случаев на срок до 5 лет и в 36,1% - на срок до 10 лет. В Чойском аймаке с преимущественно русским населением доля репрессированных алтайцев была выше (77% от всех репрессирован-

[477] Составлено по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

ных), а в преимущественно алтайском Усть-Канском аймаке наоборот, - была выше доля репрессированных русских (74%).

Национальная политика большевиков по отношению к коренным народам Сибири проводилась по четырем основным направлениям: трансформация социальной структуры населения, ликвидация «фактического» неравенства, идеологическое воспитание населения, создание стандартизированной системы управления[478]. Главная газета Ойротии – «Красная Ойротия» - уделяла проведению национальной политики немало внимания. По сообщениям ойротских газет, в Чойском аймаке орудовали «контрреволюционные националисты», которые якобы ущемляли права русских в угоду алтайцам[479]. При этом газеты также призывали к четкому проведению национальной политики, которая, среди прочего, заключалась в выдвижении на советскую и хозяйственную работу алтайских национальных кадров[480]. По мнению Д. Ширера, казахи и алтайцы были наиболее подвержены антисоветским тенденциям и считались потенциальными сторонниками японского вторжения, однако также власти обычно подозревали сельское население, большинство из которого являлось русскими[481].

Таким образом, репрессивная политика по отношению к «инонациональностям» в обоих регионах была наиболее жесткой. В группе «прочих» национальностей (корейцы, казахи, грузины, мордва и т.д.) 33% на Алтае (111 из 339 чел. в группе «прочие» без категории «нет сведений») и 49% в Ойротии (18 из 37 чел.) были приговорены к расстрелу. Доля «прочих» (без казахов, украинцев и мордвы) по переписи 1939 г. на Алтае составляла 1,3%, среди репрессированных они составили 10,4%. В Ойротии эти проценты составляют 2,7%[482] (без казахов) и 6,6% соответственно. Г.Д. Жданова в своей работе отмечала, что до Большого террора «национальный» аспект в репрес-

[478] Шадт А.А. Сталинская национальная политика в Сибири (1930-1950-е гг.) // Политические и социальные аспекты сталинизма. Новые факты и интерпретации. С. 225.
[479] См. прим.: Красная Ойротия. 24 марта 1936 г. №40 (1548). С. 2.
[480] Красная Ойротия. 12 мая 1936 г. №68 (1576). С. 3.
[481] Shearer D. Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier. P. 198.
[482] Всесоюзная перепись населения 1939 года. 1992. С. 59.

сиях не влиял на вынесение приговора[483]. В.Н. Уйманов также писал, что до начала Большого террора национальная принадлежность репрессированных практически не учитывалась[484]. С.А. Папков указывал, что в начале 1930-х гг. национальные аспекты, в отличие от социально-политических, не играли самостоятельной роли при проведении операций в национальных районах (кроме столкновения с советскими немцами)[485]. Проведенный нами анализ и значительная доля представителей «инонациональностей», приговоренных к расстрелу, (при количественном доминировании в структуре населения русских, так как вся Западная Сибирь была преимущественно русская) указывает на то, что в рассматриваемый период национальность еще не являлась одной из главных причина ареста (как, например, в рамках «национальных» операций), но в значительной степени влияла на выносимый приговор. Выявленная зависимость количества приговоров от степени их жесткости у немцев показывает, что террор среди них проводился как четко спланированная акция, в которой национальный аспект был определяющим.

4.3. Профессиональная и социальная структура

Среди социальных характеристик репрессированных принадлежность к определенной общественной группе (социальное положение) является одной из основных, так как именно этот фактор зачастую учитывался при аресте. В «Книгах памяти» нет прямого указания на социальное положение человека. Определить его возможно по другому имеющемуся показателю – роду занятий. Его вариативность достаточно широка, и основная проблема при реконструкции социального портрета в этом аспекте состоит в использовании релевантной классификации занятий.

В литературе есть несколько примеров различных классификаций занятий репрессированных. В сопроводительных материалах к Книгам памяти Алтайского края приводится следующая классификация: члены колхозов, в

[483] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 123.
[484] Уйманов В.Н. Национальный состав репрессированных на территории Западной Сибири в 1931-1941 гг. С. 105.
[485] Папков С.А. Обыкновенный террор. С. 149.

том числе председатели колхозов; работники совхозов, в том числе директора совхозов; работники МТС, в том числе директора МТС; работники лесного хозяйства, работники железных дорог, работники заготовительных организаций, работники народного образования, работники здравоохранения, церковнослужители, без определённых занятий[486]. На наш взгляд, такая классификация в большей степени отражает не общественную, а хозяйственную структуру, следовательно, требует уточнения. В общей статистике репрессий в Республике Алтай составители Книг памяти предлагают более простую классификацию населения по общественным группам: рабочие, крестьяне, служащие, служители культа[487]. Значительным недостатком такого деления социальной структуры является отсутствие группы «нетрудящиеся» или «без определённых занятий». Расширенная классификация представлена в работе В.Н. Уйманова[488]. Он выделяет группы крестьян, служащих, рабочих, лиц без определенных занятий, учащихся, военнослужащих, заключенных и служителей культа. Несмотря на то, что сам автор отмечает недостаток такой классификации в необходимости выделения в ней дополнительных категорий служащих[489], при определенном уточнении указанных групп (например, выделении единоличников из числа крестьян в отдельную подгруппу) с учётом региональной специфики структуры занятости репрессированных, данная классификация в общем виде является наиболее подходящей для отражения распределения населения по социальным группам.

Составители Книги памяти Кемеровской области предлагают следующее разделение по социальным группам (вероятно, ориентируясь на формулировки, присутствующие в следственных делах): рабочие (вместе с сельскохозяйственными рабочими), колхозное строительство, крестьяне-единоличники, интеллигенция и служащие, служители религиозного культа,

[486] Аналитические данные // Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. 1937. Том III, часть II. Барнаул, 2001. С. 430-431.
[487] Книга памяти жертв политических репрессий. Том 2 / сост. Чепкин П.И. и др. Республика Алтай: книжное издательство «Юч-Сюмер», 1998. С. 11-12.
[488] Уйманов В.Н. Репрессии… Как это было.
[489] Там же. С. 47.

домохозяйки, студенты и учащиеся, военнослужащие, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью, пенсионеры (инвалиды, иждивенцы), без определенных занятий, заключенные, спецпоселенцы[490]. Такая классификация представляется проработанной и подробной, однако остается вопрос, правомерно ли относить рабочих, занятых в колхозном строительстве, именно к группе рабочих (к примеру, позиция «плотник в колхозе» - рабочими занятиями в колхозах занимались их члены, кроме того, они относятся к отрасли «сельское хозяйство»). Не ясен состав группы «занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью». Материалы БД «Мемориала» также не позволяют выделить отдельную группу «спецпоселенцы». Они не относились к спецконтингенту и могут быть распределены по общественным группам в соответствии с профилем занятости в период нахождения на спецпоселении.

В своей монографии по истории репрессий на Алтае в 1920-1930-х гг. Г.Д. Жданова использует различные классификации занятий, очевидно, ориентируясь на материалы следственных дел. В основном выделенные ей социальные группы для анализа разных периодов репрессий идентичны. Например, среди служащих она выделяет служащих госучреждений, работников образования, руководителей, работников здравоохранения, партийных работников[491]. Остается неясным, почему из всех возможных категорий служащих выбраны именно эти. Такая классификация при первом знакомстве с ней представляется неполной, так как остается неясным, насколько целостно она отражает социальную структуру репрессий конкретно взятого периода.

Разработкой классификации занятий репрессированных занималась Л.А. Лягушкина, исследующая социальный портрет репрессированных в годы Большого террора в различных регионах РСФСР, в том числе и в Алтайском крае. Её классификация основана на источниках того времени (алфавитный словарь занятий, разработанный для переписи 1939 г., списки состава руководящих работников и специалистов СССР) и материалах переписей

[490] Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области. Том 2. С. 15.
[491] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 193-194.

населения 1937 и 1939 г. Ею выделено 11 общественных групп, причем самая большая – служащие – имеет достаточно сложное дробление на подгруппы: служащие в административных органах управления разных уровней (с делением на областной и районный уровень), руководители промышленных предприятий, руководители сельскохозяйственных предприятий, руководители транспортных предприятий, руководители предприятий в сфере услуг и торговли, руководители прочих госпредприятий (управленцы в госучреждениях), партработники, работники промышленности и транспорта, рядовые работники различных учреждений, работники культуры, искусства, просвещения, науки, специалисты в разных отраслях хозяйства[492]. Данная классификация является хорошо проработанной, учитывающей все уровни управления, однако для анализа периода, предшествующего Большому террору, она представляется слишком дробной: так как в рассматриваемый период было репрессировано значительно меньше человек, анализ структуры занятости по предложенной классификации не позволил бы выявить общих тенденций.

В составе упомянутых подгрупп служащих Л.А. Лягушкина выделяет 55 различных категорий (к примеру, «директора отделений транспортных предприятий», «высший технический персонал» в подгруппе «работники промышленности и транспорта»), которые при распределении по ним занятий репрессированных с декабря 1934 г. по июль 1937 г. насчитывают не более 1-2 человек или не используются совсем (к примеру, категории служащих областного или общесоюзного уровня, «руководители коммунальных предприятий», «партработники»). При анализе такие единичные случаи не имеют содержательного значения, следовательно, такие категории должны быть укрупнены. В предлагаемой нами классификации занятия служащих руководящего звена были объединены в три подгруппы, прочие занятия служащих классифицированы в соответствии с укрупненными категориями переписи

[492] Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): сравнительный анализ… С. 325-328.

1939 г. по отраслям занятий, о чем подробнее будет сказано далее. При разработке классификатора также учитывалась региональная специфика (преобладание аграрного сектора). Тем не менее, классификация занятий, предложенная Л.А. Лягушкиной, является хорошей основой для рассмотрения профессиональной структуры советского общества во второй половине 1930 – х гг. в целом.

В основу подхода к созданию нашей классификации лёг список занятий населения, сформированный составителями итоговых материалов переписи населения 1939 г. Список занятий населения СССР, представленный в них, является более конкретизированным, чем в материалах переписи 1937 г. Процесс разработки классификатора подробно изложен в третьем параграфе главы 1, здесь кратко опишем этапы работы.

На первом этапе работы все упомянутые в «Книгах памяти» занятия репрессированных были разделены по двум спискам согласно предложенным в переписи принципам деления населения: по отраслям народного хозяйства и по общественным группам. Было также произведено разделение служащих по отраслям занятий. На втором этапе работы список общественных групп был дополнен для более точного отражения общественной структуры. В частности, предложенная в переписи группа рабочих оставлена без изменений; численность колхозников и крестьян – единоличников подсчитана раздельно, однако сами категории вошли в состав единой группы «сельскохозяйственные занятия» под названиями «занятия в колхозе» и «единоличники». На третьем этапе работы было произведено деление всех учтенных занятий репрессированных на основе собственного классификатора (см. Приложение 7).

Распределение репрессированных по общественным группам на Алтае и в Ойротской АО в рассматриваемый период представлено в табл. 4:

Таблица 4. Распределение занятий репрессированных Алтая и Ойротской АО по общественным группам[493]

Общественная группа	Алтай		Ойротская АО	
	Человек	% от всех репрессированных	Человек	% от всех репрессированных
Занятые в сельском хозяйстве	591	33,9	231	54,3
Рабочие	401	23,0	48	11,2
Служащие	521	29,9	138	32,4
Военнослужащие	66	3,7	0	0,0
Служители культа	44	2,5	2	0,4
Прочие (нетрудящиеся)	117	6,7	6	1,4
Всего	1740	100	425	100

В табл. 4 распределение занятий репрессированных указано по укрупненным группам: в состав группы «сельскохозяйственные занятия» были включены репрессированные, занятые в колхозе, единоличники, а также указанные как «крестьянин» (один случай по Алтаю и пять – в Ойротской АО), для которого точно указать общественную группу не представляется возможным, так как он мог быть и колхозником, и единоличником. Вместе с группой «рабочие» указана численность кооперированных и некооперированных кустарей (численность только рабочих на Алтае 380 человек, в Ойротской АО – 45 человек). В группу «нетрудящихся» отнесены упомянутые выше пенсионеры, инвалиды, домохозяйки и учащиеся, а также деклассированные элементы.

Распределение по основным общественным группам в общем отражает структуру занятости. Наибольшее количество человек в обоих регионах было занято в сельском хозяйстве, эта же группа составляет наибольший процент репрессированных (34% на Алтае и 54,4% в Ойротской АО). Это объясняется также и преимущественно аграрным характером регионов, в особенности Ойротии: в 1935 г. там активно проводились мероприятия по переводу населения с кочевого на оседлый образ жизни. По данным статистики, количество промышленных предприятий на весь регион в 1936 г. составило 12: восемь в Ойрот-Турском (ныне – Майминском) районе и по два в Онгудайском

[493] Составлено по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007).

и Эликманарском (ныне – Чемальском) районах[494]. Зачаточным состоянием промышленности объясняется и относительно небольшая доля репрессированных в Ойротии рабочих (11,3%). В обоих регионах высок процент репрессированных служащих – 30% на Алтае и 32,5% в Ойротской АО.

Кратко остановимся на структуре занятости населения по отраслям народного хозяйства:

Таблица 5. Распределение занятий репрессированных Алтая и Ойротской АО по отраслям народного хозяйства[495]

Отрасль народного хозяйства	Алтай		Ойротская АО	
	Человек	% от всех репрессированных	Человек	% от всех репрессированных
Сельское хозяйство	767	44,0	257	60,4
Нераспределенные по отраслям народного хозяйства	308	17,7	16	3,7
Промышленность	241	13,7	35	8,2
Транспорт и связь	117	6,7	7	1,6
Торговля, заготовки и общественное питание	86	4,9	16	3,7
Государственные учреждения, партийные и общественные организации	77	4,4	48	11,2
Просвещение, наука, искусство, печать	67	3,8	27	6,3
Строительство	40	2,3	7	1,6
Лесное хозяйство	24	1,3	5	1,1
Здравоохранение	12	0,6	5	1,1
Жилищное и коммунальное хозяйство	2	0,1	2	0,4
Всего	1740	100	425	100

Таблица 5 наглядно демонстрирует превалирующую роль сельского хозяйства в специализации рассматриваемых регионов. Высокий процент нераспределённых по отраслям народного хозяйства на Алтае объясняется вхождением в это число (308 человек) общественных групп военнослужащих, служителей культа и нетрудящихся (в сумме 227 человек), а также присутствием в БД «Мемориала» занятий населения без указания конкретного места работы (к примеру, «рабочий», «бухгалтер», «счетовод»). На Алтае от-

[494] Западно-Сибирский край в цифрах 1936 г. С. 147-149.

[495] Составлено по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007); Всесоюзная перепись населения 1939 года. 1992. С. 104-111.

носительно высок процент занятых в промышленности и сфере транспорта и связи (13,8% репрессированных и 6,7% соответственно), что объясняется репрессивными кампаниями на промышленных предприятиях, а также на Томской железной дороге, которые активно начались с осени 1936 г. В Ойротской АО после занятых в сельском хозяйстве в наибольшей степени от репрессий пострадали работники государственных и общественных учреждений (11,3% от всех репрессированных) и рабочие в промышленности (8,2%), что показательно для области с невысоким уровнем промышленного развития. Высокий уровень репрессий работников государственных учреждений, вероятно, связан с «чисткой» партии – многие исключенные из нее впоследствии становились фигурантами различных дел по «контрреволюционным группам».

Перейдём к рассмотрению структуры занятости репрессированных на основе созданной нами классификации:

Таблица 6. Распределение занятий репрессированных Алтая и Ойротской АО по общественным группам и категориям занятий[496]

Общественная группа	Категория	Алтай		Ойротская АО	
		Человек	% от группы	Человек	% от группы
Сельскохозяйственные занятия	Занятия в колхозе	427	72,2	157	67,9
	Единоличники	163	27,5	69	29,8
Рабочие	Рабочие	380	100	45	100
Служащие	Технический персонал	93	17,6	15	10,8
	Работники учета	90	17,3	23	16,6
	Средний руководящий персонал	86	16,5	22	15,9
	Руководящий персонал	65	12,5	25	18,1
	Культурно-политико-просветительский персонал	46	8,8	17	12,3
	Работники торговли, заготовок и складского хозяйства	41	7,8	3	2,1
	Прочие занятия служащих	31	5,9	8	5,7
	Планово-контрольный персонал	28	5,3	8	5,7
	Прочий руководящий персонал	8	1,4	0	0,0
	Делопроизводственный персонал	7	1,3	6	4,3
	Работники охраны безопасности	7	1,3	1	0,7
	Медицинские работники	6	1,1	2	1,4
	Работники связи	2	0,3	0	0,0
	Юридический персонал	2	0,3	4	2,8

[496] Составлено по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007); Всесоюзная перепись населения 1939 года. 1992. С. 104-111.

	Работники искусства	1	0,1	3	2,1
Прочие (неработающие)	Деклассированные элементы	76	64,9	1	16,6
	Нетрудящиеся	41	35,0	5	83,3
Военнослужащие	Военнослужащие	66	100	0	0,0
Служители культа	Служители культа	44	100	2	100
Кустари	Кустари	22	100	3	100
Нет данных	Нет данных	9	100	6	100

Таблица 6 показывает распределение занятий репрессированных по категориям, находящимся в рамках определённых общественных групп. И на Алтае, и в Ойротской АО в наибольшей степени пострадавшей от репрессий в количественном отношении группой населения являлись занятые в сельском хозяйстве. Самой часто встречаемой позицией здесь является «колхозник» (344 чел. на Алтае и 139 – в Ойротской АО); кроме того, в число занятий репрессированных с наиболее высокой частой встречаемости на Алтае входит позиция «бригадир (колхоза, фермы)» (26 человек, 6,07% от подкатегории «Занятия в колхозе»). В годы Большого террора бригадиры также часто становились жертвами репрессий (7% из всех репрессированных в рамках «кулацкой» операции на Алтае). На них доносили как рядовые колхозники (для которых они являлись начальниками), так и председатели колхозов, с которыми нередко случались конфликты на бытовой почве[497]. В составе категории рабочих (здесь и далее при подсчёте процентных соотношений рабочие учитывались вместе с численностью кустарей – см. табл. 4) значительную часть составляют рабочие без указания конкретной специальности – 26,36% на Алтае и 41,67% в Ойротской АО. Сюда входят наименование «рабочий» и рабочий на определённом предприятии. Помимо не указавших специальность, на Алтае в наибольшей степени среди рабочих профессий репрессии затронули машинистов (по переписи категория «занятия рабочих на железнодорожном транспорте», 21 человек, 5,22% от всех рабочих) и плотников (категория «занятия в строительстве», 15 человек, 3,7%), в Ойротской АО – слесарей («занятия металлистов», 5 человек, 10,4%).

[497] Разгон В.Н. «Социальные и экономические факторы «Большого террора» 1937-1938 гг. С. 259.

Наиболее сложной и многоступенчатой общественной группой является группа «служащие». В списке занятий населения по переписи 1939 г. она имеет 13 категорий, самой крупной из которых является категория «руководители партийных организаций, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий». На наш взгляд, эта категория является слишком общей для отражения структуры занятости репрессированных служащих: так, к примеру, присутствующие в БД «Мемориала» занятия репрессированных «секретарь райкома ВКП(б)», «директор завода», «начальник отдела», «главный инженер завода», «профсоюзный работник» невозможно внести в одну категорию, так как в этом случае не видна иерархия служащих. Особенно ярко наличие подчиненных связей, для отражения которых не подходит единая по переписи группа руководящего персонала, иллюстрирует присутствие в списке занятий репрессированных таких позиций, как «заместитель»: конечное решение всегда принадлежало руководителю, следовательно, степень полномочий заместителей не позволяет отнести их непосредственно к руководящему звену. В годы, предшествующие Большому террору, ещё не наблюдалось тенденции к массовым репрессиям высокопоставленных руководящих кадров: до лета 1937 г. это являлось скорее исключением, чем правилом. Репрессии на промышленных предприятиях, которые начались с осени 1936 г.[498] после объявления на союзном уровне о начале борьбы с вредительством и «троцкизмом» на производстве[499], затронули в основном средний руководящий персонал: начальников, заведующих, их заместителей, а также рядовых рабочих. В связи с этим в разработанной нами классификации занятий репрессированных категория переписи «руководители партийных организаций…» была разделена на три части для демонстрации служебной иерархии (см. Приложение 7).

[498] Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 94.
[499] Постановление ЦК ВКП(б) №П43/305 от 29 сентября 1936 г. // Реабилитация. Политические процессы 30 - 50-х годов. - М.: Политиздат, 1991. - С. 221 [Электронный ресурс] – URL: http://www.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/2.html (дата обращения: 23.09.2017).

Доля репрессированных служащих в Ойротской АО была выше, чем на Алтае (32,4% и 29,9% соответственно - см. табл. 4). Такая же ситуация наблюдается при рассмотрении подкатегории «Руководящий персонал» (см. табл. 6). С.А. Папков даёт следующее объяснение репрессиям среди служащих в Ойротии. После того, как на XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 г. Сталин объявил о «наступлении на пережитки капитализма в области национального вопроса», начались поиски «уклонистов», преимущественно в национально-территориальных и исторических областях, в число которых в Сибири входили Ойротия, Хакасия и Горная Шория. В январе-феврале 1934 г. там был раскрыт центр «заговорщиков» из национальных кадров, включая высокопоставленных коммунистов. Из официальных материалов невозможно установить, в чем конкретно обвиняли национальную интеллигенцию. В закрытых письмах их обвиняли в подготовке восстания, уничтожения колхозного имущества и разжигании шовинизма. Истинные мотивы репрессий в среде интеллигенции С.А. Папков предлагает искать в характере социального развития национальных районов и в особенностях формирования национального самосознания местной интеллигенции, которая, формируясь непосредственно в 1930-е гг., усваивая советские ценности на основе старых, «досталинских» принципов, не могла избавиться от стремления подчёркивать перед центральной властью национальные, хозяйственные и культурно-бытовые традиции своего народа[500]. А.А. Шадт отмечает, что «традиционная» национальная политика, направленная на ликвидацию национальной элиты, в Сибири оказалась неэффективной: у коренных народов Сибири отсутствовала классовая структура общества, следовательно, не было и эксплуатации и угнетения, от которых требовала избавить общество марксистская теория. Социальные группы, существовавшие в Сибири, отличались достаточной устойчивостью[501].

[500] Папков С.А. Обыкновенный террор. С. 154-158.
[501] Шадт А.А. Указ. соч. С. 226.

Наиболее многочисленными должностными позициями среди репрессированных служащих руководящего звена в Ойротской АО стали позиции «председатель (колхоза, ревкома, аймакисполкома)» (8 человек, 32% от численности подкатегории), «директор (совхоза, МТС, школы)» (7 человек, 28%). Интересен национальный состав указанных репрессированных: пять алтайцев, два русских и кореец в позиции «председатель» и три алтайца, два русских, белорус и казах среди директоров различных учреждений. Среди председателей были расстреляны двое русских и кореец, остальные получили различные сроки заключения.

В начале 1936 г. в Ойротской АО была раскрыта «контрреволюционная националистическая организация», в которую попали советские руководители и работники культуры автономной области, представленные почти только алтайцами. Участники организации якобы выражали недовольство мероприятиями партии и правительства в Ойротии, критиковали ход и результаты коллективизации, а ячейки организации якобы существовали почти в каждом аймаке. Закрытое судебное заседание проходило с 7 по 15 августа 1936 г. в Новосибирске, на котором «руководителей заговора» приговорили к расстрелу[502]. В своей работе Н.Н. Аблажей отмечает, что в Кош-Агачском аймаке была арестована местная группа «руководителей» председатель аймакисполкома С. Тлеубердинов и секретарь С. Табаков[503]. В БД «Мемориала» Тлеубердинов, арестованный 29 июля 1937 г., значится рядовым колхозником, но при этом и членом ВКП(б). Он был приговорен к расстрелу, в отличие от Табакова, секретаря Кош-Агачского РК ВКП(б), арестованного 9 мая 1936 г. и приговорённого к 10 годам ИТЛ. Исходя из историографических сведений, дат ареста и приговора, можно предположить, что при внесении информации о занятии Тлеубердинова была допущена ошибка. В указанную «контрреволюционную группу» входил председатель Улаганского аймакисполкома Кардаманов, арестованный 17 февраля 1936 г.

[502] Папков С.А. Обыкновенный террор. С. 158-159.
[503] Аблажей Н.Н. Перебежчики в Горном Алтае. С. 100.

В процентном соотношении репрессии в других категориях и подкатегориях служащих на Алтае и в Ойротской АО проходили примерно на одном уровне. В подкатегории «средний руководящий персонал» на Алтае наиболее часто встречаемой профессиональной позицией является «начальник, заместитель начальника (отделов, автомастерских, цехов)» и «заведующий, заместитель заведующего (отделами, магазинами, пунктами, районных заготовительных отделов)» (35 и 25 человек соответственно, 40,7% и 29% от численности категории). В Ойротской АО заведующие также составляли большинство от среднего руководящего персонала (10 человек, 45,4% от категории). В значительной степени как на Алтае, так и в Ойротской АО от репрессий пострадали работники учёта и просвещения и культуры: позиция «бухгалтер, помощник бухгалтера» на Алтае насчитывает 48 человек (53,3% от численности категории, 9,2% от занятых по соответствующей общественной группы), «учитель» - 27 человек, 58,7% (5,2% от общественной группы). В Ойротии в рассматриваемый период было репрессировано 15 счетоводов (65,2% от численности категории, 10,9% в группе «служащие») и девять учителей (52,9% по категории, 6,5% в группе «служащие»).

Репрессии середины 1930-х гг. на Алтае и в Ойротской АО затронули все слои населения. Жертвами террора становились обычные граждане – рядовые работники колхозов и совхозов, рабочие заводов и комбинатов, мелкие служащие (в основной массе), не имеющие реальной политической власти. Обратимся к табл. 8:

Таблица 7. Процентное соотношение доли общественной группы в населении региона по переписи 1939 г. и в количестве репрессированных на Алтае и Ойротской АО[504]

Группа	Алтай, в %		Ойротская АО, в %	
	По переписи	Репрессировано	По переписи	Репрессировано
Рабочие города и села (без учёта кустарей)	29	21,8	31	10,6
Служащие города и села	13,6	29,9	16,3	32,5
Колхозники	53,6	24,6	44,2	37
Единоличники	1,1	9,4	1,6	16,15

[504] Составлено по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007); Всесоюзная перепись населения 1939 года. 1999. С. 197.

Как показывает табл. 7, и на Алтае, и в Ойротской АО было репрессировано непропорционально много служащих относительно их доли в населении региона. Репрессии в Ойротии имели свою специфику: там под маховик террора попадали руководящие кадры и интеллигенция, что вызвано характером местных кампаний, проводимых в том числе под контролем Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). В сумме мелкие служащие (наиболее многочисленные среди репрессированных этой общественной группы – технический персонал, работники учета, культуры и просвещения – 39,7%) преобладали над руководителями предприятий, колхозов, партийными работниками (34% от общественной группы). На Алтае от репрессий в значительной степени пострадал технический персонал. В эту группу вошли занятия, характеризующие практически все отрасли народного хозяйства, и репрессиями были задеты те, кто отвечал за нормальное функционирование этих отраслей – агрономы, инженеры, техники. В Ойротской АО значительные потери понесли занятые в сельском хозяйстве, как колхозники, так и единоличники, что, в случае последних, являлось отражением борьбы за укрепление колхозного строя, в середине 1930-х гг. ещё твёрдо не установленного в районах Ойротской АО. В обоих регионах было репрессировано непропорционально много единоличников относительно их доли в населении.

Суммарный процент репрессированных рабочих и занятых в колхозном строительстве от всех репрессированных составляет 46,4% на Алтае и 47,6% в Ойротии. Вместе с мелкими служащими (без трёх категорий руководящего персонала), которые являлись рядовыми работниками советских учреждений, этот процент составляет 66,7% и 68,8% для двух регионов соответственно. Отметим, что вопреки существующему в литературе мнению о репрессиях как форме «социальной чистки» среди «социально-опасных элементов»[505] процент репрессированных представителей чуждых советскому обществу групп населения относительно невелик: деклассированные элементы и слу-

[505] Ширер Д. Указ. соч. С. 37; Верт Н. Террор и беспорядок. С. 253; Макаров А.А. Указ. соч. С. 68.

жители культа составили 6,8% и 0,7% в двух регионах соответственно. Вместе с единоличниками, с которыми советский строй боролся со времен коллективизации, которые на самом деле являлись обычными крестьянами, эти проценты составили 16,3% и 17% (в рамках проведения операции по приказу 00447 на Алтае доля этих трех групп среди репрессированных составила 14%[506]). В рассматриваемый нами период невелик процент репрессированных служащих в Красной Армии. 67% репрессированных в группе «военнослужащие» составили рядовые солдаты-красноармейцы. Служители культа в основном становились жертвами групповых дел, направленных именно против церковников.

Рассмотрим распределение приговоров по основным социальным группам – работники сельского хозяйства, рабочие и служащие. Обратимся к табл. 8:

Таблица 8[507]. Зависимость приговора от социального положения репрессированных Алтая и Ойротской АО (1.12.1934 – 30.06.1937)*

Регион	Социальное положение	1-4 года	5 лет	6-9 лет	10 лет	ВМН	дело прекращено
Ойротия	работники с/х	13,4	**22,5**	**12,6**	**17,7**	**19,5**	6,1
Алтай		**17,9**	15,7	8,3	11,5	14,3	**32,4**
Ойротия	рабочие	**18,8**	**22,9**	**14,6**	**10,4**	27,1	2,1
Алтай		14,4	12,2	10,0	10,2	**28,4**	**22,9**
Ойротия	служащие	**8,7**	12,3	**13,0**	**18,8**	**40,6**	1,4
Алтай		7,3	**17,5**	11,2	16,9	35,6	**9,8**

* опущены сведения о высланных и графа «нет сведений»

Согласно табл. 8, на Алтае приговоры в 1-4 года лагерей чаще выносились людям, занятым в сельском хозяйстве, в то время как служащим маленькие сроки давали в два раза реже. Чаще всего к расстрелу приговаривали служащих – в 35,6% случаев, затем рабочих – в 28,4% случаев - и реже всего – работников сельского хозяйства (при том, что в количественном отношении от репрессий они пострадали в наибольшей степени). В годы Большого

[506] Подсчитано по: Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 165.
[507] Составлено по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007).

террора эти проценты только возросли: к расстрелу были приговорены 57,1% арестованных служащих, 50,4% рабочих и 44% колхозников. Однако значительно вырос процент расстрелянных единоличников – 52,2%[508] (в рассматриваемый период этот процент составил 11% на Алтае и 13% - в Ойротии от общего количества арестованных единоличников). Вероятно, единоличники становились жертвами репрессий в рамках «кулацкой» операции. Несмотря на то, что большое количество дел занятых в сельском хозяйстве (192 случая, 32,4% от всех по социальной группе) было прекращено, в абсолютном выражении эта социальная группа понесла наибольшие потери в рассматриваемый период. Чаще, чем служащих, к расстрелу приговаривали церковнослужителей – в 50% случаев, - и немного реже – деклассированных (36,4%).

В Ойротской АО в процентном отношении от репрессий больше пострадали работники сельского хозяйства (54,4%) и служащие (32,5%). При этом если разница процента приговоров к 10 годам ИТЛ и к расстрелу у работников сельского хозяйства не очень большая (менее 2%), у служащих она заметно различается – 18,8% и 40,6% соответственно. Вероятно, это связано с большим количеством среди репрессированных служащих из категорий высшего и среднего руководящего персонала (секретари райкомов, председателей и заместителей председателей колхозов, совхозов и т.д.) – их суммарный процент среди всех служащих составлял 34,5%. Несмотря на то, что рабочих было репрессировано относительно немного (48 чел., 11%), процент приговоров к 10 годам лагерей и к расстрелу незначительно отличается от показателя по Алтаю при том, что уровень промышленного развития двух территорий различался существенно. На Алтае разрыв в долях приговоров к 10 годам и расстрелу самый значительный так же, как и в Ойротии, у служащих и рабочих. Занятых в сельском хозяйстве значительно реже приговаривали к расстрелу. В этом аспекте практика осуждений в двух регионах схожа.

[508] Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): сравнительный анализ…С. 257.

С начала 1920х гг. социальная структура репрессированных на Алтае претерпела некоторые изменения. Так, в 1919-1927 гг. наибольшей по численности группой осужденных были крестьяне (47,2%), далее шли служащие государственных учреждений (15,2%), затем шли кустари и после них – рабочие промышленности (4,9%)[509]. В 1928-1933 гг. социальный состав репрессированных зависел от проходившей в эти годы коллективизации и сопровождающего ее «раскулачивания»: две первые группы среди репрессированных по социальному положению – единоличники (51,4%) и колхозники (18,3%)[510]. В рассматриваемый нами это соотношение изменилось в пользу колхозников. После 1933 г. доля рабочих в структуре репрессированных постоянно увеличивается, как и доля служащих. Социальная структура репрессированных в Томской области в сталинские годы практически соответствует той структуре, алтайской (но не Ойротской): крестьяне составили там 33,7%, рабочие 25,7% и служащие – 26,6%[511]. Очевидно, что соотношение численности социальных групп зависело, среди прочего, от экономического развития региона. Мы можем выдвинуть предположение, что и национальный состав влиял на такое соотношение, так как национальные автономии – такие, как Ойротия или Хакасская АО, - находились на более низком уровне промышленного развития. Репрессии в двух этих автономиях имеют много схожих черт. Известно, что советская власть оправдывала неудачи в промышленном строительстве происками «врагов». Следовательно, там, где оно находилось на начальной стадии, поиск «врагов» должен был идти особенно активно. Например, период становления и активного развития угольной промышленности Кузбасса сопровождался постоянными «чистками» управленческого аппарата. К концу Большого террора количество арестованных исчислялось сотнями. Текучка кадров не способствовала стабильному разви-

[509] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 65.
[510] Там же. С. 116.
[511] Уйманов В.Н. Репрессии… Как это было. С. 48.

тию отрасли[512]. Эти факторы в Ойротской АО могли влиять на другое, отличное от русских относительно развитых в экономическом отношении районов, процентное соотношение репрессированных по социальным группам.

Обратимся к динамике репрессий по годам по трем социальным группам – работники сельского хозяйства, рабочие промышленности и служащие.

В 1935 г. на Алтае динамики репрессий среди рабочих и служащих почти идентичны друг другу. Число арестованных по каждой социальной группе не превышало 15 человек в месяц. В динамике арестов среди занятых в сельском хозяйстве было три пиковых момента: январь (29 чел.), апрель (29 чел.) и август (70 чел., из них 44 - колхозники). В январе из 29 арестованных, работников сельского хозяйства, дела 22 чел. (75%) впоследствии были прекращены за недоказанностью обвинения. В апреле аресты затронули определенные колхозы: «Согласие» в Бийском районе, «Горновка» в Локтевском районе, «Победа» в Солонешенском районе. В Алтайском и Бийском районах были арестованы группы единоличников. Это могло быть связано с невысоким относительно других районов процентом коллективизированных хозяйств: Алтайский район имел второй с конца показатель, 71%. В августе из 26 арестованных единоличников 11 проживали в Тюменцовском районе. Четверых из них приговорили к расстрелу и еще пятерых – к 10 годам ИТЛ за саботаж и антисоветскую агитацию (ст. 58-10-14). Аресты среди рядовых колхозников проходили во многих районах Алтая по обвинению в антисоветской агитации (ст. 58-10). В наибольшей степени они затронули соседние Тюменцовский, Каменский и Хабарский районы (на севере края) – в сумме в них было арестовано 35 чел. Обвиняемые – члены колхоза им. Жданова Тюмецовского района – были освобождены за недоказанностью обвинения, в других районах за редким исключением колхозников приговаривали к 3-5 годам лагерей. Нам не удалось найти каких-либо документов, объясняющих такую волну арестов именно в августе. В данном случае репрессии так-

[512] Папков С.А. Чистка управленческих кадров угольной промышленности Кузбасса в 1937 г. С. 59.

же не определяются географическим фактором, однако очевидно, что здесь происходила какая-то репрессивная акция районного масштаба.

В Ойротской АО волна арестов работников сельского хозяйства прошла с января по июнь 1935 г. Следующий пик арестов пришелся на декабрь. В феврале-апреле из 27 арестованных десять были единоличниками. Приговоры им были значительно более суровыми, чем колхозникам, только один был приговорен к трем годам лагерей. В мае среди обвиняемых остаются уже только члены колхозов. Единоличники снова появляются среди арестованных в ноябре-декабре (всего 37 чел.). 10 человек (среди них два колхозника) были приговорены к высылке за пределы Ойротской АО.

Как и на Алтае, динамика арестов рабочих и служащих в основном совпадает. Динамика арестов рабочих в точности повторяет алтайскую, но в меньших масштабах. Например, в Ойротии в марте были арестованы четверо рабочих прииска «Кумир», трое приговорены к семи годам лагерей и один – к трем годам. На Алтае в этом месяце профессиональная принадлежность арестованных рабочих разнообразна (плотник, повар, стрелочник, шофер и т.д.). Трое рабочих совхоза им. Первого мая были приговорены к трем годам лагерей за антисоветскую агитацию и саботаж. Аресты служащих в ноябре связаны с подготовкой дела «контрреволюционной организации» бывшего председателя Ойротского облисполкома С. Сафронова.

Таким образом, 1935 г. характеризовался проведением локальных районных акций как на Алтае, так и в Ойротии. Очевидно, что проводимые репрессии контролировались местной властью, а также шли в рамках общих установок центра на борьбу с саботажем в сельском хозяйстве[513]. Отметим, что на Алтае в декабре 1934 г. к расстрелу был приговорен только один человек, в 1935 г. – шестеро. По архивным данным видно, что, в отличие от пери-

[513] Например, в ноябре 1934 г. согласно директивному письму №33 за подписью председателя Верхсуда СССР А. Винокурова, Верховным судам надлежало подготовиться к предстоящей весенней посевной кампании, в частности, «выявить характерные преступления как особые методы сопротивления классового врага», «применить жесткие меры репрессии к вредительским действиям» (ГА РФ. Ф. 5446. Оп 16. Д. 4006. Л. 1-2 // Archives of the Soviet communist party and Soviet state microfilm collection, [Reel 3.51], Hoover Institution Archives). Очевидно, что подобные директивы подготавливались и распространялись в течение всего сельскохозяйственного года.

ода «Большого террора», когда приговор зачастую приводился в исполнение в день вынесения, в рассматриваемый период у человека были шансы оспорить решение суда – к примеру, приговор к расстрелу Б. Варкентину, арестованному 12 мая 1935 г., был вынесен 19 октября. 21 ноября определение по жалобе сообщает, что приговор оставлен в силе, однако 26 февраля 1936 г. согласно протоколу о применении частной амнистии судебная мера была изменена на 10 лет лишения свободы[514].

На Алтае в 1936 г. наблюдаются два пиковых месяца: апрель и сентябрь. Летом количество арестов по всем трем социальным группам минимально, причины такого спада подробно описаны в параграфе 2 главы 3. В апреле 1936 г. основными группами репрессированных являлись рабочие и работники сельского хозяйства – в сумме 43 чел. Из общего количества репрессированных в этом месяце дела на 22 чел. были прекращены за недоказанностью обвинения, среди них 17 чел. – представители рабочих и сельскохозяйственных занятий (40% от общего количества арестованных в апреле по двум группам). Два человека были приговорены к высшей мере наказания, оба были машинистами станции Рубцовск Томской железной дороги.

Весь аппарат Томской железной дороги значительно пострадал в годы репрессий. В январе 1936 г. нарком путей сообщения Каганович лично отправился в Сибирь, чтобы установить причины плохой работы железной дороги (13 тысяч крупных и мелких аварий и крушений за 1935 г.). По мнению Кагановича, такое положение было достигнуто посредством сосредоточения в Управлении Томской железной дороги так называемых «предельщиков». К этой категории он относил специалистов, считавших, что сибирские дороги работают на пределе возможностей, и что для увеличения их пропускной способности необходимо строить новые станции, расширять старые, строить новые подъездные пути, ремонтировать подвижной состав. С 1 февраля в Управлении начались аресты, а в апреле в Новосибирске состоялся суд над 13-ю обвиняемыми в создании «шпионско-вредительской организации в

[514] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 24181. Л. 4, 202, 205, 207.

службе эксплуатации и на решающих станциях Томской железной дороги». Трое специалистов были приговорены к расстрелу, остальные – к 10 годам лагерей. Далее «чистка» Томской железной дороги приняла масштаб массовой кампании. В 1939 г. арестованный заместитель начальника УНКВД Западно-Сибирского края Успенский свидетельствовал, что по делу антисоветской группы на Томской железной дороге было арестовано около тысячи человек[515].

Аресты происходили и до 1936 г. По материалам Дорожно-транспортного отдела ОГПУ-ГУГБ НКВД Томской железной дороги, в период с 1 июня 1934 по 15 мая 1935 г. было уволено 1424 дорожных служащих и рабочих[516]. Часть из них впоследствии оказалась на скамье подсудимых. В историографии есть данные о том, что в 1936-1938 гг. на Томской железной дороге было произведено около пяти тысяч арестов[517]. По данным БД «Мемориала» по Алтаю можно точно установить, что 58 человек, арестованных за рассматриваемый нами период, работали на Томской железной дороге. Среди арестованных было чуть больше рабочих, чем служащих: 51,7% и 48,3% соответственно. Основная масса арестов пришлась на начало 1937 года – 42 чел. Из них у 69% присутствует обвинение в организации диверсий (ст. 58 п. 9) и у 21,4% - во вредительстве (п. 7). Все осуждены в период Большого террора и после него к расстрелу или длительным срокам заключения, только три дела были прекращены. Арестованных в 1936 г. (11 чел.) в основном обвиняли в антисоветской агитации (п. 10). В трех случаях присутствуют обвинения по пунктам 7 и 9, все три человека приговорены к расстрелу. Дела всех арестованных были завершены до Большого террора. Здесь вынесен только один приговор к 10 годам лагерей, остальные – на более короткие сроки.

В сентябре 1936 г. на Алтае основными группами репрессированных стали служащие и занятые в сельском хозяйстве – всего 43 чел. по двум этим группам. Дела по 10 из них (23,2% от общего по двум группам) были пре-

[515] Папков С.А. Каганович в Сибири. С. 594-595.
[516] Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация. С. 240-241.
[517] Гвоздикова Л.И. Указ. соч. С. 217.

кращены, шесть из них – служащие. С августа во многих крупных городах Сибири – Красноярске, Новосибирске, Кемерово – начались аресты руководителей среднего управленческого звена[518]. В среде служащих репрессии проходили в рамках всесоюзной кампании по борьбе с вредительством в промышленности, начавшейся еще в конце 1935 г. и продолжившейся среди руководителей предприятий и учреждений, а также рядовых советских служащих[519]. Репрессии против служащих и работников сельского хозяйства не были связаны друг с другом – в колхозах продолжали происходить небольшие кампании, инициированные еще в 1935 г. В ноябре количество арестованных снова немного растет. Основные группы репрессированных тогда – рабочие и служащие (в сумме 32 чел.).

В Ойротской АО первая половина года ознаменована постепенным уменьшением количества арестованных работников сельского хозяйства – с 21 человека в январе до нуля в июле. Вероятно, это было связано с малым процессом «троцкистско-зиновьевского блока» над «группой Сафронова», проведенном с 7 по 15 августа 1936 г. По материалам БД «Мемориала», за первую половину 1936 г. в Ойротии было арестовано в сумме 116 занятых в сельском хозяйстве и служащих. Достаточно сложно сказать, были ли они связаны между собой. Аресты в основном производились в Онгудайском, Улаганском и Кош-Агачском аймаках (61,2% от всех указанных арестованных). 72% арестованных были алтайцами, что типично для указанных районов: на протяжении всего рассматриваемого периода доля репрессированных русских в них была минимальна.

В 1936 г. динамики арестов по трем социальным группам на Алтае и в Ойротии в значительной степени повторяют друг друга, но в разном масштабе: у работников сельского хозяйства в период с июня по декабрь, у рабочих – с января по июль (с июля по ноябрь в Ойротии не арестовано ни одного рабочего), у служащих – с января по май. С начала 1937 г. общие тенденции,

[518] Папков С.А. Обыкновенный террор. С. 172.
[519] Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 69-72, 94.

проявившиеся в 1936 г., становятся явными. Динамики арестов по трем социальным группам абсолютно совпадают (с разным масштабом). Количество арестованных после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) резко увеличивается. В марте на Алтае из 78 арестованных 23% составляли работники сельского хозяйства, 19,2% - рабочие и 49% - служащие. В Ойротской АО из семерых человек четверо были служащими. В апреле количество арестованных на Алтае увеличивается до 241 чел.: по 23% работников сельского хозяйства и рабочих и 39% служащих. В Ойротской АО проценты по этим группам составили 27%, 11,5% и 54% соответственно. В апреле из 241 репрессированного дела на 15 чел. (6%) были прекращены. В июне из 198 арестованных впоследствии на свободе оказались только семь чел. (3,5%).

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода динамика репрессий по трем социальным группам в двух рассматриваемых регионах – Алтае и Ойротии – в основном совпадает. Наибольшие различия видны в динамике арестов среди работников с/х в 1935 г. Вероятно, что в это время Западно-Сибирский крайком ВКП(б), который координировал ход репрессивных кампаний в регионе, больше внимания уделял исполнению союзных инструкций, связанных с раскрытием «врагов» после чистки партаппарата. В это время происходил сбор компрометирующих сведений на будущих жертв террора. Небольшие районные акции проводились под контролем региональной власти, но не были связаны между собой едиными директивами. Организованные тенденции начинают проявляться с 1936 г., когда центральная власть в своих директивах начинает постепенно очерчивать круг потенциальных «врагов народа»: троцкистов, вредителей и шпионов. Социальный состав репрессированных в это время определялся хозяйственной структурой региона: например, в Ойротии в июне 1937 г. среди арестованных преобладали работники сельского хозяйства, далее шли служащие и затем рабочие. На Алтае наблюдается некоторый перекос: арестовано больше служащих, далее идут рабочие и работники сельского хозяйства (хотя по переписи они составляли большую долю среди населения, чем рабочие промышленности, коли-

чество их арестов накануне Большого террора существенно сокращается по сравнению с предыдущими месяцами). В годы Большого террора ситуация немного меняется: доля рабочих от общего количества репрессированных осталась неизменной (21,8%), работников с/х – возросла (46,3% в сумме колхозники и единоличники против 33,9% в рассматриваемый период), а служащих – уменьшилась (22,4% и 29,9% соответственно)[520].

Среди арестованных по СССР в целом в 1935-1936 гг. служащих было 30%, на Алтае этот процент составил 21,1%; рабочих – 16,9% и 21,2% соответственно. Более значительная разница выявлена среди арестованных работников сельского хозяйства: в указанный период в СССР из всех арестованных колхозники составили 9,1% и единоличники – 14,3%. На Алтае эти проценты существенно больше – 28,3% и 14,3%[521] соответственно. Это объясняется преимущественно аграрным характером специализации районов Алтая. Следовательно, можно говорить об определенной специфике Алтая, которая, впрочем, свойственна и другим регионам СССР, если рассматривать их в отдельности.

В контексте рассмотрения социального положения репрессированных интересен следующий сюжет. Алтай традиционно являлся регионом с достаточно высоким уровнем развития сельского хозяйства, именно поэтому при обзоре репрессий середины 1930-х гг. мы делаем упор на людей, занятых в сельскохозяйственном производстве. Рассмотрим отдельно динамику арестов среди колхозников и единоличников.

На Алтае динамика арестов единоличников является практически идентичной динамике арестов колхозников (исходя из общего соотношения численности групп: 163 чел. и 427 чел. соответственно) с июля 1935 г. До декабря 1935 г. аресты шли особенно активно: с начала года было арестовано 113 единоличников (69,3% от всех арестованных в данной группе). С начала

[520] Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): сравнительный анализ… С. 257.

[521] Подсчитано по данным: Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). Монография. М. : Кучково поле, 2006. С. 329, 333; БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007).

1936 г. до конца рассматриваемого периода количество арестованных единоличников не превышало 10 чел. в месяц (за исключением апреля 1937 г., тогда было арестовано 13 чел.). Вероятно, что после лета 1935 г. цели репрессировать конкретно единоличников не ставилось – их практически не осталось в населении региона. Они проходили по индивидуальным делам или в рамках групповых дел вместе с колхозниками. В материалах архивной выборки (19-%) мы располагаем данными о шести групповых делах на единоличников[522]. Все они относятся к 1935 г. – пять до июня и одно дело – в сентябре. Для начала года было характерно обвинение в саботаже (ст. 58-14). Все дела, заведенные на единоличников по этой статье, были прекращены (7 чел.). С мая к единоличникам применяли ст. 58-10 ч. 1 («антисоветская пропаганда и агитация»). По этой статье 11 чел. было приговорено к лагерным срокам от 3 до 5 лет, а Е. Слатюхин – к семи годам как главный фигурант одного из дел[523].

В Ойротской ОА картина отличается от того, что мы наблюдаем в алтайской динамике. Здесь можно выделить только два схожих периода: с июня по октябрь 1935 г., когда не было арестовано ни одного занятого в сельском хозяйстве, и с весны 1937 г., когда динамика по всем социальным группам становится единой (с учетом численности каждой отдельной группы). В остальное время пики арестов крестьян и единоличников не совпадают, что позволяет сделать вывод о том, что в Ойротии кампании против этих двух социальных слоев не имели единого регламента, как на Алтае. Объявленная по Сибири в мае 1935 г. борьба с единоличниками не затронула Ойротию в этот период: аресты прекращаются, однако с октября по июль 1936 г. проходят особенно активно вместе с арестами колхозников (всего 111 чел.). Пики арестной активности не совпадают: к примеру, в декабре 1935 г. арестовано пять колхозников и 14 единоличников, а в январе 1936 г. – 17 колхозников и три единоличника. Аресты зимы-весны 1936 г. связаны с разра-

[522] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 1030, 1438, 8722, 11672, 20799, 23669/1.
[523] Там же. Д. 8722. Л. 225.

боткой «дела Сафронова и др.», процесс которых прошел в начале августа 1936 г. Очевидно, часть арестованных в указанную арестную волну была так или иначе задействована в готовящемся процессе. Вероятно, почти полное прекращение арестов летом 1935 г. было связано со сбором компрометирующих материалов на будущих фигурантов дела. В обвинительном заключении говорилось, что «Сафронов, Ялбачев, Папин и другие… используя свое служебное положение, начиная с сентября 1934 года и особенно летом 1935 года развернули и провели активную контрреволюционную работу по сколачиванию контрреволюционных националистических и повстанческих кадров…»[524].

Рассмотрим также статистику приговоров, выносимых колхозникам и единоличникам:

Таблица 9. Приговоры, вынесенные колхозникам и единоличникам в период с 1 декабря 1934 г. по 30 июня 1937 г.[525].

	Колхозники		Единоличники	
Приговор*	Алтай, %	Ойротия, %	Алтай, %	Ойротия, %
1-4 года	17,25	18,47	19,63	2,90
5 лет	15,85	29,30	16,56	8,70
6-8 лет	6,29	12,74	14,11	11,59
10 лет	10,72	11,46	13,50	30,43
ВМН	15,38	22,93	11,04	11,59
прекращено	34,50	0,64	26,99	0,00

* опущены сведения по приговорам к высылке, лагерным срокам более 10 лет и строка «нет данных»

Как видно из табл. 9, приговоры, вынесенные колхозникам на Алтае, были мягче, чем соответствующие приговоры в Ойротии, - проценты по всем группам (кроме прекращенных дел) на Алтае ниже. Немного по-другому выглядит процентное соотношение приговоров единоличникам. На Алтае в процентном отношении приговоры распределились относительно равномерно, однако чаще единоличников приговаривали к относительно небольшим срокам заключения (до пяти лет включительно, в сумме 36,1%). Вероятно, такое положение сохранилось с начала 1930-х гг., когда в ходе репрессий,

[524] Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.): сборник архивных документов. С. 135.

[525] Составлено по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. . 4-е изд. М., 2007).

сопровождающих процесс коллективизации, чаще всего работников сельского хозяйства приговаривали к трем годам лагерей. Также 27% дел на них было прекращено. В Ойротии, наоборот, процент приговоров к ИТЛ на срок до пяти лет составил 11,4%, в то время как к 10 годам ИТЛ – 30,43%. При этом доля смертных приговоров для двух регионов равна – по 11%. Вероятно, что на Алтае в рассматриваемый период единоличники после 1935 г. уже не рассматривались как одна из целевых групп террора: они продолжали пополнять контингент ГУЛАГа (к лагерным срокам в общей сложности приговорено 63,7% осужденных единоличников, у колхозников этот процент составляет 49,9%), но репрессий в их среде уже не были приоритетом репрессивной политики.

При проведении репрессий в Ойротии, где процесс коллективизации еще был далек от завершения, отношение к этому социальному слою было как к настоящему «классовому врагу». Приведенная статистика явно демонстрирует комплекс репрессивных мер, применяемых к работникам сельского хозяйства. Здесь малый процент приговоров на срок до пяти лет включительно у единоличников компенсируется приговорами, вынесенными на эти же сроки колхозникам (в сумме 47,7%), при этом гораздо меньший, чем у единоличников, процент приговоров к 10 годам лагерей (11,4%). Чаще, чем на Алтае, колхозников Ойротской АО приговаривали к расстрелу – в 22,9% случаев. В годы Большого террора колхозников часто обвиняли в организации диверсий и вредительства по пунктам 7 и 9 статьи 58[526]. В рассматриваемый период из 179 чел., в обвинении которых присутствовали указанные пункты, работники сельского хозяйства составили только 5,5%. Такие обвинения чаще инкриминировались рабочим и служащим. Абсолютное большинство колхозников и единоличников на Алтае (83,1% и 67% соответственно) обвинялось по статье 58 с пунктами 10 и 14.

[526] Разгон В.Н. «Большой террор» и колхозное крестьянство Алтая. С. 211.

Отметим, что по переписи 1939 г. доля единоличников в населении составляла 1,1% для Алтая и 1,6% - для Ойротии[527]. Среди всех репрессированных в этих регионах единоличники составили 9,3% и 16,1% соответственно. Изменение репрессивной политики по отношению к единоличникам на Алтае можно проследить с 1928 г. На этот год приходится 0,3% от всех репрессированных единоличников в 1928-1933 гг. В 1930 г. их стало уже 38,1%, однако далее доля начала сокращаться. В 1933 г. было репрессировано 13,1% от всех единоличников, но и 80,4% от всех репрессированных в этот период колхозников[528]. На 1935 г. приходится 69,3% от всех репрессированных единоличников в конце 1934 – первой половине 1937 г. В 1936 г. этот процент составляет 13,4%. В годы Большого террора единоличники составили около 8% от общего числа репрессированных по целевой группе «кулаки»[529], при этом относительно активно их арестовывали в 1937 г., но в 1938 г. они практически полностью исчезают из состава репрессированных[530].

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода репрессивная политика по отношению к трем социальным группам не была единой. В 1935 г. жертвами террора чаще становились работники сельского хозяйства – колхозники и единоличники. На Алтае репрессии в их среде происходили относительно равномерно, репрессивные кампании в двух социальных слоях были связаны между собой. В Ойротской АО динамики репрессий колхозников и единоличников существенно отличаются. Кампании против них проходили отдельно друг от друга, а в общем были привязаны к репрессивным кампаниям, которые проводились в регионе. На Алтае борьба с единоличниками в течение рассматриваемого периода не была одним из главных приоритетов, что выражается в динамике их арестов: в 1935 г. они составляли 20,8% от всех арестованных за год, а в 1936 г. только 5%. В Ойротии наблю-

[527] Всесоюзная перепись населения 1939 года. 1999. С. 197.
[528] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 117.
[529] Разгон В.Н. Социальные и экономические факторы «Большого террора» 1937-1938 гг. С. 252.
[530] Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): сравнительный анализ… С. 258.

далась противоположная ситуация, весь рассматриваемый период характеризуется периодическими арестами единоличников.

С 1936 г. главными жертвами репрессий становятся служащие и рабочие, причем доля первой социальной группы среди всех репрессированных по мере продвижения к Большому террору возрастала. В Ойротии из-за характера проводимых там кампаний, направленных, прежде всего, на ликвидацию «местного националистического сознания», жертвами чаще, чем на Алтае, становились руководящие кадры. На Алтае высока доля репрессированных – рядовых работников советских учреждений.

4.4. Уровень образования

Данный параграф посвящен рассмотрению уровню образования репрессированных. Этот социальный показатель не влиял напрямую на факт ареста, но находился в тесной взаимосвязи с социальным положением.

Данные об уровне грамотности по Ойротской АО даны в записях Книг памяти (данные по 418 персоналиям), для Алтая мы используем данные из 6 % репрезентативной выборки (про нее подробно сказано в параграфе 2 главы 1) из следственных дел (93 персоналии). В следственных делах присутствуют различные формулировки в графе «образование». Исходя из источника, мы выделили пять больших групп, указанных на рис. 8 и 9. В группу «неграмотные» входили люди, не умеющие даже написать свою фамилию – в следственных делах под записью протокола допроса они ставили только отпечаток пальца. Малограмотные могли поставить подпись.

В Республиканских Книгах памяти есть запись «грамотные», но нет позиции «низшее образование», в следственных делах по Алтаю присутствуют записи обоих видов (в 6-% выборке). Формулировка, отложившаяся в Книге памяти Республики Алтай, довольно широка: в группу «грамотные» могли входить как люди, закончившие от четырех классов школы (в следственных делах по Алтаю, вероятно, это «низшее образование»), так и те, кто закончил

меньше классов (собственно «грамотные»). Мы полагаем, что две группы по разным источникам нельзя приравнять друг к другу. Отметим, что при анализе образовательного уровня жертв «кулацкой» операции на Алтае Г.Д. Жданова приводит разграничение групп по образованию по следующему принципу: «малограмотные» – люди, научившиеся грамоте самостоятельно или окончившие 1-3 класса школы, «грамотные» - от четырех классов школы[531]. При таком подходе сомнительно, что процент, полученный по БД «Мемориала» по Ойротии по группе «грамотные», полностью соответствует действительности. Вероятно, часть грамотных там должна быть отнесена в группу «малограмотные». Добавим, что в сопроводительных материалах к Книгам памяти Республики Алтай при рассмотрении уровня образования группа «грамотные» не выделяется в принципе. По данным составителей, большая часть репрессированного населения Республики (4524 чел. или 61% от всего) была малограмотной[532].

Обратимся к рис. 8 и 9:

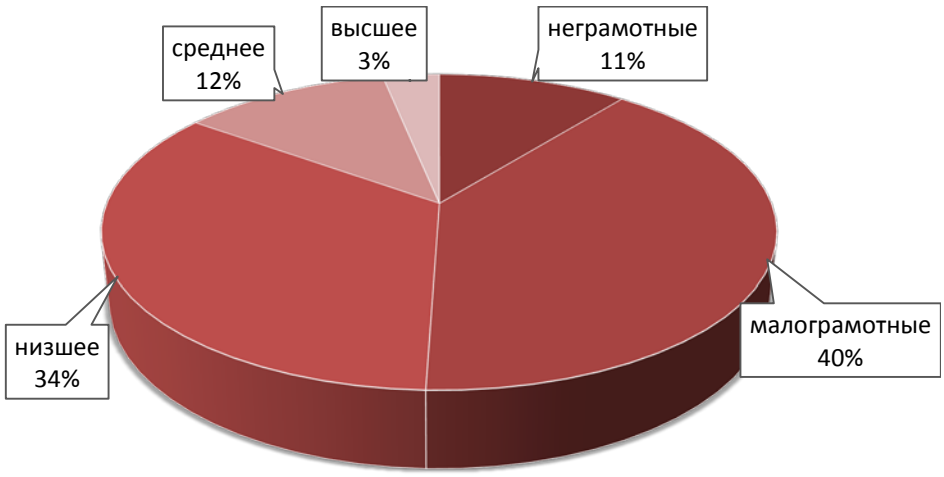


Рис. 8. *Уровень образования репрессированных в период с 1 декабря 1934 по 30 июня 1937 г. на Алтае* [533]

[531] Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа №00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа №00447. М., 2009. С. 730.

[532] Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Т. 3.. С. 244.

[533] Составлено по данным ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 1030, 10634, 10880, 11025, 11672, 12113, 12114, 12115, 12276, 12534, 12765/2, 13159, 13790, 1438, 15659, 16161, 20460, 20464, 20555, 20752, 20799, 20827, 22759, 23204, 23669/1, 23764, 23821, 23989, 24176, 24181, 24711, 29514, 4311, 4649,

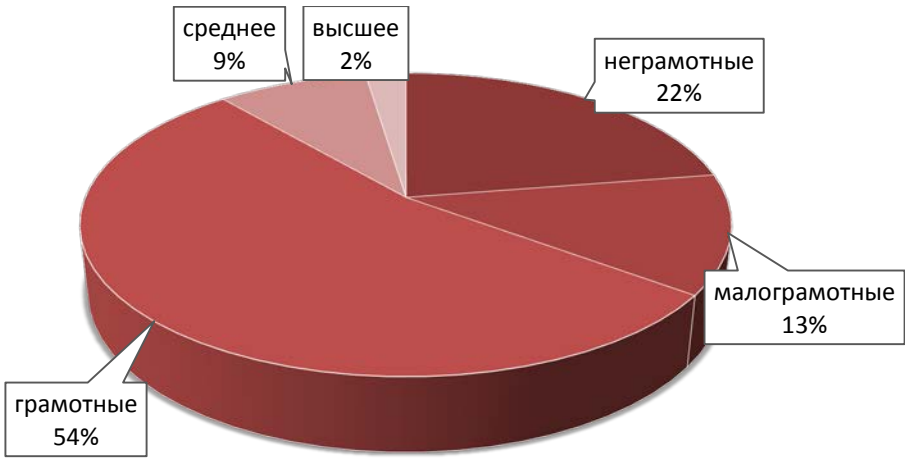


Рис. 9. *Уровень образования репрессированных в период с 1 декабря 1934 по 30 июня 1937 г. в Ойротской АО*[534]

Из рис. 8 и 9 видно, что два рассматриваемых региона отличались друг от друга по уровню образования репрессированных. В Ойротии среди них существенно больше, чем на Алтае, было грамотных (возможно, вместе с ними и людей с низшим образованием). На Алтае среди репрессированных малограмотные составляли 40%. В сумме с неграмотными эта группа составляет 50,6%. Общий уровень грамотности репрессированных в Ойротии был выше. Там неграмотные и малограмотные в сумме составляли 35,2% (возможно, этот процент был выше за счет части людей из группы «грамотные»). По переписи 1939 г., доля неграмотных на Алтае составляла 23,9%, в Ойротии – 24,9%[535]. Если сравнить эти доли с распределением только неграмотных (без малограмотных) репрессированных по соответствующим регионам, очевидно, что на Алтае их было существенно меньше, чем их доля в населении. В Ойротской АО в рассматриваемый период доля неграмотных репрессированных несущественно отличалась от их доли в населении региона, а в годы Большого террора она значительно снизилась – до 15,4%[536]. По приве-

5189/3, 5518, 6193, 633, 6454, 678, 687, 701, 749, 758, 762, 7818/4, 806, 827, 8351, 865, 866, 8722, 8896, 8995, 902, 964, 9820.

[534] Составлено по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. . 4-е изд. М., 2007).

[535] Всесоюзная перепись населения 1939 года. 1992. С. 40.

[536] Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): сравнительный анализ… С. 248.

денным данным очевидно, что репрессии больше затронули людей с минимальным уровнем грамотности или имеющих начальный уровень образования. Для сравнения в Томской области по данным о репрессированных за весь советский период наиболее многочисленной группой репрессированных по образованию были люди с начальным образованием (68,4%). В эту категорию были включены люди, имеющие образование до четырех классов и неконкретные формулировки: «низшее», «сельская школа», «самоучка»[537]. Мы можем предположить (из-за разницы источниковедческих подходов к наименованию групп, с определенной долей условности), что эта группа соответствует группе «низшее образование» на Алтае и «грамотные» - в Ойротии вместе с группой «малограмотные». При таком предположении видно, что среди трех регионов доля репрессированных с минимальным уровнем образования была примерно одинакова в Томской области и в Ойротской АО (66,3%) и чуть выше – на Алтае (74,2%). Вероятнее всего, эта разница отражает не фактическую ситуацию, а является следствием источниковедческих проблем, при другом методе группировки она должна была бы значительно сократиться.

По переписи населения 1939 г[538]. уровень грамотности населения Алтая и Ойротии в возрасте от 9 до 49 лет был одинаков: 84,2%. Среди репрессированных эти проценты составили 47,7% и 68,8% соответственно. Уровень грамотности людей от 50 лет и старше по переписи – 30,3% на Алтае и 25,7% - в Ойротии, среди репрессированных – 56,6% и 60%. Это означает, что в старших возрастных группах жертвами репрессий чаще становились люди, имеющие образование. Учитывая характер репрессивных кампаний, проводимых в Ойротской АО, особенно тех, фигурантами которых становились служащие, можно предполагать, что доля случайности в выборе жертв была минимальной: например, очевидно, что в масштабном по меркам Ойротии деле председателя облисполкома Сафронова «главные» обвиняемые подби-

[537] Уйманов В.Н. Репрессии… Как это было. С. 50, 60.
[538] Всесоюзная перепись населения 1939 года. 1999. С. 82.

рались тщательно для создания доказательной базы. Благодаря таким кампаниям в общей картине репрессий в Ойротии выявляется тенденция: с повышением уровня образования арестованных увеличивалась доля приговоров к расстрелу. Среди всех грамотных к расстрелу были приговорены 26,9%, среди всех с высшим образованием 63,6%. Отметим, что связь уровня образования и приговора осуществляется посредством социального положения. Прямого влияния уровень образования на приговор не оказывал.

На Алтае работники сельского хозяйства составляли 77,8% от всех неграмотных и 54,5% от малограмотных. В Ойротии эти проценты составили 85,9% и 83% соответственно, а также 48,1% среди грамотных. Из всех грамотных на Алтае 46,2% приходится на рабочих. В Ойротии из всех репрессированных рабочих грамотны были 64%.

На Алтае в первое десятилетие советской власти к расстрелу приговаривали до 30% от всех арестованных с высшим и средним образованием. Малограмотных и неграмотных чаще приговаривали к различным лагерным срокам[539]. В 1928-1933 гг. к расстрелу чаще приговаривали людей со средним образованием, а к лагерным срокам – малограмотных и людей с начальным образованием[540]. Более 62% осужденных «тройкой» по Алтайскому краю в рамках приказа 00447 были малограмотными или неграмотными. При проведении «национальных» операций больше, чем в рамках «кулацкой», было репрессировано лиц, имевших среднее и среднее специальное образование, что было обусловлено большим процентом среди осужденных разных категорий служащих. Г.Д. Жданова приходит к выводу, что большое количество приговоров к расстрелу среди лиц, имевших высшее или среднее образование, связано не с этим уровнем, а с другими причинами – например, социальным происхождением или «пятнами» в биографии[541]. Исключая операции Большого террора, где массово-социальные критерии отбора жертв преобладали над индивидуальными, а также статистику вынесения расстрельных пригово-

[539] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 72.
[540] Там же. С. 123.
[541] Там же. С. 169, 197.

ров в 1920-е – первой половине 1930-х гг. людям с образованием выше среднего, мы полагаем, что репрессивные кампании, проводимые в этот период, отчасти были направлены на уничтожение наиболее образованной и интеллектуально развитой прослойки общества, характеризующейся, по мнению большевиков, высоким уровнем антисоветских настроений.

Отметим, что сам по себе уровень образования не влиял непосредственно на проведение репрессии или на тяжесть выносимого приговора, однако он являлся косвенным фактором в ведении следствия: людям с минимальным уровнем грамотности было легче инкриминировать обвинения: их уровень политического сознания был значительно ниже, чем у образованных людей (что ставит вопрос о реальности предъявленных обвинений: например, для проведения осознанной антисоветской агитации необходим был минимальный уровень политической грамотности, чем, очевидно, не обладала основная часть крестьянской массы – скорее это были неосознанные высказывания, жалоба на тяжелую жизнь, которой сотрудники НКВД приписывали политический подтекст).

В данном контексте интересно высказывание Д. Ширера о том, что посредством образования и культурного просвещения сибирские крестьяне, которых Каганович называл самыми необразованными и отсталыми, должны были, как и остальное население Сибири, стать лояльным к власти, а тот, кто не хотел становиться «советским человеком», должен был быть изолирован или уничтожен[542]. Однако проблема неграмотности населения поднимает вопрос о возможности реальных сознательных контрреволюционных выступлений. Для проведения осмысленной антисоветской агитации был необходим хотя бы элементарный уровень понимания политических догм, которыми, очевидно, не могли обладать колхозники, зачастую не умеющие даже читать. «Реальность» обвинения состояла в том, что любое высказывание, будь то жалоба на высокие цены, на плохое оборудование или воспоминание о доколхозной жизни, считалось антисоветским или контрреволюционным. До-

[542] Shearer D. Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier. P. 196, 209.

бавим, что причин для высказывания недовольства было достаточно и у жителей городов. К примеру, в Барнауле, в будущем административном центре Алтайского края, в 1935 г. было всего два городских автобуса. Население (92 тыс. чел.) преимущественно находилось за чертой бедности. Не хватало электричества, чтобы освещать улицы. Не было чистой воды, люди жили во временных хижинах и мылись в р. Обь, в которую предприятия сливали свои отходы. Не было даже замощенных улиц[543]. Таким образом, малограмотные или необразованные граждане, зачастую не осознающие «серьезность» собственных высказываний, выказывая свое естественное недовольство, становились «врагами народа».

4.5. Другие социальные характеристики (по архивно-следственным делам)

Далее нами будут рассмотрены отдельные социальные характеристики, присутствующие в следственных делах репрессированных: социальное происхождение, партийная принадлежность, а также наличие предыдущих судимостей. Для анализа указанных характеристик использовались данные 19 - % выборки из следственных дел по Алтаю. В Книгах памяти Республики Алтай информация об этих характеристиках репрессированных не зафиксирована.

Социальное происхождение могло являться весомым основанием для ареста. Г.Д. Жданова считает, что социальное происхождение было решающим фактором при вынесении приговора в годы коллективизации, а также в годы Большого террора в рамках операции по приказу 00447[544]. В историографии есть свидетельства того, что эта графа анкеты арестованного нередко становилась объектом следовательской «правки»: социальное положение изменялось на «нужное» для выполнения определенной репрессивной квоты (например, крестьяне-середняки становились «кулаками», которых репрессировали в первую очередь в рамках приказа 00447)[545]. Анализ архивной БД по

[543] Shearer D. Ibid. P. 197.
[544] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 109, 161.
[545] Разгон В.Н. Большой террор 1937-1938 гг.: выбор жертв репрессий… С. 130.

рассматриваемому периоду содержит следующие данные о социальном происхождении арестованных (всего – 253 чел.):

Таблица 10. Социальное происхождение репрессированных

Социальное происхождение	Количество человек, 19-% выборка	% от всего
из крестьян	223	88,1
из рабочих	11	4,3
из служащих	8	3,1
прочие	11	4,3

Как следует из табл. 10, подавляющее большинство репрессированных – 84% - на Алтае в описываемый период было выходцами из крестьян. Отметим, что среди них можно выделить отдельные категории: из крестьян-бедняков (38 чел.), из середняков (62 чел.), из зажиточных крестьян и из крестьян-«кулаков» (37 чел.; мы полагаем, что по своей сути эти две формулировки, встречающиеся в следственных делах, были равны друг другу). В следственных делах на 86 чел. в анкете в графе «социальное происхождение» присутствует запись «из крестьян» без указания категории, следовательно, мы не можем распределить такие записи по указанным категориям. Представляет интерес зависимость приговора от социального происхождения по наиболее многочисленным группам (131 персоналия):

Таблица 11. Зависимость приговора от социального происхождения*

Категория крестьян	Приговор			
	1-5 года	6-10 лет	ВМН	прекращено
Из бедняков	12	7	5	13
	32,4%	**18,9%**	**13,5%**	**35,1%**
Из середняков	21	8	12	18
	35,5%	**13,5%**	**20,3%**	**30,5%**
Из зажиточных (из «кулаков»)	11	8	8	8
	31,4%	**22,8%**	**22,8%**	**22,8%**

* в таблице опущены сведения о приговорах к высылке. Учтены только те персоналии, у которых заполнены графы «социальное происхождение» и «приговор». Проценты считаются по строкам.

Как следует из табл. 11, у выходцев из крестьян-«кулаков» самые высокие проценты приговоров к 6-10 годам лагерей и к расстрелу (по 22,8%), что в общем соответствовало установкам советской власти, так как эта социальная прослойка считалась «классовым врагом». Реже, чем у остальных, их де-

ла прекращались за недоказанностью обвинения. Реже всего к расстрелу приговаривали выходцев из крестьян-бедняков – в 13,5% случаев, а также их дела чаще всего прекращались за недоказанностью обвинения. Выходцы из крестьян-середняков в количественном отношении пострадали от репрессий в наибольшей степени: их расстреливали почти так же часто, как и выходцев из «кулаков» и чаще, чем их, отправляли в лагеря на срок до пяти лет.

Приведенные процентные соотношения не позволяют сделать вывод о том, что в большинстве случаев именно социальное происхождение влияло на вынесенный приговор. На материалах рассматриваемого периода коэффициент связи двух качественных признаков (коэффициент Крамера) равен 0,10, что не позволяет сделать вывод о наличии сильной зависимости двух рассматриваемых признаков. Очевидно, что такое положение могло быть не в каждом регионе. Например, по данным историографии, в Красноярском крае в 1935 г. террор был направлен против «классово чуждых» лиц, белогвардейцев и «кулаков»[546]. На такой состав репрессированных в значительной степени влияла специализация региона как одного из основных мест ссылки.

Анализ архивных документов показывает, что социальное происхождение могло быть основной причиной для проведения репрессии либо в случае, когда группа обвинялась именно по этому признаку (но не массово, как это было в рамках «кулацкой» операции), либо влияло на приговор только определенных фигурантов. В этом случае к социальному происхождению нередко добавлялись «пятна» в биографии, например, принадлежность к «бывшим» или служба в рядах белой армии. Из 38 выходцев из крестьян-«кулаков» (по 19 -% архивной выборке) 29 чел. были арестованы до 1937 г.

В групповых делах при сравнении приговоров отдельных фигурантов явно прослеживается влияние социального происхождения на решение органа осуждения. К примеру, в деле пяти единоличников, обвиняемых в «контрреволюционном заговоре» по ст. 58-10 ч. 1, а затем в саботаже (ст. 58-14),

[546] Макаров А.А. Указ. соч. С. 74.

самый большой срок – восемь лет «концлагеря» (так в источнике – Е.М.) получил И. Назаров, по социальному происхождению «кулак», лишенный избирательных прав[547]. По делу работников колхоза «Новый Чарыш» Усть-Калманского района ЗСК (май 1935 г.) К. Нехорошков (из крестьян-«кулаков», лишенных избирательных прав) был приговорен к пяти годам «концлагерей» по ст. 58-10 ч.1, а Ф. Яковлев, также фигурант дела (из зажиточных крестьян) – к четырем годам, в то время как третий обвиняемый по делу Ф. Гудков, происходивший из крестьян-бедняков, был приговорен к двум годам[548]. Четверо немцев, членов колхоза «Большевик» с. Петровка, обвинялись по ст. 58-14. Только выходец из крестьян-середняков Д. Дик был приговорен к 5 годам «концлагеря»; выходец из зажиточных крестьян П. Эннс и сын «кулака», лишенного избирательных прав, Я. Янцен получили по 10 лет «концлагеря» каждый. Б. Варкентин, «кулак», лишенный избирательных прав (три раза по материалам следственного дела), был приговорен к ВМН, однако в феврале 1936 г. к нему была применена частная амнистия, и расстрел был заменен на 10 лет строгой изоляции[549].

В начале 1937 г. отношение к социальному происхождению начинает меняться. В марте 1937 г. арестовали А. Тезикова, в его постановлении о предъявлении обвинения говорилось: «Радовался смерти Орджоникидзе, высказывал на его счет похабные контрреволюционные вымыслы». «Тройка», заседавшая 25 июля 1937 г., вынесла ему приговор к расстрелу по обвинению в том, что он являлся «крупным торговцем и кулаком», хотя в ходе допроса он отрицал это обвинение (в анкете значилось «из крестьян-середняков»)[550]. Непосредственно с начала Большого террора в рамках «кулацкой» операции фальсификация социального происхождения приобрела гораздо большие масштабы.

[547] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 23669. Л. 65. Д. 23669/1. Л. 143, 152.
[548] Там же. Д. 902. Л. 6, 7, 8, 64.
[549] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 24181. Л. 4, 35, 65, 98, 205, 207.
[550] Там же. Д. 14766. Л. 4, 11, 21, 39.

Интересно также рассмотреть такую характеристику, как принадлежность к определенной политической партии. Отметим, что краевая специфика социальной структуры – преобладание в ней работников сельского хозяйства – определяла относительно небольшое количество людей, состоящих в партиях. Основная проблема при исследовании графы «партийная принадлежность» анкеты состоит в том, что к моменту ареста человек уже был исключен из партии (и это могло стать причиной ареста), либо исключался сразу же после ареста. Большая часть людей, арестованных на Алтае, была записана как «беспартийные». При этом у некоторых было указано, в каких годах человек состоял в партии или в каком году был исключен, а у четверых человек присутствует просто запись ВКП(б). Вполне возможно также, что часть «беспартийных» по анкете могла состоять в партии ранее, о чем не была сделана соответствующая запись. Поэтому, отвечая на вопрос о партийной принадлежности репрессированных на основе данных только следственных дел, мы не можем предоставить абсолютно точного ответа.

Архивная БД по 19-% выборке содержит записи о 56 чел. (16,8% от всего), состоявших в партии до ареста: из них 33 чел. (59%) состояли в ВКП(б) и 20 чел. (36%) - в партии «Меньшевики Грузии» (ссыльные грузины). Среди попавших в выборку не было подлинно старых большевиков (то есть вступивших в партию до 1905 г.), но были те, кто состоял в партии с первых дней советской власти. Например, 19 чел. из бывших членов ВКП(б) вступили в партию до 1922 гг., однако и это не спасло их от репрессий: среди них семь человек было приговорено к ВМН и четыре человека – к 10 годам ИТЛ, в то время как только два дела были прекращены. Из 33 бывших членов ВКП(б) шестеро были рабочими по социальному положению и 24 чел. служащими. Из наиболее старых партийцев 31% были малограмотными и 38% имели низшее образование.

В рассматриваемый период члены ВКП(б) составили 10% от всех арестованных. Этот процент немного выше, чем в предыдущий и в последующий период. В годы коллективизации среди репрессированных члены

ВКП(б) составили 4,3%[551]. В годы Большого террора по приказу 00447 этот процент составил 3%[552]. Вероятно, в рассматриваемый период на увеличение доли репрессированных партийцев повлияла проводившаяся в 1935 г. «чистка» партии, поскольку часть исключенных в дальнейшем была арестована. Однако даже такая доля не позволяет согласиться с выводом, иногда встречающимся в историографии, что в этот период репрессии были направлены против «старых» коммунистов, участников революции и гражданской войны[553]. Анализ доверительного интервала для доли партийцев в генеральной совокупности по Алтаю показывает, что с доверительной вероятностью 95% их доля должна составлять от 6,8% до 13%. Для сравнения в годы Большого террора в разных регионах (в крупных городах репрессированных коммунистов было существенно больше) доля осужденных партийцев составляла от 3 до 13%[554]. В Ойротии за весь сталинский период коммунисты составили 4,8% среди репрессированных (вместе с членами ВЛКСМ)[555], в Томской области – 3,7%[556].

Рассмотрим графу архивной БД «служба в армии». По следственным делам (19-% выборка) 108 чел. до ареста проходили службу в царской, белой или Красной армии: по 37,5% в царской и Красной армии и 25% - в белой. При этом при таком подсчете общее количество служивших в армии составляет 136 чел., потому что один и тот же человек мог состоять на службе в разных армиях в разное время. Так, 11 чел. служили и в царской, и в белой армии, 13 чел. – в царской и в Красной армии, 12 чел. – в белой и в Красной армии и восемь человек проходили службу во всех трех армиях.

---

[551] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 119.
[552] Там же. С. 162.
[553] См., прим.: Юдин К.А. Институты комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) и репрессии «первой волны» в Верхневолжском регионе в январе-июле 1937 г. // Наука и школа. 2012. №6. С. 175-178. Автор отмечает, что политические репрессии 1937-1938 гг. массово обрушились на советскую номенклатуру (Указ. соч. С. 175). В частности, такой вывод на материалах по жертвам политических репрессий в Смоленской области опровергает Е.В. Кодин – там за весь советский период было репрессировано 3% коммунистов. См. Кодин Е.В. Указ. соч. С. 45.
[554] Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): сравнительный анализ. С. 256.
[555] Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Т.3. С. 244.
[556] Уйманов В.Н. Репрессии… как это было. С. 50.

Приговоры бывшим военнослужащим распределялись следующим образом (в таблице отражены только те лица, следственные дела которых содержат сведения о вынесенном приговоре):

Таблица 12. Зависимость приговора от службы в армии

Армия	Приговор			
	1-5 года	6-10 лет	ВМН	прекращено
Царская армия	11	9	14	16
	21,5%	**17,6%**	**27,4%**	**31,3%**
Белая армия	5	6	14	9
	14,7%	**17,6%**	**41,1%**	**26,4%**
Красная армия	13	9	11	18
	25,4%	**17,6%**	**21,5%**	**35,2%**

* в таблице опущены сведения о приговорах к высылке. Учтены только те персоналии, у которых заполнены графы «социальное происхождение» и «приговор».

Согласно табл. 12, к расстрелу чаще приговаривали тех, кто проходил службу в белой или царской армии (по 41,1% и 27,4% соответственно). Дела на бывших служащих белой армии прекращались реже всего (в 26,4% случаев). При этом их не осуждали на срок меньше пяти лет. Из всех людей, служивших в царской армии, в систему ГУЛАГа попали 39%, из служивших в Красной армии – 43%, в то время как в белой - 32,3%. Это объясняется тем, что значительное количество дел на служивших в Красной армии было прекращено, а служивших в белой армии чаще приговаривали к расстрелу. Следовательно, политика против бывших служащих белой армии была сравнительно жестче. Факт службы в рядах белых, особенно начиная с середины 1937 г., сам по себе мог стать весомым основанием для ареста, о чем говорят, к примеру, некоторые причины арестов фигурантов дела РОВС.

Процент прекращенных дел служивших в Красной армии не сильно отличается от соответствующего у проходивших службу в рядах царской армии. Очевидно, что у факта службы в царской армии как основания для ареста была своя градация: то, что в царской армии человек был рядовым, не учитывалось при обвинении, однако чем выше был чин, тем больше он мог повлиять на обвинение. Относительно высокому проценту прекращенных дел способствовал и возраст бывших служащих царской армии: 40% человек

было в возрасте о 51 года до 60 лет (в этой возрастной группе самый большой процент прекращенных дел среди людей в возрасте от 41 года до 70 лет – 17,4%).

По архивным документам видно, что служебное положение в рядах белой армии нередко становилось фактом подлога для получения «нужной» картины следствия. В феврале 1935 г. в с. Гилев Лог Завьяловского района была «вскрыта контрреволюционная кулацкая группировка» в количестве 18 человек. Среди них числились: 14 «кулаков», 2 бывший «каратель», 2 середняка-единоличника и 1 бывший зажиточный. Кроме саботажа, по материалам справки на арест, группа якобы готовила вооруженное восстание в момент интервенции со стороны Японии[557]. Такое обвинение, согласно особенной части УК, должно было бы квалифицироваться по ст. 58-2-11-14, однако было предъявлено более «простое» обвинение по ст. 58-10-11. Среди арестованных был учетчик Ф. Якунин. В постановлении на арест он сразу был обозначен «колчаковским карателем». На допросе Якунин показывал, что их отряд часто выезжал на карательные экспедиции в с. Тюменцово, но он в этих экспедициях не участвовал, так как работал официантом (а в армии служил рядовым). Если Красные занимали их дислокацию, они эвакуировались, потом возвращались обратно[558]. В обвинительном заключении Якунину записали, что он «участвовал в боях против красных партизан». Он отрицал все обвинения. Спецколлегия Западносибирского краевого суда приговорила его к пяти годам лагерей[559]. Интересно, что социальное происхождение Якунина также было изменено в угоду следствию: несмотря на наличие справки и характеристики о том, что он был выходцем из крестьян-середняков, в характеристике ее же авторами «середняк» зачеркнуто и исправлено на «кулак»[560], что, очевидно, было сделано по требованию следствия.

[557] ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12133. Л. 1.
[558] Там же. Л. 174.
[559] Там же. Л. 383, 425.
[560] Там же. Л. 65, 91.

Другой подобный пример относится уже к 1937 г., к раскрытию одной из ячеек РОВСа в Тогульском районе. Один из фигурантов обвинения, колхозник К. Сугаков, служил рядовым в белой армии в течение года и с 1919 по 1922 г. – в Красной армии. Он начал признавать свою вину со второго допроса, но не с самого начала. В обвинительном заключении он был назван «колчаковским карателем-добровольцем», хотя в документах дела об этом не было никакой информации. «Тройка», заседавшая 13 августа 1937 г., приговорила Сугакова к расстрелу[561].

В Кузбассе, по мнению Е.С. Гениной, процессы против «бывших» и «белых» были типичными до конца Большого террора. Как одна из категорий «врагов» они присутствовали в закрытых письмах ЦК ВКП(б) 18 января 1935 г. и 29 июля 1936 г., в оперативном приказе 00447. В 1935 г. в Анжеро-Судженском районе в Транспортном отделе рудоуправления была разоблачена «группа белогвардейцев». Следующей крупной «белогвардейской террористическо-диверсионной организацией» стала «группа» начальника Кемеровокомбинатстроя Я. Дробниса, который стал одним из 15 обвиняемых на втором «московском процессе»[562]. В Красноярском крае, по мнению А.А. Макарова, на протяжении 1934-1938 гг. среди арестованных значительную часть составляли «белогвардейцы», что было связано с существованием на территории края в годы гражданской войны ряда белогвардейских правительств[563].

Кратко остановимся на двух последних графах – «судимость» и «дальнейшие репрессии». Согласно материалам 19-% выборки, до момента ареста к различным срокам наказания было осуждено 136 чел. Таблица архивной БД «судимость» содержит 181 записей (из них 56% от тех, где статья известна - не политические), так как у одного человека могло быть несколько судимостей – две и более (36 чел.). Анализ показал, что количество предыдущих судимостей влияло на вынесенный приговор только в совокупности с другими

[561] ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5189/10. Л. 6, 10; Д. 5189/23. Л. 16, 46.
[562] Генина Е.С. Преследование «бывших белых» в Кузбассе…. С. 63-65.
[563] Макаров. Указ. соч. С. 150-151.

факторами. Два человека с четырьмя судимостями – П. Захаров и Г. Орехов - были приговорены к ВМН и к 10 годам ИТЛ. Отметим, что Захаров обвинялся по масштабному по сибирским меркам делу, заведенному среди работников Томской железной дороги. В ходе следствия ему было предъявлено обвинение в попытке совершения терактов против советской власти, в подрывной деятельности на железнодорожных путях и в троцкизме (ст. 58-8-9-11). Он был приговорен к ВМН вследствие признания вины и тяжести обвинения[564]. Мы можем предположить, что четыре судимости по ст. 111 УК РСФСР[565]. могли служить лишь отягчающим обстоятельством. Основанием для ареста Орехова послужило его некорректное поведение, описанное в доносе начальнику милиции от сотрудников Горсовета 19 августа 1936 г., а также то, что им был сорван со стены и изорван портрет Сталина. Вероятно, при таком «веском» обвинении на него могло повлиять и то, что Орехов служил и в царской, и в Красной армии, а также не имел постоянного места работы[566].

Лица, имевшие по три судимости, были приговорены к ссылке (ссыльные грузины). В период Большого террора репрессии против них были продолжены. Информация об этом содержится в архивной БД в таблице «дальнейшие репрессии». Она содержит 38 записей, из которых к периоду массовых операций 1937-1938 гг. относятся 22. Остальные записи свидетельствуют о продолжении следствия или пересмотре приговора в описываемый период. 16 из 22 чел., репрессированных в период Большого террора, были представителями «инонациональностей»; 12 чел. из них было приговорено к ВМН, что соответствовало «национальным» операциям.

***

Проведенный в главе анализ показал, что такие признаки, как уровень образования, партийная принадлежность, предыдущие судимости не явля-

[564] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 9796. Л. 13, 305, 309.
[565] Ст. 111 УК РСФСР: «Бездействие власти, т.-е. невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить…» // СУ РСФСР, 1926, N 80, ст. 600.
[566] ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 21891. Л. 5, 26.

лись важнейшими факторами, влияющими на вынесенный приговор, однако могли повлиять на степень его жесткости. Значительная часть репрессированных были малограмотными, что позволяет поставить вопрос о возможности совершения реальных контрреволюционных преступлений этой категорией граждан. Несмотря на относительно большой процент состоявших до ареста в ВКП(б), можно утверждать, что партийная принадлежность не могла спасти от ареста и сурового приговора, в особенности старых членов партии (с начала 1920-х гг.), однако они не были основной целью репрессий. Наиболее важным признаком из рассмотренных в параграфе является социальное происхождение репрессированного – анализ показал, что от репрессий в большей степени пострадали не «чуждые» советскому обществу выходцы из зажиточных крестьян, а вполне «советские» крестьяне-середняки. В рассматриваемый период принадлежность к рядам белых могла сама по себе стать решающим фактором для ареста. Анализ указанных характеристик, в том числе в совокупности с другими, позволил реконструировать более полный социальный портрет репрессированных на Алтае.

Глава 5. Практика осуждений по статье 58 УК РСФРСР

В данной главе рассматривается практика применения статьи 58 УК РСФСР в ходе репрессий на Алтае. Анализируется изменение предъявляемых обвинений на протяжении рассматриваемого периода. Обвинение по статье 58 заключалось в предъявлении разных ее пунктов и их сочетаний в рамках обвинения одного человека. В первом параграфе такая совместная встречаемость анализируется по годам. Во втором параграфе рассматривается статистика вынесения приговоров по разным органам осуждения, действовавшим в рассматриваемый период.

5.1. Анализ частот встречаемости пунктов статьи 58 УК РСФСР в ходе репрессий на Алтае

Уголовный кодекс РСФСР, содержащий печально известную статью 58, был опубликован в ноябре 1926 г. и вступил в силу с 1 января 1927 г. В первоначальном варианте ст. 58 содержала 18 пунктов и отличалась от той, которая действовала в 1930-1940-х гг[567]. Она была введена в действие «Положением о преступлениях государственных», принятым 3-й сессией III созыва ЦИК СССР 25 февраля 1927 г.[568] Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июня 1927 года в новой редакции 18 пунктов были заменены на 14 (здесь и далее – см. приложение 8). 8 июня 1934 г. постановлением ЦИК были введены ст. 58-1а - 58-1г[569].

Отметим, что в историографии тема применения пунктов ст. 58 еще не достаточно раскрыта. Нами были выявлены лишь несколько примеров. В своей работе «Репрессии. Как это было» В.Н. Уйманов приводит краткий анализ обвинений по 58 статье в Томской области. Он указывает, что в первые годы после принятия УК осуждение проходило по какому-нибудь одному пункту, в основном за «теракт» или «вредительство». Позднее, в годы коллективизации и после нее, следователи включали в обвинение два пункта,

[567] СУ РСФСР. 1926. №80. Ст. 600.
[568] СЗ СССР 1927. №12. Ст.123.
[569] СЗ СССР 1934. №33. Ст.255

чаще всего ст. 58-2-10 или ст. 58-2-11. В 1937-1938 гг. человеку могло быть предъявлено обвинение по пяти и более пунктам статьи 58. В Томске в 1927-1953 гг. наибольшее количество человек было осуждено по ст. 58-10 и 58-11 – 75,8% и 71,9% соответственно (учитывая то, что в обвинении могло быть более одного пункта ст. 58). Следующей по численности группой были осужденные по ст. 58-2 (52%)[570].

Иногда в аналитических материалах к Книгам памяти можно встретить статистику использования ст. 58. В такой статистике подсчитаны частоты встречаемости каждого конкретного пункта статьи 58 без пересечений с другими. Например, в Кемеровской области из более чем шести тысяч человек, репрессированных в сталинские годы, информация о которых зафиксирована в двух томах Книги памяти, статьи распределились следующим образом: наибольшее количество человек было осуждено за участие в контрреволюционных группах (ст. 58-11), вооруженные восстания (ст. 58-2) и антисоветскую агитацию (ст. 58-10)[571]. Так как количество человек, осужденное по этим статьям, в сумме дает более четырех тысяч, очевидно, что эти пункты часто встречались в сочетаниях друг с другом в рамках одного обвинения. На Алтае, отмечает Г.Д. Жданова, с 1928 г. начинает расти доля обвинений в «антисоветской агитации» – к 1933 г. она составила 20% от всех обвинений. В этот период редко встречались обвинения во «вредительстве» (п. 7)[572].

В статье, посвященной анализу Большого террора в Солтонском районе Алтайского края, авторы, Г.Д. Жданова и В.Н. Разгон, кратко затрагивают основные пункты обвинения по ст. 58 в указанном районе в 1937-1938 гг. Наибольшее количество репрессированных было осуждено (в сочетании с другими пунктами) по ст. 58-11 (96% от числа осужденных), 58-2 (82,1%), 58-7 (53,7%), 58-10 (32,6%). При этом авторы подчеркивают, что важную роль в обвинении сыграли пункты 7, 9 и 14 (см. Приложение 8), направленные против «разлагающих» колхозный строй, так как в преимущественно

[570] Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было… Томск, 1995. С. 67-68.
[571] Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской обл. Т.1. С. 7-8. Т. 2. С. 14.
[572] Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг. С. 101.

аграрном крае репрессии были нацелены, среди прочего, на укрепление колхозного строя[573].

Целью данного параграфа является анализ встречаемости пунктов ст. 58 и их сочетаний в практике осуждений в период, предшествующий Большому террору. Такой анализ позволят проследить изменения в практике осуждений с конца 1934 г. до первой половины 1937 гг., определить, какие обвинения доминировали в определенные периоды времени, проанализировать, как усложнялись обвинения по мере продвижения к Большому террору. В течение двух с половиной лет закладывались основные репрессивные «линии», которые в полной мере были реализованы в приказе 00447, «открывшем» Большой террор, а также в операциях по другим приказам 1937-1938 гг. В эти годы на Алтае от репрессий пострадали 1,02% численности населения, что является значительной величиной: к примеру, в Горьковской области было репрессировано 0,26% населения, в Башкирской АССР – 0,47%, в Северо-Осетинской АССР – 0,84%[574]. В связи с этим вызывает интерес вопрос о причине такого высокого показателя: что представляла из себя репрессивная политика предыдущего периода, в частности, какие обвинения выдвигались наиболее часто.

Работа проводилась на основе БД «Мемориала» и по архивной БД, к которым были произведены запросы на выборку. Так как часть дел на арестованных в рассматриваемый период была завершена в период Большого террора и после его окончания в ноябре 1938 г., выборка производилась по дате ареста. Принимая во внимание, что нередко (особенно после лета 1936 г.) обвинение могло поменяться в ходе следствия и соответствовало определенным «установкам» на репрессии в разных слоях общества в каждый конкретный период, мы рассматриваем отдельно случаи, когда человек был арестован и осужден в разных годах. Анализ результатов запросов был выполнен в про-

[573] Разгон В.Н., Жданова Г.Д. Большой террор в ракурсе микроисторического исследования… С. 77-79.
[574] Лягушкина Л.А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937-1938 гг.) в Карельской АССР. С. 37.

грамме Microsoft Excel. При помощи совместного использования функций («СЧЕТЕСЛИ», «СЧЕТЕСЛИМН») были получены парные частоты встречаемости каждого пункта статьи 58, а также с использованием формулы подсчитаны процентные соотношения. Ниже приведены основные результаты данной работы и их интерпретация.

В декабре 1934 г. на Алтае было репрессировано 69 чел. Наиболее часто встречающейся статьей обвинения с одним пунктом является ст. 58-10 (25 случаев). Восемь человек было осуждено по ст. 58-9. В сочетании нескольких пунктов в декабре 1934 г. наиболее часто обвинение квалифицировалось по ст. 58-10 (30 случаев), 58-11 (28) и 58-4 (18) (см. приложение 9). Обратимся к данным табл. 13*.

Таблица 13. Парные частоты встречаемости пунктов ст. 58 в декабре 1934 г.[575]

	В сочетаниях от двух и более пунктов[576]							Всего сочетаний
	58-4	58-8	58-10	58-11	58-12	58-13	58-14	
58-4	0 0,0	0 0,0	18 **42,8**	18 **42,8**	0 0,0	0 0,0	6 **14,2**	42 **100%**
58-8	0 0,0	0 0,0	6 **37,5**	5 **31,25**	4 **25,0**	1 **6,2**	0 0,0	16 **100%**
58-10	18 **31,0**	6 **10,3**	0 0,0	28 **48,2**	0 0,0	0 0,0	6 **10,3**	58 **100%**
58-11	18 **31,5**	5 **8,7**	28 **49,1**	0 0,0	0 0,0	0 0,0	6 **10,5**	57 **100%**
58-12	0 0,0	4 **100,0**	0 0,0	0 0,0	0 0,0	0 0,0	0 0,0	4 **100%**
58-13	0 0,0	1 **100,0**	0 0,0	0 0,0	0 0,0	0 0,0	0 0,0	1 **100%**
58-14	6 **33,3**	0 0,0	6 **33,3**	6 **33,3**	0 0,0	0 0,0	0 0,0	18 **100%**

* Отметим, что графа «Всего сочетаний» отражает не фактическую частоту встречаемости конкретного пункта статьи, а сумму всех частот встречаемости данного пункта с другими пунктами ст. 58. Так, пункт 14 встретился в пересечении с другими пунктами шесть раз (см. приложение 9), то есть по шесть раз он инкриминировался в обвинении с пунктом 10 и пунктом 11, итого 18 в графе «Всего сочетаний».

[575] Составлено по данным БД «Мемориала» («Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. . 4-е изд. М., 2007).

[576] Полный текст Особенной части УК дан в приложении 8, здесь приведем краткие формулировки пунктов статьи 58. Пункт 4 – «помощь международной буржуазии», 8 – «терроризм», 10 – «антисоветская агитация и пропаганда», 11 – «участие в контрреволюционной группе», 12 – «недонесение о преступлении», 13 – «царистская или белогвардейская контрреволюционная деятельность», 14 – «саботаж».

Как показывает табл. 13, в 31% случаев ст. 58-4 инкриминировалась обвиняемому вместе со ст. 58-10 и в том же количестве случаев со ст. 58-11. 12 чел., обвиненных, среди прочего, по ст. 58-4, проходили по делу «существовавшей» в Немецком районе ЗСК «националистической организации», которая, по данным следствия, осуществляла подрывную работу в колхозах[577]. Данное дело было заведено в конце ноября 1934 г. и продолжалось до середины апреля 1935 г. Все обвиняемые по нему, немцы по национальности, были приговорены к длительным срокам заключения в «концлагерь» (так в источнике – прим. Е.М.), а Г. Нейман, участник «контрреволюционного фашистского формирования», «кулак»-лищенец, был приговорен к расстрелу, замененному в августе 1935 г. 10 годами заключения[578].

Еще пяти обвиняемым также инкриминировались три пункта ст. 58: 4, 10 и 11 – это фигуранты дела о руководстве Немецкого района. Всего по нему было осуждено 33 чел., из которых 28 арестованы до декабря 1934 г.: ответственные работники районных партийных, советских, хозяйственных организаций, представители национальной интеллигенции. Они составляли якобы созданную в апреле 1933 г. по заданию Москвы контрреволюционную фашистскую организацию. Среди ее участников были и «вредители» - колхозники и работники инкубаторской станции в пос. Гришевка. По приговору Спецколлегии три человека были приговорены к расстрелу, остальные – к срокам заключения от трех до 10 лет[579]. Интересно, что среди пунктов обвинения «вредительство» (ст. 58-7) в декабре 1934 г. не присутствует.

В 1935 г. из 541 чел. 325 были осуждены по ст. 58-10. В сочетаниях чаще всего встречались[580] ст. 58-10 (78 случаев), 58-11 (49) и 58-14 (48) (см. приложение 9). Количество обвинений с одним пунктом (на 259 чел.) суще-

[577] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 8896. Л. 2, 7, 12, 18, 24, 31.
[578] Там же. Л. 72-73, 218, 218об, 226, 228.
[579] Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири. С. 186, 191 - 192.
[580] Далее приведены фактические частоты встречаемости в сочетаниях (сколько раз указанный пункт встретился в рамках одного сочетания).

ственно превышало даже самое большое количество обвинений с сочетанием нескольких пунктов. Обратимся к сочетаниям в табл. 14*.

Таблица 14. Парные частоты встречаемости пунктов ст. 58 в 1935 г[581].

В сочетаниях от двух и более пунктов[582]										
	58-2	58-4	58-6	58-7	58-8	58-9	58-10	58-11	58-14	Всего сочетаний
58-2	0 0,0	0 0,0	0 0,0	0 0,0	0 0,0	0 0,0	0 0,0	11 **100,0**	0 0,00	11 **100%**
58-4	0 0,00	0 0,00	0 0,00	0 0,00	0 0,00	0 0,00	4 **57,1**	3 **42,9**	0 0,00	7 **100%**
58-6	0 0,00	0 0,00	0 0,00	0 0,00	0 0,00	3 **50,00**	0 0,00	3 **50,00**	0 0,00	6 **100%**
58-7	0 0,00	0 0,00	0 0,00	0 0,00	1 **25,0**	0 0,00	2 **50,0**	1 **25,0**	0 0,00	4 **100%**
58-8	0 0,00	0 0,00	0 0,00	1 **9,1**	0 0,00	0 0,00	8 **72,7**	1 **9,1**	1 **9,1**	11 **100%**
58-9	0 0,00	0 0,00	3 **21,4**	0 0,00	0 0,00	0 0,00	0 0,00	11 **78,6**	0 0,00	14 **100%**
58-10	0 0,00	4 **5,0**	0 0,00	2 **2,5**	8 **10,0**	0 0,00	0 0,00	20 **25,0**	46 **57,5**	80 **100%**
58-11	11 **20,8**	3 **5,7**	3 **5,7**	1 **1,9**	1 **1,9**	11 **20,8**	20 **37,7**	0 **0,0**	2 **3,8**	53 **100%**
58-14	0 0,00	0 0,00	0 0,00	0 0,00	1 **2,1**	0 0,0	46 **95,8**	2 **4,2**	0 0,0	48 **100%**

* В таблице не учтены частоты встречаемости пунктов ст. 58 только со статьями 16, 17, 19 без сочетаний с другими пунктами ст. 58 (например, 17-58-8).

Из табл. 14 видно, что в 100% случаев обвинения по ст. 58-2 инкриминировались вместе с пунктом 11. По мере продвижения к Большому террору количество обвинений по такому сочетанию пунктов статьи 58 постоянно росло. Отметим, что в Ойротии наблюдается другая тенденция – очевидно, там пункт 2 в обвинении инкриминировался массово на протяжении всего рассматриваемого периода[583]. В 1935 г. на Алтае по ст. 58-2-11 было осуждено 11 чел., дела на двоих из них были индивидуальными (хотя пункт 11 под-

[581] Составлено по данным БД «Мемориала» («Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. . 4-е изд. М., 2007).

[582] Краткие формулировки некоторых пунктов статьи 58 (подробнее см. приложение 8): 2 – «вооруженное восстание», 6 – «шпионаж», 7 – «вредительство», 9 – «диверсии».

[583] У нас нет сведений о пунктах статьи 58, по которым предъявляли обвинения в Ойротской АО, однако мы можем сделать указанный вывод, исходя из предъявлявшихся на каждом из известных групповых процессов в Ойротии обвинений в «национализме» и «попытке организовать восстание за отделение от СССР Ойротской АО в момент нападения одного из капиталистических государств».

разумевал «всякого рода организационную деятельность» - см. Приложение 8). В мае 1935 г. по указанной статье был арестован А. Килин. Пункт 2 в обвинении Килина мог появиться из-за его политического прошлого – службы в рядах белой армии. В мае 1935 г. следствие по его делу было прекращено за отсутствием состава преступления[584].

В сочетаниях с пунктом 10 ст. 58 больше всего встречается пункт 14: по ст. 58-10-14 было приговорено 46 чел., пять из них - к высшей мере наказания. Однако большая часть дел – на 20 чел. – была прекращена за недоказанностью обвинения. Обвиняемые по ст. 58-10-11 статье получали различные лагерные сроки (кроме двух человек, дела которых были прекращены). 45% обвиняемых по такому сочетанию пунктов статьи 58 были рабочими и служащими. По обвинению в саботаже и антисоветской агитации в основной массе приговаривали работников сельского хозяйства (85%). Это полностью соответствовало обвинениям периода коллективизации.

Дела на 185 чел. (34,2% от арестованных в 1935 г.) были прекращены в 1936 г. и позже. Среди них все дела из указанных в табл. 14, в которых в обвинении содержался пункт 7 («вредительство»).

В 1936 г. наибольшее количество обвинений с одним пунктом было предъявлено по ст. 58-10 – 241 случая. В сочетаниях возросла доля ст. 58-2 (19) и 58-11 (142), также по сравнению с 1935 г. увеличилось количество инкриминирования ст. 58-10 в сочетании с другими пунктами (122) (см. приложение 9). Рассмотрим сочетания подробнее, для этого обратимся к табл. 15:

[584] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 865. Л. 52.

Таблица 15. Парные частоты встречаемости пунктов ст. 58 в 1936 г[585].

	В сочетаниях от двух и более пунктов										Всего сочетаний
	58-2	58-4	58-6	58-7	58-8	58-9	58-10	58-11	58-12	58-14	
58-2	0 0,00	0 0,00	4 **10**	4 **10**	1 **2,5**	1 **2,5**	10 **25**	19 **47,5**	1 **2,5**	0 0,0	40 **100%**
58-4	0 0,0	0 0,0	1 **12,5**	0 0,0	0 0,00	0 00	3 **37,5**	4 **50,0**	0 0,0	0 0,0	8 **100%**
58-6	4 **21,1**	1 **5,3**	0 **0,0**	3 **15,8**	0 **0,0**	2 **10,5**	2 **10,5**	6 **31,6**	1 **5,3**	0 0,0	19 **100%**
58-7	4 **11,8**	0 **0,0**	3 **8,8**	0 0,0	10 **29,4**	0 0,0	3 **8,8**	14 **41,2**	0 0,00	0 0,0	34 **100%**
58-8	1 **2,6**	0 **0,0**	0 **0,0**	10 **26,3**	0 **0,0**	3 **7,9**	3 **7,9**	21 **55,3**	0 **0,0**	0 **0,0**	38 **100%**
58-9	1 **7,7**	0 0,0	2 **15,4**	0 0,0	3 **23,1**	0 0,0	1 **7,7**	6 **46,2**	0 0,00	0 0,00	13 **100%**
58-10	10 **7,0**	3 **2,1**	2 **1,4**	3 **2,1**	3 **2,1**	1 **0,7**	0 0,0	110 **77,5**	1 **0,7**	9 **6,3**	142 **100%**
58-11	19 **10,4**	4 **2,2**	6 **3,3**	14 **7,7**	21 **11,5**	6 **3,3**	110 **60,4**	0 **0,0**	1 **0,5**	1 **0,5**	182 **100%**
58-12	1 **25,0**	0 0,0	1 **25,0**	0 0,0	0 0,0	0 0,0	1 **25,0**	1 **25,0**	0 0,0	0 0,0	4 **100%**
58-14	0 0,0	0 0,0	0 0,0	0 0,0	0 0,0	0 0,0	9 **90,0**	1 **10,0**	0 0,0	0 0,0	10 **100%**

Из всех арестованных в 1936 г. пункт 2 в обвинении встретился у 19 чел. По табл. 15 видно, что во всех случаях он инкриминировался вместе с пунктом 11 (вооруженное восстание подразумевало организационную деятельность). Однако с 1936 г. к этому обвинению, которое инкриминировалось в 1935 г. в 11 случаях, добавляется пункт 10 об «антисоветской агитации» (в шести случаях). В четырех случаях по этой статье были осуждены военнослужащие. Дела по обвинениям, содержащим четыре и более пунктов (58-2-6-7-11, два случая, 58-2-7-8-10-11, один случай), были завершены в годы Большого террора. Одним из обвиняемых по ст. 58-2-6-7-11 был В. Савицкий, техник на строительстве барнаульской нефтебазы. Следствие по его делу было развернуто в сентябре 1936 г. и продолжалось в течение двух лет. Обвиняемый сразу признал себя виновным в хищениях, которые он производил вместе с начальником строительства и бухгалтером нефтебазы, что соответствует закону от 7 августа 1932 г., по которому было предъявлено изна-

[585] Составлено по данным БД «Мемориала» («Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. . 4-е изд. М., 2007).

чальное обвинение, однако в ходе следствия на него «повесили» вредительство (пункт 7), шпионаж и вооруженное восстание. В деле нет документа об изменении обвинения – о добавлении к нему пунктов 2 и 11. Вероятно, появлению этих пунктов способствовало «признание» Савицкого на допросе в январе 1938 г., что он скрыл от следствия участие в контрреволюционной шпионско-диверсионной организации, в которую был завербован начальником строительства нефтебазы[586]. Только в сентябре 1938 г. Савицкий был приговорен к 10 годам ИТЛ[587].

У арестованных в 1936 г. в обвинении возрастает частота встречаемости упоминания пункта 7 – «подрыв государственной промышленности… с использованием государственных учреждений». Без сочетания с другими пунктами он встречается один раз – у директора совхоза Я. Митта, дело которого было прекращено за недоказанностью обвинения в декабре 1936 г. Чаще (в 26,7% случаев) пункт 7 встречался в обвинении с пунктом 8 («терроризм»). Дела по таким обвинениям были закончены до Большого террора (кроме одного). Из десятерых обвиняемых восьмерых приговорили в судебном порядке – через Военную коллегию Верховного суда (в годы Большого террора этот орган осуждения рассматривал приговоры по «сталинским спискам» в упрощенном порядке закона от 1 декабря 1934 г. – судебная процедура была формальностью[588]). Один пункт 8 без сочетаний с другими инкриминировался дважды. В обоих случаях дело было прекращено. Увеличилось количество обвинений в шпионаже: из всех арестованных в 1936 г. обвинения с пунктом 6 были предъявлены 23 людям (в 1935 г. – десятерым), дела на 16 из них завершились до Большого террора.

Отметим, что заметно снизилось количество обвинений в «саботаже в контрреволюционных целях» (пункт 14): если в 1935 г. он встретился в сочетаниях 48 раз (согласно табл. 14), то в 1936 г. только 10. Очевидно, это было

[586] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7034. Л. 429.
[587] Там же. Л. 16, 60, 451.
[588] См. подробнее комментарии к проекту «Мемориала» по публикации сталинских расстрельных списков [Электронный ресурс]: - URL: http://stalin.memo.ru/images/intro.htm (дата обращения: 04.01.2018)

связано с изменением общей обвинительной «линии». Колхозников продолжали приговаривать за «антисоветскую агитацию», а роль саботажа в обвинении отошла на второй план. Вероятно, также это было связано с невыполнением плана хлебопоставок: значительное количество обвинений в саботаже с конца 1934 г. было связано с сопротивлением хлебозаготовкам по всем районам Западной Сибири. Особенно сильно оно проявилось в районах с немецким населением[589]. В директивном письме Верховного суда СССР от 17 мая 1935 г. отмечалось, что кампания текущего года «проходит в условиях громадного трудового подъема и значительно лучшей организованности, чем в прошлом году». Верховный суд призывал не допустить «извращений и судебных ошибок» прошлого года, однако подчеркивалось: «Опыт судебной работы по хлебопоставкам прошлого года показал, какое огромное значение для успеха кампании имеет своевременная, меткая и решительная судебная репрессия»[590]. Очевидно, что в течение 1935 г. любые нарушения в работе колхозной системы также объяснялись происками «врагов» и «саботажников».

В 1935 г. 79% предъявленных обвинений содержал только один пункт статьи 58. В 1936 г. этот процент сократился до 63%. При этом сущность обвинения поменялась незначительно: из 222 дел на арестованных в 1936 г. и законченных в течение года или в январе-феврале 1937 г. (до февральско-мартовского пленума и изменения курса репрессивной политики) 209 чел. (89%) обвинялись по статьям, содержащим пункты 10 и 11 (как только их по отдельности, так и в сочетаниях). Документы свидетельствуют, что обвинения в антисоветской агитации были наиболее частными в 1935 – начале 1936 гг[591]. Согласно директивному письму прокурора И.А. Акулова от 23 января 1935 г., контрреволюционные преступления, одобряющие террористические акты в отношении вождей партии и правительства, должны были ква-

[589] Белковец Л.П. Указ. соч. С. 171.
[590] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16. Д. 4303. Л. 1. Archives of the Soviet communist party and Soviet state microfilm collection, [Reel 3.51], Hoover Institution Archives
[591] История сталинского ГУЛАГа. С. 253.

лифицироваться по ст. 58-10 (что в октябре 1937 г. было признано А.Я. Вышинским как «политически неправильное» разъяснение – такие преступления было предложено квалифицировать по ст. 17-58-8[592]). Вероятно, это обусловило в практике осуждений значительное количество обвинений за антисоветскую агитацию, которая на самом деле должна была быть причислена к ст. 58-8. Например, такая ситуация наблюдалась в 1935 – начале 1936 г. в Красноярске, где «терроризм» и «антисоветская агитация» были основными обвинениями[593].

Общее количество пунктов обвинения на Алтае в абсолютном большинстве случаев не превышало двух. Меняется количество «групповых» обвинений (содержащих пункт 11): с 39 чел., дела по которым закончены в 1935 г. до 57 чел. в 1936 г.

В 1937 г. количество обвинений с одним пунктом по всем пунктам ст. 58 значительно уменьшилось, но увеличилось количество дел различных «контрреволюционных объединений», обвинение фигурантам которых предъявлялось по трем и более пунктам ст. 58. Среди обвинений с одним пунктом наибольшие показатели остались у ст. 58-10 (162 случая из 699 чел., арестованных в первой половине 1937 г.). Значительно увеличилась встречаемость практически всех пунктов ст. 58 в сочетаниях (см. приложение 9). Согласно имеющимся данным, ни разу не были инкриминированы п. 3, 5 ни сами по себе, ни в сочетании с другими. По словам В.Н. Уйманова, это объясняется тем, что из Западной Сибири сложно было «допускать сношение» с иностранными государствами[594] (см. расшифровку пунктов 3 и 5 в приложении 8). В 1937 г. впервые в сочетаниях появился пункт 1 – в основном, 1а (28 случаев из 30 сочетаний). Более чем в три раза выросла доля п. 11 в сочетании с другими: 472 случаев против 142 в 1936 г. (см. приложение 9). Рассмотрим парные встречаемости пунктов ст. 58 в первой половине 1937 г.:

[592] История сталинского ГУЛАГа. С. 655.
[593] Макаров А.А. Указ. соч. С. 29.
[594] Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было. С. 69.

Таблица 16. Парные частоты встречаемости пунктов ст. 58 с 1.01. по 30.06.1937 г.[595]

В сочетаниях от двух и более пунктов												Всего сочетаний
	58-1	58-2	58-4	58-6	58-7	58-8	58-9	58-10	58-11	58-13	58-14	
58-1[596]	0 0,0	19 **20,2**	0 0,0	4 **4,3**	11 **11,7**	10 **10,6**	4 **4,3**	15 **16,0**	30 **31,9**	1 **1,1**	0 0,0	94 **100%**
58-2	19 **3,0**	0 **0,0**	2 **0,3**	64 **10,1**	64 **10,1**	67 **10,6**	69 **10,9**	127 **20,0**	222 **35,0**	0 **0,0**	0 **0,0**	634 **100%**
58-4	0 0,00	2 **20,0**	0 0,00	2 **20,0**	0 0,00	1 **10,0**	0 0,00	1 **10,0**	4 **40,0**	0 0,0	0 0,0	10 **100%**
58-6	4 **1,2**	64 **19,7**	2 **0,6**	0 **0,0**	27 **8,3**	38 **11,7**	45 **13,8**	46 **14,2**	99 **30,5**	0 **0,0**	0 **0,0**	325 **100%**
58-7	11 **2,9**	64 **16,8**	0 **0,0**	27 **7,1**	0 **0,0**	69 **18,1**	9 **2,4**	66 **17,3**	131 **34,4**	1 **0,3**	3 **0,8**	381 **100%**
58-8	10 **2,5**	67 **16,8**	1 **0,3**	38 **9,5**	69 **17,3**	0 0,0	32 **8,0**	52 **13,0**	128 **32,1**	2 **0,5**	0 0,0	399 **100%**
58-9	4 **1,2**	69 **20,5**	0 0,0	45 **13,4**	9 **2,7**	32 **9,5**	0 0,0	46 **13,7**	131 **39,0**	0 0,0	0 0,0	336 **100%**
58-10	15 **2,3**	127 **19,8**	1 **0,2**	46 **7,2**	66 **10,3**	52 **8,1**	46 **7,2**	0 **0,0**	267 **41,7**	1 **0,2**	19 **3,0**	640 **100%**
58-11	30 **2,9**	222 **21,5**	4 **0,4**	99 **9,6**	131 **12,7**	128 **12,4**	131 **12,7**	267 **25,8**	0 **0,0**	1 **0,1**	20 **1,9**	1033 **100%**
58-13	1 **16,7**	0 0,0	0 0,0	0 0,0	1 **16,7**	2 **33,3**	0 0,0	1 **16,7**	1 **16,7**	0 0,0	0 0,0	6 **100%**
58-14	0 0,0	0 0,0	0 0,0	0 0,0	3 **7,1**	0 0,0	0 0,0	19 **45,2**	20 **47,6**	0 0,0	0 0,0	42 **100%**

Как следует из табл. 16 и приложения 9, все 30 случаев сочетания пункта 1 приходятся на п. 11 (31,9% среди общего количества в сочетаниях), при этом еще в 19 случаях с ними в связке инкриминировался пункт 2 (20,2%) и в 15 случаях пункт 10 (16%) («измена Родине, вооруженное восстание, антисоветская агитация, контрреволюционная группа»). По архивным документам 15 чел., причастных к делу РОВС, были приговорены по данной статье. 17 июня 1937 начальником УНКВД Западно-Сибирского края С.Н. Мироновым была подана справка в крайком ВКП(б) о вскрытии на территории ЗСК кадетско-монархической и эсеровской организации, которая по заданиям японской разведки и «Российского общевоинского союза» готовила вооруженный переворот и захват власти. Тогда же справка была направлена наркому внут-

[595] Составлено по данным БД «Мемориала» («Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. . 4-е изд. М., 2007).

[596] Краткая формулировки пункта 1 статьи 58 – «измена Родине» (подробнее см. приложение 8).

ренних дел СССР. Поданная в Москву информация сыграла существенную роль в разработке будущей «кулацкой операции»[597].

Руководителем «контрреволюционной кадетско-монархической организации», созданной в г. Бийске, был указан М. Ефанов, заведующий магазином, происходивший из крестьян-середняков. Вероятнее всего, что причиной подобного обвинения, а также приговора к расстрелу стало несколько факторов: политическое прошлое – бывший казачий генерал-майор (в 1939 г. на допросе бывшего оперуполномоченного Г.С. Каменских выяснилось, что на самом деле Ефанов был подполковником[598]), командующей казачьей дивизией в армии генерала Деникина, наличие Георгиевских крестов и звания Донского казака, а также (причина обвинения в связях с иностранцами) наличие в Белграде брата – бывшего белого офицера. Все обвиняемые по делу Ефанова были приговорены к расстрелу, за исключением П. Вдовина и Г. Селиверстова, приговоренных к восьми годам и 10 годам ИТЛ соответственно[599]. Причинами, по которым их приговор не столь суров, как у остальных участников организации, могут быть в первом случае возраст обвиняемого (на момент приговора ему было 26 лет), во втором случае только частичное признание вины.

В первой половине 1937 г. в обвинении значительно возросла роль пункта 11, со 182 до 1033 случаев в сочетаниях. Это говорит о том, что следователи пытались «связать» как можно больше людей в организованные группы, то есть они выполняли задания по «вскрытию» всевозможных ячеек. Приведем примеры по архивным материалам. В апреле 1937 г. органами НКВД была ликвидирована «контрреволюционная повстанческая террористическая организация» в Тогульском районе, которая, по материалам следствия, являлась филиалом РОВС в Западно-Сибирском крае. Из 23 обвиняемых по этому делу по ст. 58-2-7-8-11 15 чел. были приговорены к расстре-

[597] Аблажей Н.Н. «РОВСовская операция» НКВД… С. 54.
[598] Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965. С. 118.
[599] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4649. Л. 391, 392.

лу[600], остальные получили сроки заключения в ИТЛ от пяти до восьми лет. Примечательно, что к пяти годам ИТЛ был приговорен С. Иванов, 1919 г.р., и С. Семеньков, который не признал себя виновным[601]. Схожая ситуация наблюдалась и в другом деле РОВС, рассмотренном выше.

Во время «раскручивания» дела РОВС любой, кто имел «пятна» в политическом прошлом, мог стать его потенциальным фигурантом. 18 апреля 1937 г. был арестован М. Ященко, «участник шпионо-диверсионной организации на Томской железной дороге» (ст. 58-6-9-11). Следствием было установлено, что Ященко работал под началом П. Захарова[602], арестованного в октябре 1936 г. за троцкистскую деятельность и приговоренного к расстрелу в апреле 1937 г. по ст. 58-8-9-11[603]. Также по сведениям анкеты, с 1918 по 1920 г. Ященко служил унтер-офицером в армии Колчака, за что следователи предъявили ему обвинение в том, что по его приказу в годы Гражданской войны производились расстрелы контрреволюционно настроенных рабочих, а также в том, что он быстро продвинулся по службе за услуги колчаковской контрразведке, однако Ященко отрицал все обвинения, в том числе и в шпионаже. Тем не менее, в сентябре 1937 г. на основании показаний обвиняемого по другому делу В. Рымши Ященко «стал» участником РОВС. Он был приговорен к расстрелу «тройкой» в октябре 1937 г. по ст. 58-2-6-9-11, несмотря на то, что на протяжении следствия не было документов, подтверждающих совершение преступления по пункту 2[604].

В 1937 г. значительно возросла роль обвинений в шпионаже: частота совместной встречаемости у пункта 6 возросла с 19 в 1936 г. до 325 в первой половине 1937 г. В 30,5% случаев он встретился в рамках одного обвинения с пунктом 11 и в 19,7% случаев – с пунктом 2. 63 чел., арестованных в начале 1937 г., были приговорены по обвинениям, в котором присутствовали эти три пункта. Все дела на них были завершены в период Большого террора.

[600] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5189/23. Л. 11, 28, 30, 32, 38, 40, 44, 46, 48, 52-54, 57.
[601] Там же. Л. 18-19, 34, 37.
[602] Там же. Д. 6193. Л. 5, 14.
[603] Там же. Д. 9796. Л. 13, 305.
[604] Там же. Л. 15-16, 49, 113, 116.

1937 г. пункты 7 и 8 часто инкриминировались в связке друг с другом, а также с пунктом 11. Из 69 сочетаний пунктов 7 и 8 в 66 случаях они шли в связке с пунктом 11. По архивным документам выявлено 26 таких случаев. Согласно одному из них, в мае 1937г. был арестован А. Федоров, директор маслозавода в с. Солонешное, по обвинению в «активном участии в право-эсеровской организации, проводившей подрывную деятельность и контрреволюционную агитацию в системе маслопрома» (ст. 58-7-11). В июне обвинение было «уточнено»: «агент иностранной разведки, участник эсеровской шпионо-террористической организации» (ст. 58-6-8-11). Федоров «признавался» в обвинениях постепенно: в конце мая ему было неизвестно о фактах террора, однако 1 июля он признался, что скрыл от следствия факт террористической деятельности и то, что он был английским шпионом. Накануне обвиняемый признался, что целью их террористической организации было убийство Эйхе, первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б)[605]. Вместе с Федоровым был арестован И. Пурин, монтер, латыш по национальности, что, вероятно, и стало причиной репрессии. На основании показаний некого А. Арайса Пурина обвинили в руководстве ячейкой контрреволюционной эсеровской организации, существовавшей в Алтайском районе ЗСК. В обвинительном заключении Пурину было приписаны связи с Японией, что, по неясным причинам, не отразилось в пунктах обвинения (ст. 58-7-8-10-11) и материалах следствия[606]. Основываясь на них, есть основания предполагать, что статьи обвинения у Федорова и Пурина были перепутаны, так как второй (согласно обвинению) не проводил антисоветскую агитацию (п. 10) и не способствовал подрыву государственной промышленности (п. 7), что соответствует обвинению, предъявленному Федорову. Тем не менее, оба фигуранта дела были расстреляны по приговору «тройки» в октябре 1937 г[607].

Из 26 чел., в обвинении которых присутствовал пункт 14 в сочетании с другими, 18 чел. были колхозниками. Приговоры им, выносимые за саботаж,

[605] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5518. Л. 2, 8-9, 12, 25 об., 27-28.
[606] Там же. Л. 54, 57, 103, 156, 160.
[607] Там же. Л. 162, 164.

были уже серьезнее, чем в предыдущие годы: 11 чел. были приговорены к расстрелу, остальные – к лагерям на 8-10 лет. Все приговоры по обвинению, содержащему пункт 14, были вынесены на «тройках» в июле-августе 1937 г. По такому обвинению арестовывали до мая. В июне пункт 14 в обвинениях не встречается. На протяжении рассматриваемого периода в количестве вынесенных приговоров за саботаж отразилось изменение курса репрессивной политики и смещение в нем акцентов на более «серьезные» преступления. Если среди всех остальных пунктов статьи 58 в обвинениях можно найти самые разные их комбинации, пункт 14 инкриминировался только с пунктами 10, 11 и 7 (см. таблицу 16).

Таким образом, анализ частот встречаемости пунктов статьи 58 показал неуклонное ужесточение репрессивной политики по мере приближения к июлю 1937 г. на основе выдвигаемых обвинений. Наибольшее количество обвинений с несколькими пунктами ежегодно выдвигалось по ст. 58 п. 10 или 11, при этом количество приговоров «организованным группам» в 1937 г. достигло максимума за период – из 699 чел., арестованных за первую половину 1937 г., 67% были приговорены по обвинению, содержащему, среди прочих, пункт 11[608]. По мере продвижения к Большому террору карательные органы выносили все меньше обвинений по ст. 58 с одним пунктом: их количество по отношению к общему количеству приговоренных снизилось с 80% в 1935 г. до 27% в первой половине 1937 г., в то время как встречаемость разных пунктов ст. 58 в сочетаниях выросла с 223 сочетаний в 1935 г. до 1583 в начале-середине 1937 г.

В декабре 1934 г. в русле проводимой антинемецкой кампании значительное количество приговоров было вынесено немцам по ст. 58-4, 10, 11 – помощь иностранной буржуазии, антисоветская агитация, организационная контрреволюционная деятельность. В 1935 г. в обвинениях появился пункт 2 – «вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на

[608] Есть основания полагать, что в годы Большого террора этот процент возрос: например, в Томской области он достиг 94% от всех обвинений (Рожнева Ж.А. Указ. соч. С. 342).

советскую территорию вооруженных банд…», который в первой половине 1937 г. инкриминировался в каждом третьем деле. Практически во всех случаях на протяжении 1935-1937 гг. вместе с ним в обвинении встречался пункт 11 (об организационной деятельности в контрреволюционных целях). С начала 1937 г. в обвинении стало появляться более трех пунктов ст. 58. В связках часто встречались пункты 7 и 8 («вредительство» и «терроризм»), п. 2, 6 («вооруженное восстание» и «шпионаж»); п. 2, 9 («вооруженное восстание» и «диверсии») и 11, что было связано с раскрытием множественных «террористических ячеек» на предприятиях, как правило, по версии следствиях занимающихся не только подрывной деятельностью, но и шпионажем в пользу иностранных государств. Анализ практики осуждений конца 1934-июня 1937 г. не подтверждает вывод, сделанный Г.Д. Ждановой и В.Н. Разгоном на материалах по Большому террору, о значительной роли обвинений в саботаже колхозникам: в рассматриваемый нами период такое обвинение выдвигается в 1935 г., далее до Большого террора оно практически не играет роли в структуре обвинений. Подавляющая часть людей, необоснованно обвиненных по статьям с тремя и более пунктами, была приговорена к расстрелу или значительным лагерным срокам. При этом по мере приближения к июлю 1937 г. все большую роль в выносимом обвинении начинало играть социальное прошлое подследственного.

В следующем параграфе мы рассмотрим статистику деятельности основных органов осуждения, действовавших на Алтае в рассматриваемый период.

5.2. Статистика деятельности органов осуждения (декабрь 1934 – июнь 1937 г.)

По материалам БД «Мемориала» приговоры 1720 репрессированным на Алтае из общего числа 1740 чел. были вынесены 20 различными карательными инстанциями. Приговоры по ним распределились следующим образом:

Таблица 17. Количество приговоров, вынесенное судебными и внесудебными инстанциями на Алтае и в Ойротской АО с 1 декабря 1934 г. по 30 июня 1937 г.[609]

Орган осуждения	Всего, чел.	Орган осуждения	Всего, чел.
Судебные инстанции			
Алтайский краевой суд (с октября 1937)	27	Военные трибуналы	119
Коллегия Алтайского краевого суда (с октября 1937)	3	Запсибкрайсуд	169
Спецколлегия Алтайского краевого суда (с октября 1937)	29	Коллегия Запсибкрайсуда	149
Верховный суд РСФСР	6	Спецколлегия Запсибкрайсуда	160
Коллегия Верховного суда	8	Линейный суд	39
Спецколлегия Верховного суда	3	Другие судебные инстанции	22
Военная Коллегия Верховного Суда СССР	60	Нет сведений	23
Внесудебные инстанции			
Особое совещание при НКВД СССР	150	«Тройки» при НКВД СССР (с июля 1937)	522

Из табл. 17 видно, что в рассматриваемый период большая часть осуждений происходила в судебном порядке. На Особое совещание при НКВД СССР – единственный внесудебный орган рассматриваемого периода – приходится 8,6 % вынесенных приговоров. 11 из 31 чел., обвиненные, по данным БД «Мемориала», спецколлегией Алтайского краевого суда, должны быть отнесены, вероятно, к спецколлегии Западносибирского краевого суда, так как они были осуждены до выделения Алтайского края в самостоятельную территориальную единицу в октябре 1937 г. Значительная часть дел – на 754 чел., или 43,2% от всех осужденных, - была завершена в годы Большого террора и после него. Последний по времени приговор арестованным в рассматриваемый период был вынесен в 1944 году.

Рассмотрим процентные соотношения приговоров, выносимых в рассматриваемый период органами осуждения с самой высокой частотой встречаемости:

[609] Таблица составлена по данным БД «Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. . 4-е изд. М., 2007. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

Таблица 18. Статистика приговоров, вынесенных судебными и внесудебными инстанциями на Алтае и в Ойротской АО с 1 декабря 1934 г. по 30 июня 1937 г.[610]

Орган осуждения	1-5 лет	6-10 лет	ВМН	Дело прекращено	другое
Судебные инстанции					
Военный трибунал	55,5	34,5	2,5	4,2	3,4
Запсибкрайсуд	55,0	20,7	3,0	21,3	0,0
Коллегия Запсибкрайсуда	67,8	30,2	1,3	0,0	0,7
Спецколлегия Запсибкрайсуда	67,3	31,4	0,0	1,3	0,0
Внесудебные инстанции					
Особое совещание при НКВД СССР	53,7	3,4	23,5	3,4	16,1
«Тройки» при НКВД СССР (с июля 1937)	4,4	25,5	69,5	0,6	0,0

Из представленных в табл. 18 данных видно, что судебные инстанции в основном приговаривали к лагерным срокам. Из отделений Западносибирского суда у Спецколлегии выше процент приговоров к длительным лагерным срокам. Очевидно, это связано с тем, что Спецколлегии, созданные в конце осени 1934 г., должны были рассматривать дела о государственных преступлениях и преступлениях против порядка управления[611]. В рассматриваемый период к ВМН были приговорены «всего» 22 чел. – остальные, приговоренные к расстрелу, были осуждены после 30 июля 1937 г. в период Большого террора. Не совсем ясен вопрос, почему так велик процент приговоров к расстрелу, вынесенных Особым совещанием (23,5%). По постановлению о создании ОСО 5 ноября 1934 г., оно имело право на вынесение приговоров к ссылке и высылке, а также к заключению в лагеря на срок до пяти лет[612]. С апреля 1937 г. по положению об Особом совещании его полномочия были расширены до заключения в тюрьму на срок до восьми лет тех, кто подозревался в «шпионаже, вредительстве, диверсиях и террористической деятельности»[613]. Приказом НКВД СССР № 001613 «О работе Особого Совещания НКВД СССР» от 21 ноября 1941 г., ОСО могло выносить приговор

[610] Составлено по данным БД «Мемориала» («Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. . 4-е изд. М., 2007).
[611] Папков С.А. Тройки ОГПУ-НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925-1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 140.
[612] СЗ СССР, 1935, № 11, ст. 84
[613] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 126-127.

вплоть до расстрела по делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка[614]. Очевидно, в годы Большого террора ОСО не имело таких же полномочий, как «тройки» НКВД. Кроме Западносибирского краевого суда, решение о прекращении дела выносили районные и городские отделения НКВД по окончании следствия (165 чел, 46,2% от всех прекращенных дел), а также районные отделения прокуратуры (89 чел., 25%).

Рассмотрим изменение практики осуждений по годам.

В декабре 1934 г. и в 1935 г. было осуждено 413 чел., из них 201 чел. (49%) – Западносибирским краевым судом, его коллегией и Спецколлегией. 95% рассмотренных дел содержали обвинения в «антисоветской агитации» и «саботаже». В основном такие обвинения предъявляли колхозникам (67 чел.) и единоличникам (55 чел.), а также служащим (35 чел., двоим предъявлено обвинение за вредительство по ст. 58-7). Четыре человека по суду были приговорены к расстрелу. Очевидно, они были фигурантами одного дела: все четверо являлись жителями Тюменцовского района и были приговорены в сентябре 1935 г. Пятый человек, приговоренный к расстрелу коллегией Запсибкрайсуда, - немец М. Феттер, заведующий учебной частью школы, был фигурантом процесса по делу о руководстве Немецкого района, подготовленного органами НКВД и проведенного 18-29 апреля и 3-4 мая 1935 г в Новосибирске на Спецколлегии Запсибкрайсуда в закрытом порядке[615]. Особое совещание вынесло 45 приговоров (11% от всех в данном году). Из всех осужденных в 1935 г. 42,3% были приговорены к лагерным срокам до пяти лет, 24% - до десяти лет, и 31% дел был прекращен по итогам следствия или по суду.

В 1936 г. было осуждено 383 чел., из них 165 чел. (43%) – Западносибирским краевым судом, его коллегией и Спецколлегией. Все дела, за исклю-

[614] Приказ НКВД СССР № 001613 «О работе Особого Совещания НКВД СССР» // ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 [Архив Александра Н. Яковлева]. – URL: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009118 (дата обращения: 06.01.2018).
[615] Белковец Л.П. Указ. соч. С. 186, 189.

чением одного, содержали в себе один пункт статьи 58 – пункт 10. Обвинения по ст. 58-10-11, а также четыре человека, обвиненных в «шпионаже» (ст. 58-6), проходили через Особое совещание – всего 34 чел. или 8,8%. Кроме шести человек это были грузины, проживавшие в ссылке на территории Алтая. В 1936 г. 45 приговоров вынесли различные военные трибуналы. Из осужденных ими 28 чел. не имели отношения к Красной армии, а 16 из них были приговорены за «антисоветскую агитацию» или «недонесение». Остается неясным, почему их дела были переданы именно в военные трибуналы. Согласно УПК (ст. 27), в компетенцию этого судебного органа входило рассмотрение дел о воинских преступлениях, совершенных не военнослужащими, но если они угрожали мощи Красной армии, или все преступления в районах, где нет иных судов, кроме трибуналов. География проживания упомянутых репрессированных не позволяет отнести их к третьей части указанной статьи УПК.

В 1936 г. количество осужденных к лагерным срокам до пяти лет возросло до 45%, а к срокам до десяти лет сократилось до 7,3%. Возросло и количество прекращенных дел до 41,2%.

В первой половине 1937 г. 42% дел прошло через суд Западносибирского края. До 14% возросла доля ОСО в осуждениях. Из 172 чел., приговоренных в начале 1937 г., 50% получили лагерные сроки до пяти лет, 27,3% - до 10 лет. Резко снизился процент прекращенных дел – до 14,5%. К ВМН в начале 1937 г. было приговорено уже 14 чел.

Кратко остановимся на рассмотрении приговоров после начала Большого террора. С июля 1937 г. было приговорено 754 чел. – 43,2% из арестованных в рассматриваемый период. Из них 519 чел. были приговорены «тройками»: 80% «тройкой» по Западно-Сибирскому краю (то есть до октября 1937 г.), 15% - «тройкой» по Алтайскому краю. Роль судебных органов сократилась: краевым судом было вынесено 38% приговоров, в основном – к различным лагерным срокам. Два человека по суду были приговорены к расстрелу, и только два дела было прекращено за недоказанностью обвинения.

Роль ОСО возросла до 20% среди всех приговоров, вынесенных инстанциями кроме «троек». Среди прочего, оно вынесло 34 смертных приговора.

Сравним данные о практике осуждений на Алтае и в целом по СССР в 1935-1936 гг. Большая часть дел в эти годы проходила через судебные инстанции (54,3% во всем СССР и 50,7% - на Алтае). Из проходивших по этим делам 16% были приговорены к 10 годам ИТЛ, что соответствует общесоюзному масштабу, и 1,7% - к ВМН (по СССР этот процент составил 0,8%). Доля дел, рассмотренных Особым совещанием, на Алтае была на 1% меньше общесоюзной и составляла 10%. При этом доля прекращенных по приговорам ОСО дел была чуть меньше общесоюзной (3,7% против 9,3%). Имеющаяся статистика позволяет провести сравнение некоторых статей обвинения. Например, за «шпионаж» по СССР в 1935-1936 гг. было осуждено 2,3% от арестованных в эти годы, на Алтае – 2,3%. Процент арестованных за «диверсии» идентичен и равен 0,6%. В состав СССР входили регионы и республики разного уровня экономического развития и разной экономической специализации, что влияло на социальный состав репрессированных. Различен был и национальный состав регионов, что также влияло на предъявляемые обвинения. По имеющимся статистическим данным можно сделать вывод, что обвинительная практика на Алтае незначительно отличалась от других регионов СССР в 1935-1936 гг. Существенным отличием является показатель количества прекращенных дел: за два года для СССР он составил 10,8%, в то время как на Алтае 35,9%.[616] Вероятно, столь высокий процент объясняется аграрной специализацией региона: чаще всего за недоказанностью преступления прекращались дела колхозников, которые были основной категорией репрессированных в 1935 и первой половине 1936 г.

***

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода можно сделать вывод об отличии арестной практики от практики осуждений. Направ-

[616] Подсчитано по данным: Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). Монография. М. : Кучково поле, 2006. С. 329, 333; БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007).

ления репрессивной политики постоянно изменялись, во «враги» последовательно записывали «зиновьевцев», «бывших», «троцкистов», «вредителей», «шпионов», что влияло на профессиональный и социальный состав арестованных. Это постепенно меняло структуру предъявляемых обвинений – к середине 1937 г. в них редко присутствовало менее трех пунктов статьи 58. Считается, что после убийства Кирова террор в стране начал постепенно ужесточаться. Однако при рассмотрении практики осуждений это ужесточение проявляется только в начале 1937 г. До этого времени с 1935 по 1936 г. наблюдается снижение количества приговоров к долгим лагерным срокам, при этом количество прекращенных дел растет. Только в начале 1937 г. это положение существенно меняется. В рассматриваемый период большинство дел, приговор по которым был вынесен до июля 1937 г., находилось в рамках существовавшей советской законности – проходило через судебные инстанции. Роль внесудебного Особого совещания была относительно невелика, однако уже до начала Большого террора наметился небольшой перекос в сторону увеличения роли внесудебных приговоров и уменьшения количества приговоренных по суду. После июля 1937 г. внесудебные инстанции доминировали над судебными в практике осуждений. Такая ситуация сохранялась до конца осени 1938 г.

Глава 6. Социально-экономические причины репрессий

В данной главе рассматривается влияние уровня социально-экономического развития районов Алтая и Ойротии на уровень репрессий в них. При помощи регрессионных моделей выявляются основные социальные и экономические показатели и степень их влияния на уровень репрессий. На основе кластерного анализа выделяются группы районов по различным показателям. Результаты исследования представлены на ГИС-картах.

6.1. Социально-экономические показатели развития районов и их влияние на уровень репрессий

Проведенный нами анализ показал, что такие социально-демографические признаки, как социальное положение и род занятий, национальная принадлежность часто были связаны с фактом ареста. Можно предположить, что не только личные (биографические) данные влияли на уровень репрессий, а их размах зависел также от региональных политических и социально-экономических показателей. В данной работе выдвигается гипотеза о том, что экономическое развитие районов Алтая и Ойротской АО и их социальная структура в определенной степени влияли на репрессивную политику, проводимую в них. Для проверки этой гипотезы мы используем статистические методы (регрессионный анализ).

В историографии нами был выявлен один пример оценки различия уровня репрессий в разных районах. А.А. Макаров в своей работе о репрессиях в Красноярском крае выделяет три группы районов по интенсивности репрессий 1934-1938 гг. В первой группе процент арестованных в каждом районе составил от 1,09% до 4,19% от общего числа репрессированных жителей края, во второй – от 0,73% до 0,91%, в третьей – от 0,18% до 0,55%. Особую зону составляет Норильлаг, в котором в указанный период проходили повторные осуждения заключенных. Автор отмечает, что уровень репрессий в первой группе районов на севере края определялся наличием в них политической ссылки, депортированных и мест расселения представителей национальных диаспор. Интенсивность репрессий во второй группе районов

определялась близостью к крупным городам или наличием в районе железнодорожной станции. При этом выдвинутый автором тезис о том, что интенсивность террора определялась экономическим развитием района, не раскрывается[617]. В.Н. Разгон пишет, что, несмотря на успехи индустриализации, было много срывов производства, аварий на транспорте, в сельском хозяйстве наблюдался кризис, вызванный коллективизацией. Разворачивая террор, власти хотели «списать» экономические трудности на вредительскую деятельность «антисоветских элементов»[618].

Основным источником сведений в данном случае стал сборник экономических показателей 55 районов Алтая и 10 районов Ойротской АО «Западно-Сибирский край. Города и районы. Основные показатели»[619]. Сборник составлен по материалам официальной статистики краевого управления народно-хозяйственного учета за 1935 г. Справочник содержит краткие сводки информации по каждому крупному городу и всем районам ЗСК. Для проведения статистического анализа нами были отобраны следующие показатели: доля городского населения, показатели развития сельского хозяйства (количество посевной[620] и отдельно колхозной посевной земли, количество лошадей, коров и крупного рогатого скота (КРС), процент коллективизированных хозяйств, количество тракторов, комбайнов и автомашин в колхозах), уровень развития торговли (товарооборот), просвещения (количество учащихся), здравоохранения (количество коек в больницах), доходы и расходы бюджета[621]. Значения указанных показателей по 55 районам Алтая и 10 районам Ойротской АО были внесены в единую таблицу в программе MS Excel, пересчитаны в расчете на численность населения (в том числе доля посевной

[617] Макаров. Указ. соч. С. 46-47.
[618] Разгон В.Н. Социальные и экономические факторы «Большого террора». С. 250.
[619] Западно-Сибирский край. Города и районы. Основные показатели. Новосибирск, 1936 г.
[620] Под посевной площадью имеется в виду весь земельный фонд района, пригодный для земледелия: площадь всех земель колхозов, совхозов и единоличников.
[621] Источники информации: процент коллективизации – данные КрайЗУ на 1 октября 1935 г., посевная площадь – данные уборочной кампании 1935 г. по статистике КрайУНХУ, поголовье скота – данные КрайУНХУ на 1 января 1935 г., товарооборот – данные Запсибторга и потребкооперации на 1935 г., просвещение – данные КрайФУ на 1 сентября 1935 г., бюджет – план на 1935 г.

площади и колхозной посевной площади, другие показатели развития сельского хозяйства – в расчете на 100 га посевной площади и колхозной посевной площади, техническое обеспечение – в расчете на 10 колхозов) и в дальнейшем обрабатывались в программе STATISTICA.

Имеющиеся опубликованные материалы позволяют провести сравнение некоторых статистических данных по показателям «просвещение» и «здравоохранение». Приведенные в справочнике «Народное хозяйство Западно-Сибирского края»[622] данные о сети стационарных учреждений здравоохранения по районам ЗСК на 1 января 1935 г. полностью совпадают с использованными нами. Указанное в данном справочнике число учащихся в школах всеобуча на 1 ноября 1934 г.[623] позволяет проследить динамическое изменение данного показателя за год.

В БД «Мемориала» в карточке на каждого конкретного человека указано его место жительства (район и населенный пункт на Алтае, за редким исключением только район в Ойротской АО). Наличие этого признака позволило распределить репрессированных географически. При проведении регрессионного анализа в качестве результирующего нами был использован показатель «число репрессированных». Он был подсчитан в соотношении на 10 тыс. чел. (всего в базе содержатся данные о 1603[624] репрессированных по Алтаю и 395 – по Ойротии, у которых в записях базы данных указано место проживания). На основе этих данных были подсчитаны порайонные значения показателя интенсивности репрессий.

Отметим, что имеющийся набор показателей экономического и социального развития районов Алтая и Ойротии позволяет построить целый ряд регрессионных моделей, дающих возможность оценить степень влияния тех

[622] Народное хозяйство Западно-Сибирского края. Новосибирск, 1936. С. 414-415.
[623] Там же. С. 404-406.
[624] Учитывались те персоналии, у которых был указан район проживания и населенный пункт при условии, что он находился на территории Алтая. В Книгах памяти Алтайского края присутствуют персоналии, которые не проживали на Алтае в момент ареста, но родились там или были там осуждены.

или иных групп показателей на вариации порайонной интенсивности репрессий.

Целью регрессионного анализа является установление причинных связей между двумя переменными, одна из которых является зависимой (результирующей), а другая – независимой (факторной). Исходя из поставленной задачи, исследователь сам определяет, какая переменная будет результирующей. Выбор факторных признаков определяется двумя условиями: такая переменная должна высоко коррелировать с результирующей и иметь слабую взаимосвязь с другими факторными признаками (при условии включения в регрессионную модель нескольких из них; высокая корреляция между факторными переменными называется мультиколлинеарностью). В итоговом уравнении регрессии при каждой факторной переменной есть свой коэффициент регрессии. В общем виде он показывает, насколько в среднем изменится величина результирующего признака при изменении факторного на единицу при условии, что другие факторные признаки остаются неизменными. Коэффициент регрессии является статистически значимым, когда вероятность того, что в генеральной совокупности он равен нулю, не превышает 5% ($p < 0,05$). Коэффициент множественной корреляции (R^2) показывает, в какой степени результирующая переменная зависит от всех факторных, а скорректированный R^2, переведенный в проценты, - какой процент вариации зависимого признака объясняют учтенные независимые[625].

Первым этапом анализа стало построение регрессионных моделей только для районов Алтая (без Ойротии), в которых зависимым признаком являлась доля репрессированных по районам края. Целью анализа являлось определение набора признаков, в наибольшей степени влиявших на различия в порайонной интенсивности репрессий. Матрица корреляции показала два признака с наиболее высокими коэффициентами связи с результирующим признаком: расходы бюджета района на душу населения ($r=0,59$) и товаро-

[625] Подробнее о процедуре регрессионного анализа см.: Белова Е.Б., Бородкин Л.И., Гарскова И.М., Изместьева Т.Ф., Лазарев В.В., Тихонов А.И. Компьютеризованный статистический анализ для историков. Учебное пособие / Под ред. Л.И.Бородкина и И.М.Гарсковой. - М., 1999. С. 75-98.

оборот на душу населения (r=0,40). Исключив мультиколлинеарность, мы отобрали еще три признака для внесения в модели: доля городского населения, посевная площадь и колхозная посевная площадь в пересчете на количество сельских жителей. Нами были получены следующие результаты регрессионного анализа:

Таблица 19. Результаты регрессионного анализа (по районам Алтая). Зависимая переменная – число репрессированных по каждому району на 10000 чел. ***

Факторные переменные	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4	Вариант 5
Свободный член уравнения	**-5,674** (2,500)**	-3,200 (2,769)	-2,708 (2,938)	-0,797 (2,633)	-0,470 (2,849)
Доля городского населения				**0,163* (0,059)**	**0,153* (0,060)**
Посевная площадь на сельского жителя			**3,426** (1,518)**		**3,938* (1,563)**
Колхозная посевная площадь на сельского жителя		**4,345* (1,640)**		**4,903* (1,698)**	
Товарооборот на душу населения		**0,033* (0,010)**	**0,032* (0,010)**		
Расходы бюджета на душу населения	**0,385* (0,0716)**				
Число объектов	56	56	56	56	56
R^2	0,34	0,50	0,48	0,45	0,43
Скорректированный R^2	0,34	0,23	0,20	0,18	0,15

* – коэффициент значим при p < 0,01

** – коэффициент значим при p < 0,05

*** – здесь и далее: в каждой ячейке первое число – коэффициент регрессии, в скобках - стандартная ошибка коэффициента регрессии.

Из приведенных в таблице 19 моделей следует, что в наибольшей степени на уровень репрессий из учтенных признаков влиял уровень расходов бюджета – косвенный показатель социального развития и благосостояния населения. Его изменение объясняет 34% дисперсию результирующего признака. Товарооборот и доля колхозной площади объясняют в совокупности 23% в вариации доли репрессированных. Коэффициент регрессии при признаке «колхозная посевная площадь» в моделях №2 и №4 указывает на тенденцию к росту интенсивности репрессий с ростом обеспеченности колхозов землей (при увеличении посевной площади колхозов на один гектар на чело-

века число репрессированных растет в среднем в модели №2 на четыре человека на 10000 и в модели №4 – на пять человек на 10000 при фиксированном значении других учтенных факторов). Доля колхозной посевной площади увеличивалась с увеличением доли коллективизированных хозяйств в районе. По статистическим данным нам известны такие проценты. Районы Алтая имели преимущественно аграрную специализацию. В них занятые в сельском хозяйстве – это самая многочисленная группа репрессированных. В Поспелихинском, Новичихинском, Белоглазьевском и Локтевском районе коллективизация достигала почти 100% в 1935 г., но были и районы, в которых коллективизация была еще далека от завершения: Солтонский (64,9%), Алтайский (71%), Залесовский (75%). В них (за исключением Алтайского района) уровень репрессий был ниже, чем в районах сплошной коллективизации. Исходя из статистических данных, а также результатов регрессионного анализа, можно говорить о косвенной связи между уровнем коллективизации и масштабом репрессий в следующем соотношении: чем выше был уровень коллективизации, тем выше был уровень репрессий (в данном случае количество колхозной посевной площади, учтенное в регрессионных моделях, является индикатором состоятельности колхозов). Этот тезис будет проверен нами далее. Отметим также, что, согласно результатам регрессионного анализа, сама по себе доля колхозной посевной площади объясняет только 12% дисперсию результирующей переменной. Этот результат мы получили, анализируя только районы Алтая (без Ойротской АО).

Теперь рассмотрим районы Алтая и Ойротии в рамках единой совокупности. При добавлении районов Ойротии в регрессионную модель меняется как набор признаков, входящих в разные модели, так и итоговый результат. Зависимой переменной также остается число репрессированных на 10000 чел. Увеличились коэффициенты корреляции между результирующим признаком и показателем «расходы бюджета района на душу населения» (r=0,89) и между результирующим и признаком «товарооборот на душу населения» (r=0,56). После исключения мультиколлинеарности для моделей так-

же отобраны следующие признаки: количество лошадей на 100 га посевной площади, количество учащихся школ на 100 чел. сельского населения, количество коек в больницах на 100 чел. сельского населения. Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 20:

Таблица 20. Результаты регрессионного анализа (по районам Алтая и Ойротской АО). Зависимая переменная – число репрессированных по каждому району на 10000 чел.

Факторные переменные	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
Свободный член уравнения	**-15,634* (1,998)**	-0,414 (2,681)	-17,757 (5,235)
Кол-во лошадей/100 га посевной площади		**0,028* (0,007)**	
Кол-во учащихся школ/100 чел. сельского населения			**0,757* (0,192)**
Кол-во коек в больницах/100 чел. сельского населения			**1,417* (0,274)**
Товарооборот на душу населения		**0,076* (0,015)**	
Расходы бюджета на душу населения	**0,691* (0,043)**		
Число объектов	66	66	66
R^2	0,89	0,66	0,60
Скорректированный R^2	0,79	0,42	0,35

* – коэффициент значим при $p < 0,01$

При добавлении в исходные данные районов Ойротии меняется набор признаков, которые мы можем использовать в рамках одной модели. Так, неизменной осталась только одна модель, в которой факторной переменной являются расходы бюджета на душу населения. Включение районов Ойротии выявило тенденцию к увеличению интенсивности репрессий при переходе к районам с более высоким значением показателя удельных расходов бюджета: при увеличении расходов бюджета на душу населения на 1 руб./чел., количество репрессированных на 10 тыс. чел. увеличивалось в среднем на 0,7. В такой модели дисперсия результирующего признака на 79% объясняется изменением факторного. Наибольшие расходы бюджета на население приходятся на Улаганский и Ойрот-Турский аймаки (150,4 руб./чел. и 129 руб./чел. соответственно). В этих же районах было репрессировано наибольшее количество человек в рассматриваемый период (120,3 чел./10000 чел. и

62,2 чел./10000 чел. соответственно). Объяснимо и появление в моделях двух других признаков: лошади являлись большой ценностью для кочевого народа, а уровень грамотности репрессированных был выше соответствующего по Алтаю (53,6% против 34,4%).

Приведем список наиболее и наименее зажиточных районов по данным статистики по признаку «товарооборот на душу населения». Матрица корреляции показывает, что коэффициент корреляции между долей репрессированных и товарооборотом в пересчете на численность населения равен 0,56. Выбор именно данного признака наиболее адекватно отражает уровень благосостояния населения районов. В данном случае гипотеза состоит в том, что в районах с более высоким уровнем благосостояния уровень репрессий будет выше. Обратимся к таблице:

Таблица 21. Показатели социально-экономического развития наиболее и наименее зажиточных районов Алтая и Ойротской АО[626]

С наиболее низким уровнем благосостояния				С наиболее высоким уровнем благосостояния			
Район	Число репрессированных на 10000 чел.	Расходы бюджета на душу населения, руб.	Товарооборот на душу населения, руб.	Район	Число репрессированных на 10000 чел.	Расходы бюджета на душу населения, руб.	Товарооборот на душу населения
Тальменский	3,0	28,89	21,5	Барнаульский	15,6	71,39	639,6
Солтонский	2,0	18,32	45,2	Бийский	14,6	58,73	346,5
Панкрушихинский	2,1	26,32	52,3	Славгородский	25,4	76,38	254,9
Усть-Калманский	2,1	32,45	56,6	Рубцовский	9,8	56,07	226,9
Парфеновский	18,3	31,42	58,5	Немецкий	49,7	63,41	222,9
Турочакский	8,9	42,1	109,2	Ойрот-Турский	62,2	129,5	805,3
Чойский	13,5	42,1	112,3	Улаганский	120,3	150,4	336,6

Таблица 21 показывает, что в наименее зажиточных районах репрессии находились в целом на невысоком уровне. В указанных районах также были одни из самых низких бюджетные расходы на население. Выделяется Парфеновский район – в нем число репрессированных составило 18,3 на 10 тыс. чел. Часть людей из этого района (20 человек из 54) была арестована во второй половине 1935 г. Арестованные преимущественно являлись кол-

[626] Источник: Западно-Сибирский край. Города и районы. Основные показатели. Новосибирск, 1936. С. 45-46, 73-74, 198, 211, 213, 224-225, 230, 239, 252, 292.

хозниками или единоличниками (т.е. занятыми в сельском хозяйстве). Согласно архивным данным, многие из этих людей были арестованы в рамках групповых дел. Например, это группа из восьми человек из села Рожнев Лог, обвиненная в июне 1935 г. по статье 58-10 УК РСФРСР «в контрреволюционной деятельности, антисоветской агитации и срыве сельскохозяйственных работ». В деле особо отмечалось, что указанные люди объединились в группу «церковников»[627], что не прослеживается по их социальному положению: священниками были только двое обвиняемых, пятеро являлись единоличниками, а один – служащим[628]. Вероятно, причиной его ареста могла послужить служба в армии Колчака в годы Гражданской войны. Так как среди экономических показателей не было выявлено таких, которые могли бы объяснить столь высокую долю репрессированных в районе, мы полагаем, что в данном случае существенную роль могла играть политика местного отделения НКВД. В Ойротской АО прослеживается четкая зависимость между уровнем репрессий и указанными экономическими показателями в аймаках с низким уровнем благосостояния: низкий уровень репрессий (относительно других ойротских аймаков) при низком уровне социально-экономического развития. В указанных ойротских аймаках также самая низкая из всех доля по социальным показателям: в них было меньше всего учащихся на 100 чел. сельского населения (12,5 чел. в Турочакском аймаке и 12,3 чел. в Чойском) и коек в больницах на 10 тыс. чел. сельского населения (9,6 и 7,5 соответственно). Важно, что в этих аймаках был самый низкий процент коллективизированных хозяйств (49,5% и 51,3% соответственно). Из 32 чел., репрессированных в сумме в двух аймаках, 59% составляли занятые в сельском хозяйстве. Трое служащих также работали в колхозе. Если основываться на большевистском тезисе о том, что провалы в экономической сфере являлись плодом деятельности «вредителей» и «врагов», можно предположить, что в районах с низким процентом коллективизации уровень репрессий должен быть выше. Од-

[627] ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 20799. Л. 1.
[628] Там же. Л. 38, 69, 79, 88, 100, 146, 150, 156.

нако матрица корреляции показывает, что коэффициент корреляции между порайонным уровнем репрессий и долей коллективизированных хозяйств составляет 0,34. Несмотря на то, что данный коэффициент относительно невысок, он показывает, что при увеличении процента коллективизированных хозяйств возрастал и уровень репрессий, то есть тенденцию, обратную большевистскому тезису. Вероятно, этот тезис на самом деле работал только в период кампании борьбы с «вредительством» на производстве среди служащих и рабочих и применялся не повсеместно, где было убыточное производство, а там, где это могло быть выгодно с политической точки зрения.

Рассмотрим теперь наиболее зажиточные районы. Отметим, что их центрами (кроме Немецкого района и Улаганского аймака) являлись крупные (в масштабах Алтая) города – Барнаул, Бийск, Славгород, Рубцовск и Ойрот-Тура. Города прежде всего находились под усиленным надзором НКВД; в них концентрировалось производство, следовательно, была высокая доля служащих и рабочих. Именно они стали объектом террора с осени 1936 г. после того, как на союзном уровне была объявлена борьба с вредительством на производстве и с «троцкистами». Национальной спецификой здесь выделяется Немецкий район, в котором преимущественную часть населения составляли немцы. Число репрессированных здесь значительно превосходит другие районы – 49,7 на 10 тыс. чел. Район определялся следующими экономическими показателями: преимущественно аграрный (коллективизация 97,4% в начале 1935 г.) с самой высокой из всех районов степенью механизации (11 комбайнов на каждые 10 колхозов, самый большой тракторный парк), с долей доходов 24,3 руб./чел. при расходах 63,4 руб./чел. Столь большая разница этих двух показателей отмечается также только в Славгородском и Поспелихинском районах.

Отметим, что на репрессии в Славгородском районе в определенной степени влиял национальный фактор. По имеющимся данным среди 104 репрессированных было 19 украинцев, 12 немцев, четыре поляка, по два чеха,

татарина и белоруса, венгр и казах[629]. Это наибольшее число репрессированных «инонациональных» персоналий по всем районам Алтая. В основном аресты в Славгородском районе производились, начиная с осени 1936 г., и продолжились после февральско-мартовского пленума 1937 г., когда был взят курс на ужесточение репрессий в дальнейшем в ходе Большого террора.

В двух аймаках Ойротии так же, как и в районах с наиболее низким уровнем благосостояния населения, выделяется четкая зависимость уровня репрессий и показателей экономического развития. Из 48 чел., репрессированных в Улаганском аймаке, 90% составили занятые в сельском хозяйстве. Этот аймак – место концентрации коренного населения: все репрессированные там – алтайцы, большая часть из них – теленгиты (субэтнос алтайцев). Теленгиты были наиболее привязанной к традициям группой населения: они оставались (и остаются до настоящего времени) скотоводами-кочевниками. В середине 1930-х гг. на 100 га посевной площади у них приходилась 661 лошадь, 630 голов крупного рогатого скота, 252 коровы при полном отсутствии механической техники (тракторов и комбайнов). Большие значения показателей были только в приграничном Кош-Агачском аймаке. На Улаганский аймак приходилась вторая по величине доля стоимости производимой продукции на душу населения (39 руб./чел., первая – Ойрот-Турский аймак, 123,2 руб./чел.). Очевидно, что на уровень репрессий в данном аймаке влияли как экономические факторы, так и геополитический – жителей приграничного района, преимущественно коренное население, которое сложно адаптировалось к советской модели, легче было обвинить в создании «националистических групп, стремящихся к отделению Ойротии от СССР» (как это было в ходе арестов 1935-1936 гг.). В Улаганском аймаке 27,8% арестованных были приговорены к расстрелу. В соседнем Кош-Агачском аймаке, третьем по уровню благосостояния населения, к расстрелу были приговорены 70% арестованных русских, являющихся «инонациональностью» в данном аймаке.

[629] Данные по материалам базы данных «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007).

Любопытно, что с точки зрения советских идеологов кочевой и полукочевой образ жизни являлся тормозом на пути развития экономики и культуры[630]. Очевидно, что высокий уровень репрессий в национальных алтайских аймаках, в которых такой образ жизни был характерен для населения, был напрямую связан с методами установления в этих аймаках советской экономической модели.

Обратимся к еще одному показателю, оценивающему уровень социального развития населения – к образованию. Мы располагаем сведениями о доле учащихся школ в пересчете на 100 человек населения. Одни из самых высоких показателей имеют Славгородский (19,8 чел./100 чел.), Немецкий (19,2) и Рубцовский (18,9) районы. Сразу за ними по величине показателей идут Ойрот-Туринский (18,4) и Элекмонарский аймаки. Отметим также и Парфеновский район – 19 школьников на 100 чел. населения. Так как в указанных районах интенсивность репрессий достаточно высока, вероятно, приведенные выше значения косвенно подтверждают нашу гипотезу о влиянии уровня социального развития (в данном случае речь идет о районах с долей образованной молодежи) на интенсивность репрессий в районах Алтая.

Анализ различных вариантов регрессионных моделей позволили подтвердить нашу гипотезу о влиянии социально-экономических показателей на уровень репрессий. Было установлено, что товарооборот и расходы на душу населения по сравнению с другими экономическими показателями в наибольшей степени влияли на уровень репрессий в районах Алтая и Ойротии: те районы, в которых эти показатели были высокими, отличались высокой интенсивностью репрессий. Такие районы можно условно разделить на две группы: районы с центром в городе и районы с «национальным» населением. Была установлена также связь уровня коллективизации – доли коллективизированных хозяйств (и косвенного индикатора состоятельности колхозов – количества колхозной посевной площади на одного сельского жителя) с уровнем репрессий в районах: там, где увеличивалась доля коллективизиро-

[630] Шадт А.А. Указ. соч. С. 227.

ванных хозяйств, повышался и уровень репрессий. Согласно регрессионным моделям, экономические показатели в различных комбинациях объясняют до половины изменений показателя «число репрессированных», однако очевидно, что основную роль играли политические установки центральной и местной власти на проведение репрессий среди отдельных категорий граждан.

6.2. Типология районов Алтая и Ойротской АО

В данном параграфе анализируется пространственная структура репрессий на Алтае и в Ойротской АО в середине 1930-х гг., а также рассмотрена визуализация отдельных результатов исследования по анализу влияния социально-экономического развития районов на уровень репрессий в этих районах. В основе предложенной методики лежит кластерный анализ районов Алтая и Ойротской АО по различным экономическим и социальным показателям. Выделяются группы районов, в которых репрессивная политика была схожей на основании различных социально-экономических показателей, оказывавших определенное влияние на уровень репрессий.

ГИС-технологии, несмотря на свое широкое применение в исследованиях по истории дореволюционной России[631], в том числе и Алтая[632], не использовались при изучении истории репрессий. Нам известен один пример использования ГИС-инструментов при изучении структуры функционирования экономики ГУЛАГа. Авторы описали коллекции архивных карт лагерной системы и провели их пространственный анализ при помощи «радиусов расстояний» и «полигонов Тиссена»[633] - аналитических опций ГИС.

---

[631] Пиотух Н.В. О возможностях компьютерного картографирования при работе с данными писцовых книг начала XVII и материалами Генерального межевания второй половины XVIII в. // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996. С. 309-310; Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". Т. 43. Материалы международной научной конференции «Геоинформационные системы и технологии в исторических исследованиях». Барнаул, 25-27 сентября 2015 г. Издательство Алтайского государственного университета. Барнаул, 2015.

[632] В монографии д.и.н. В.Н. Владимирова дан обширный историографический обзор применения ГИС-технологий в исторических исследованиях. См.: Владимиров В.Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул, 2005. С. 20-37.

[633] Бородкин Л.И., Матвеев В.И. Медиаресурсы и компьютерное картографирование в изучении пространственной организации ГУЛАГа // Историческая информатика. 2013. №. 4. С. 32-61.

Источником для создания ГИС-карты послужила экономическая карта Алтайского края 1939 г., составленная 6-й Картографической фабрикой ГУГК при СНК СССР в октябре 1939 г., с указанием границ всех районов Алтая. При построении ГИС, основанной на административно-территориальном делении Алтая в рамках Западно-Сибирского края в 1935 г., были учтены изменения в границах районов, произошедшие после выделения Алтайского края в отдельную территориальную единицу в сентябре 1937 г. В частности, на карту были нанесены границы упраздненного в 1938 г. Немецкого района, установлены корректные границы Волчихинского и Рубцовского районов (в 1939 г. из частей их территорий выделен Угловский район), Бийского района, упраздненного в 1939 г., в границах 1935 г. воссозданы Солтонский и Ребрихинский районы. При реконструкции границ районов использовались сведения справочника «Западно-Сибирский край. Города и районы» 1936 г. Для создания ГИС-карты использовалась программа MapInfo, широко применяемая историками для пространственного представления исторических процессов и явлений. В ней к карте Алтая и Ойротии были привязаны данные, полученные путем проведения кластерного анализа при помощи программы STATISTICA.

Одна из целей проведения кластерного анализа в данном исследовании – выявление возможной связи порайонной вариации интенсивности репрессий с пространственным фактором. Иными словами, проверяется гипотеза о том, что интенсивность репрессий в смежных районах, близких в территориальном аспекте, различалась в меньшей степени, чем в отдаленных друг от друга районах (исходя из предполагаемой близости социально-экономических показателей в смежных районах).

Кластерный анализ (имеющий целью построение многомерной типологической группировки изучаемой совокупности объектов)[634] проводился с помощью двух алгоритмов – для повышения надежности результатов: снача-

[634] См., например: Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.

ла иерархическим методом для определения количества требуемых кластеров, затем методом k-средних с числом кластеров, равным пяти. Кластеризация выполнялась по следующим наборам признаков:

- №1 – число репрессированных на 10000 чел., число расстрелянных в пересчете на число репрессированных (65 районов без Улаганского);
- №2 – товарооборот в пересчете на душу населения, расходы бюджета в пересчете на душу населения (65 районов без Улаганского);
- №3 – доля колхозной площади в пересчете на количество сельских жителей, количество голов крупного рогатого скота (КРС) в колхозах в пересчете на 100 га колхозной площади, количество комбайнов в пересчете на 10 колхозов (65 районов без Кош-Агачского);

Из каждой кластеризации мы вынуждены были исключить отдельные районы как «выпадающие точки», так как при использовании как двух разных методов кластеризации, так и различных наборов признаков (в процессе подбора оптимальных) они образовывали кластеры, включающие лишь один район. Это связано со значением отдельных показателей указанных районов: к примеру, количество репрессированных на 10 тыс. чел. в Улаганском аймаке составляет 120,3, тогда как у второго по уровню репрессий аймака – Ойрот-Турского – этот показатель составляет 62,2. Разница между Кош-Агачским аймаком и идущим следом Улаганским по количеству голов КРС в пересчете на 100 га колхозной площади также значительна: 2210 голов/га и 366 голов на га соответственно. Цветовая градация карт отражает принадлежность объекта к определенному кластеру и не соотносится с величиной рассматриваемых признаков (так как в каждом случае кроме кластеризации, выполненной непосредственно в программе MapInfo, кластеризация выполнена по двум или трем признакам, величина значений которых не находится в прямой зависимости друг с другом).

Рассмотрим сначала картографическое представление распределения числа репрессированных в каждом районе относительно населения района на 10 тыс. чел.:

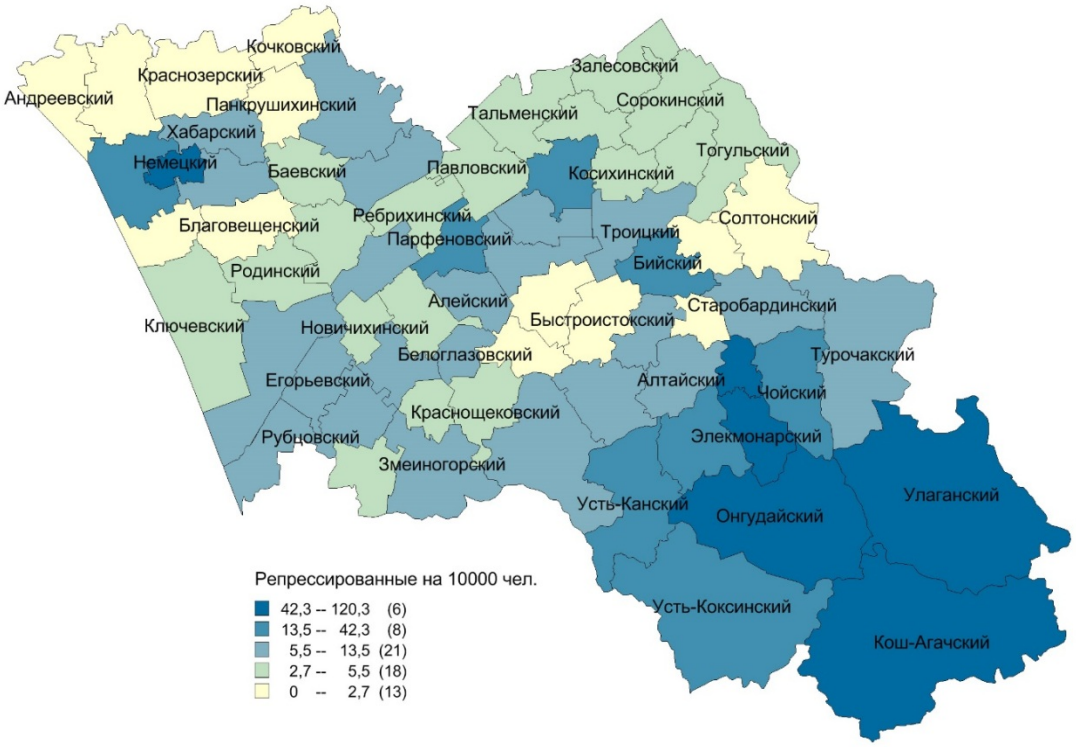


Рис. 10. *Пространственное распределение числа репрессированных на 10000 чел. (в период с 1 декабря 1934 г. по 30 июня 1937 г.)*

Рисунок 10 позволяет выделить группы районов, относительно однородных по уровню репрессий. Наибольшее количество арестованных относительно численности населения приходится на пять аймаков Ойротской АО (аймаки Ойротии располагаются в юго-восточной части территории края): с центром в г. Ойрот-Тура, соседнем Элекмонарском и трех с преимущественно коренным населением: Онгудайском, Улаганском и Кош-Агачском. На Алтае столь же высокий уровень репрессий был в Немецком национальном районе. Районы, в которых уровень репрессий был чуть ниже, имели центры в городах (Барнаул, Бийск, Славгород). К этой же группе относятся четыре аймака Ойротской АО, где было больше репрессировано русских (Чойский, Шебалинский, Усть-Канский – этот аймак алтайский по составу населения, Усть-Коксинский) и Парфеновский район на Алтае. Арестованные здесь в

основном были колхозниками и единоличниками, 55% арестов приходится на 1935 г. Через всю территорию Алтая с запада на восток протянулась линия районов, в которых уровень репрессий был относительно невысоким (от 2,7 до 5,5 чел. на 10000 чел.).

В целом гипотеза о влиянии пространственного фактора на интенсивность репрессий находит свое подтверждение: группы районов с одинаковой интенсивностью заливки в основном состоят из смежных районов.

Отметим, что в Андреевском и Кочковском районах, по данным базы «Мемориала», не было репрессировано ни одного человека. Есть основания полагать, что это не соответствует действительности, а отсутствие сведений вызвано проблемой учета репрессированных. Оба района были переданы в Новосибирскую область – Кочковский район в 1939 г., Андреевский район – в 1944 г. Часть сведений о репрессированных в годы Большого террора (вероятно, малая) после разделения Западно-Сибирского края в сентябре 1937 г. отложилась в Книгах памяти Алтайского края, но большая часть зафиксирована в Книгах памяти Новосибирской области. За более ранний период в них нет записей о репрессированных в указанных районах. Первоначально наши сведения извлекались из базы данных «Мемориала» 2007 г. Она содержала два вышедших на тот момент тома Книги памяти Новосибирской области. В базе данных, представленной «Мемориалом» в декабре 2017 г., включено четыре тома: третий основан на данных о высланных в начале 1930-х гг. согласно сведениям УВД Томской области, четвертый, вышедший в 2014 г., включает в себя более 4500 имен политических репрессированных. Web-интерфейс базы данных «Мемориала» пока не позволяет произвести поиск по конкретной «Книге памяти», поэтому пока мы не имеем возможности проанализировать четвертый том. Вероятно, что составители включили в него репрессированных по интересующим нас районам (так как следственные дела по ним в настоящий момент должны храниться в УФСБ по Новосибирской области, хотя и труднодоступны для изучения).

Сравним полученные результаты с кластеризацией №1 из списка, приведенного выше (по числу репрессированных на 10000 чел. и числу расстрелянных в пересчете на число репрессированных):

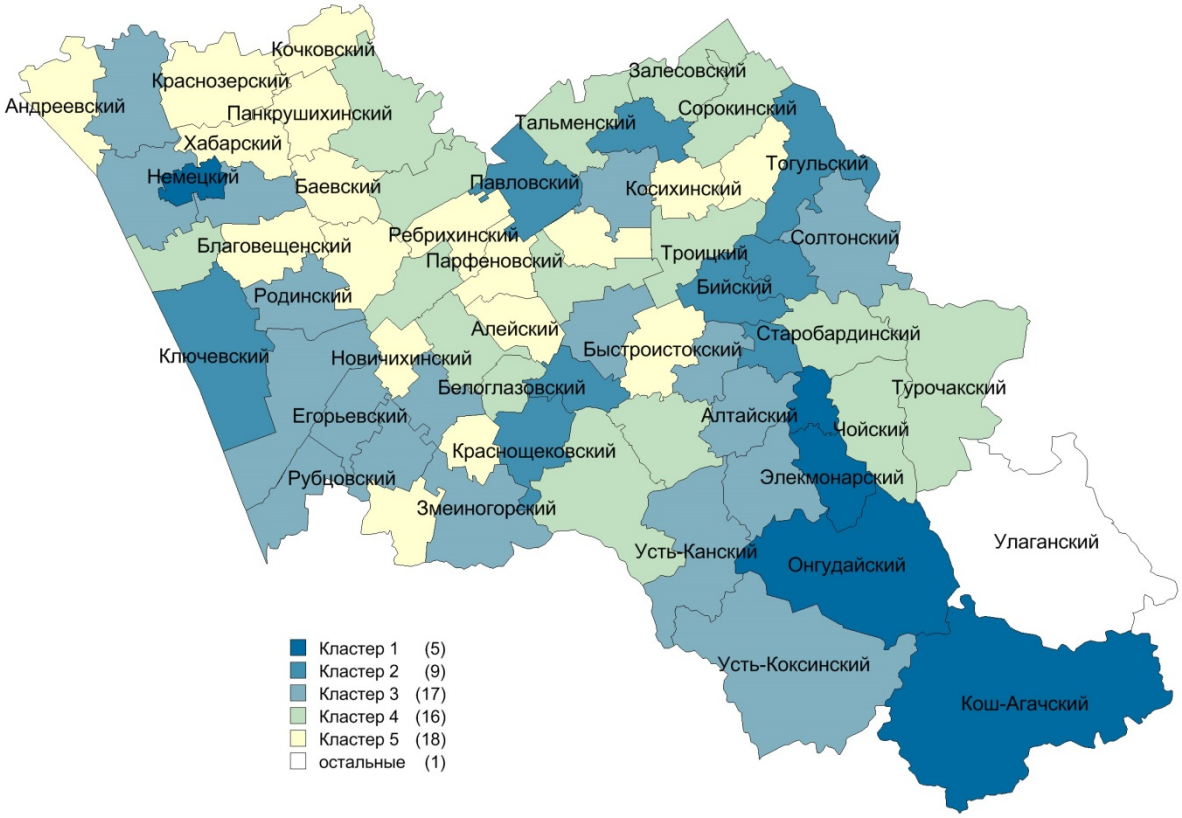


***Рис. 11**. Кластеризация №1*

В кластеризации районов по двум указанным выше признакам сложнее выделить устойчивые группы по географическому признаку. Неизменной осталась группа из пяти Ойротских аймаков (кластер 1, Улаганский аймак не включен в анализ), а также минимальные изменения произошли в другой аймачной группе (кластер 3, в него вошли Алтайский и Смоленский районы; кластер 4, к Турочакскому присоединились Чойский аймак и Старобардинский район). В одном кластере так же, как и в распределении числа репрессированных на десять тысяч населения, оказались районы на западе Алтая: Волчихинский, Рубцовский, Егорьевский, Поспелихинский и Змеиногорский.

Какие тенденции можно наблюдать при рассматриваемом распределении районов по группам? На основе проведенного кластерного анализа уста-

новлено, что, несмотря на относительно большие масштабы репрессий в районах кластера 1, доля смертных приговоров среди всех осужденных в них была существенно ниже, чем в районах кластера 2, которые соответствуют одним из минимальных показателей по числу репрессированных. В восьми районах кластера 2 (без Бийского) было арестовано 135 чел., из них 60% - в 1937 г., что, вероятно, повлияло на долю расстрельных приговоров, вынесенных в них. В кластерах 3, 4 и 5 примерно одинаково число арестованных относительно численности населения, однако существенно различается доля расстрелянных: кластер 4 находится посередине, в районах третьего кластера к расстрелу приговаривали существенно чаще, чем в районах пятого. Довольно сложно определить, какие конкретно причины влияли именно на такое распределение районов по кластерам по двум указанным признакам. Очевидно, что в кластере 3 важное место занимал национальный фактор (в случае с аймаками Ойротии и Славгородским и Знаменским районами около Немецкого), однако он не играл никакой роли в случае с западными районами Алтая. Примечательно, что более высокая доля расстрелов приходится на районы с городскими центрами (Барнаульский, Бийский, Славгородский, Рубцовский, высока доля расстрелянных и в Змеиногорском районе, хотя Змеиногорск получил статус города только в 1952 г.). В Каменском районе (г. Камень, сейчас – г. Камень-на-Оби) распределение числа репрессированных примерно соотносится с распределением доли расстрелянных среди всех районов.

Регрессионный анализ показывает, что доля городского населения сама по себе объясняла 7,7% дисперсии относительного числа репрессированных: с ее увеличением рос в среднем и уровень репрессий. Необходимо остановиться на соотношении репрессий в городах и сельской местности. В конце 1934 г. – начале 1937 гг. на Алтае и в Ойротии из всех репрессированных 71,2% проживали на селе и 28,8% - в городах (включая железнодорожные станции в пределах города и рабочие поселки). Для сравнения репрессий в этих двух категориях обратимся к табл. 22:

Таблица 22. Соотношение репрессий среди городского и сельского населения Алтая и Ойротской АО[635]

	Алтай, в %			Ойротия, в %		
	По переписи 1939	В репрессиях	К ВМН (от всего)	По переписи 1939	В репрессиях	К ВМН (от всего)
город	16,4	30	31,9	18,5	14,8	58,2
село	83,6	67,0	20,8	74,2	85,2	22,0

Из табл. 22 видно, что на Алтае было репрессировано непропорционально много жителей городов. При этом их чаще, чем сельских жителей, приговаривали к расстрелу. В Ойротии больше, чем их доля в переписи, было репрессировано сельских жителей, что неудивительно для региона только с одним городом (Ойрот-Тура). Однако приговоры жителям города были более жесткими: более половины (58,2%) из арестованных там были приговорены к расстрелу.

С чем связана такая жесткость по отношению к жителям городов? В городах находились основные промышленные предприятия, концентрировалось много рабочих и служащих верхнего руководящего звена, которые все чаще становились жертвами репрессий с осени 1936 г. В городах также скапливались «маргинальные и деклассированные» элементы, которые становились объектами периодических «чисток». В.Н. Хаустов пишет о том, что, спасаясь от коллективизации и «раскулачивания», часть сельских жителей меняла место жительства и переезжала в города. Органы НКВД в ходе «чисток» выявляли этих людей по показаниям ранее арестованным и также подвергали арестам[636]. А.А. Макаров отмечает, что в Красноярском крае 32% арестованных проживали в городских центрах (при их доле в 28% по переписи 1937 г.). Он выделяет среди причин высокого уровня репрессий в городах наличие в них железнодорожных станций, предприятий, к которым НКВД

[635] Подсчитано по данным БД «Мемориала»(« Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007»); Всесоюзная перепись населения 1939 года. 1992. С. 23. В таблице не учтена категория «нет данных».

[636] Хаустов В.Н. Репрессии против советских немцев… С. 79.

проявляло повышенное внимание, а также концентрацию в городах «бывших антисоветских элементов» и ссыльных[637].

По материалам БД «Мемориала» сложно определить, кто именно мигрировал в города: возможное сопоставление места рождения с местом жительства затруднено, так как в биографической карточке в месте рождения указывалась только губерния. Невозможно сделать это и по социальному положению или происхождению: по материалам следственных дел большинство населения Алтая было выходцами из разных категорий крестьянства, в анкете фиксировалось текущее социальное положение на момент ареста (очевидно, если человек переезжал в город, скорее всего, он становился рабочим и переставал быть колхозником или «хлебопашцем»). В Ойротии столь высокая доля смертных приговоров вызвана преобладанием среди арестованных в Ойрот-туре разных категорий служащих, в том числе верхнего руководящего звена.

Далее обратимся к кластеризации №2 (по товарообороту в пересчете на душу населения и расходам бюджета в пересчете на душу населения):

[637] Макаров А.А. Указ. соч. С. 58-59.

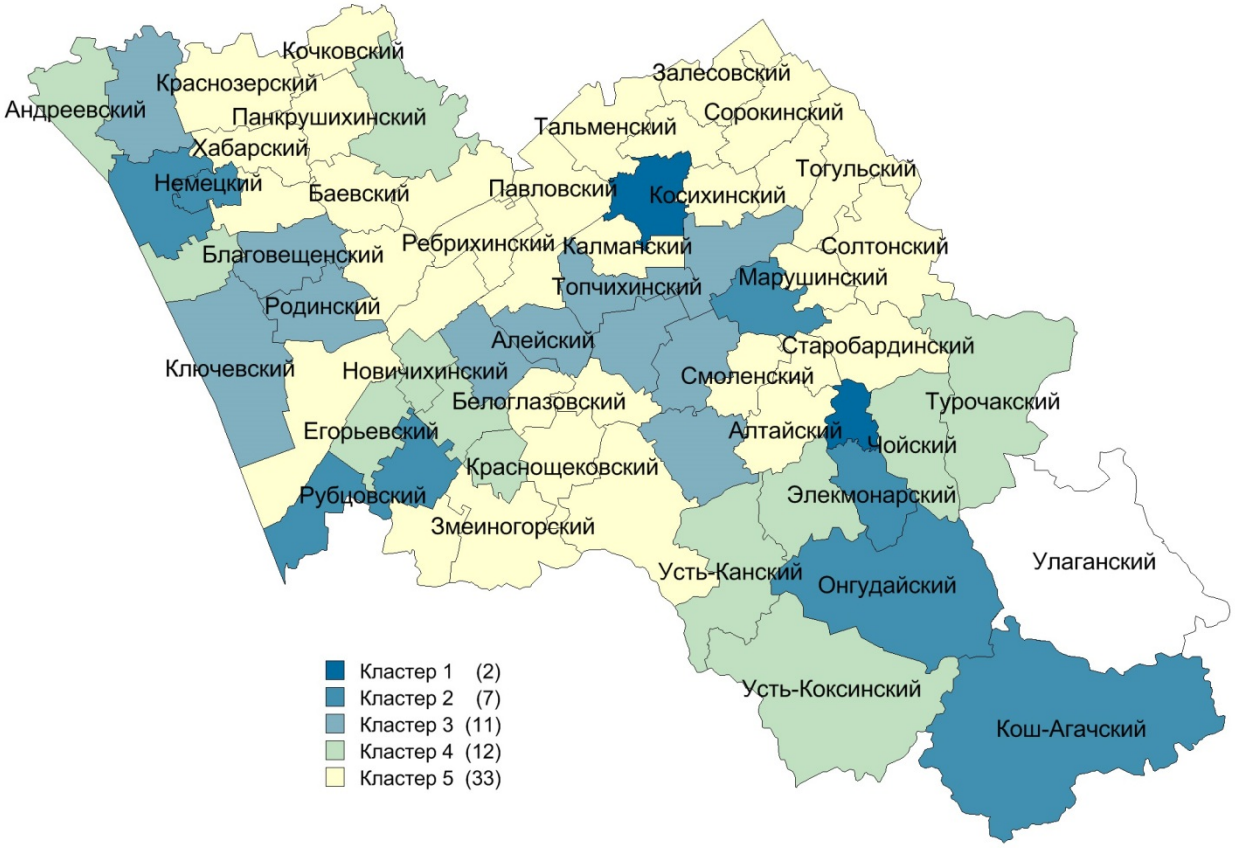


Рис. 12. *Кластеризация №2*

Кластеризация №2 отражает экономическое состояние районов. Наиболее успешными в экономическом отношении являются те, в которых высок товарооборот на душу населения, то есть высока покупательная способность. Кластерный анализ по указанным выше показателям позволяет получить более равномерную картину их распределения по районам. Так, наиболее целостным в территориальном отношении является кластер 5, а также группы районов из кластера 2: в центре Алтая и на западе (Ключевский, Благовещенский и Родинский районы). Кластер 1 (район около Барнаула и Ойрот-Турский аймак) наиболее нетипичны: в них значительно выше товарооборот, который по относительным значениям существенно превышает расходы на душу населения. Объединение этих районов в рамках одного кластера неудивительно, так как в них находились два центральных города будущего Алтайского края: его административный центр г. Барнаул и г. Ойрот-Тура как административный центр автономной области. И товарооборот, и расходы

бюджета на душу населения в Ойрот-Туре были выше, чем в Барнауле: 805,3 руб./чел. и 129 руб./чел. в первом городе и 576,6 руб./чел. и 71,39 руб./чел. во втором соответственно. Расходы бюджета выше барнаульских были в Славгородском районе (76,4 руб./чел.), а среди аймаков Ойротии наибольший показатель у Улаганского аймака (150,4 руб./чел.).

С кластером 1 по распределению признаков схож кластер 3, однако разница распределения признаков не так велика. Районы, входящие в эти кластеры, имели одни из самых низких расходов бюджета на душу населения. Центральные районы (Алейский, Топчихинский, Калманский, Троицкий, Солонешенский) схожи по распределению числа репрессированных и долей экономических показателей: число репрессированных и товарооборот на душу населения здесь относительно высоки. Вероятно, на такие показатели могло влиять наличие железнодорожной линии Томской ж.д., проходящей через Калманку, Топчиху и Алейск до Рубцовска. Солонешенский район был развит в сельскохозяйственном отношении. Из всех районов Алтая он был лидером по обеспеченности лошадьми (30/100 га колхозной площади), КРС (92/100 га колхозной площади), однако характер развития был экстенсивным: в колхозах района не было ни одного трактора, комбайна или автомашины.

В самом масштабном кластере 5 (33 района) соотношение распределение товарооборота и расходов бюджета одинаковое. В кластерах 2 и 4 доля расходов бюджета выше доли товарооборота, при этом районы второго кластера были более зажиточными. Как и в кластеризации №1, эти районы (с центрами в городах и «национальные») идут в одном территориальном кластере друг с другом. Это позволяет сделать вывод о влиянии на уровень репрессий в комплексе этнического и экономического факторов.

Перейдем к рассмотрению кластеризации №3 (по признакам: доля колхозной площади в пересчете на количество сельских жителей, количество голов крупного рогатого скота (КРС) в колхозах в пересчете на 100 га колхозной площади, количество комбайнов в пересчете на 10 колхозов):

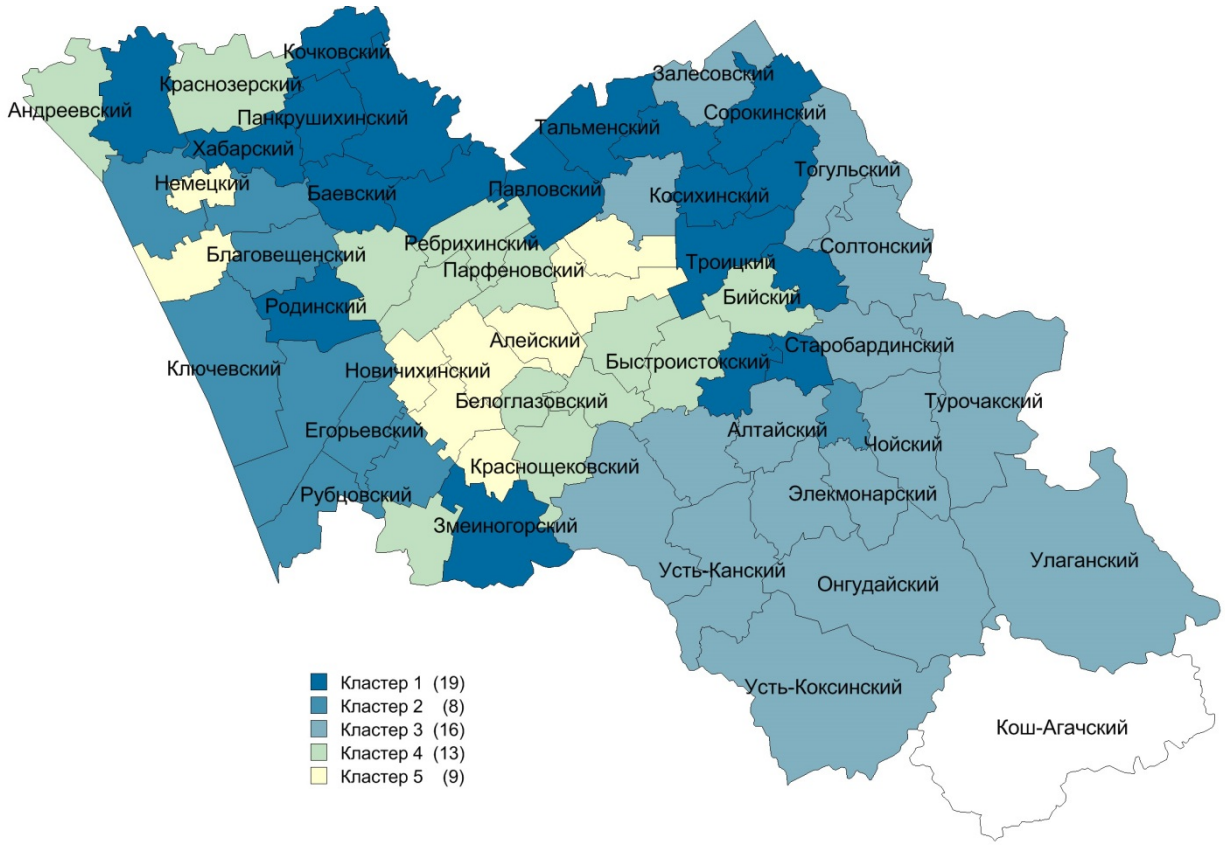


Рис. 13. *Кластеризация №3*

Распределение показателей уровня развития сельского хозяйства более однородно относительно пространственного распределения экономических показателей. Здесь выделяются четкие группы районов: самая большая на юге, состоящая из аймаков Ойротской АО (без Ойрот-Турского аймака, вошедшего в кластер 2, и Кош-Агачского, который при кластеризации не рассматривался из-за высоких относительно других районов показателей его сельскохозяйственного развития), и часть районов на юге и востоке Алтая (Чарышский, Солонешенский, Алтайский, Старобардинский, Солтонский, Тогульский. Отдельно стоят два оставшихся элемента кластера 3 - это район около Барнаула и Залесовский). В рамках кластера 2 объединились алтайские районы на западе и Ойрот-Турский аймак. Кластер 4 в центре Алтая раздроблен посередине кластером 5 (к пятому также принадлежат Немецкий и Киевский районы).

Кластерный анализ позволяет охарактеризовать каждый кластер с точки зрения сельскохозяйственных показателей каждого района. Самым нетипичным является кластер 3. Это районы с наименьшим процентом коллективизированных хозяйств (районы Ойротии, минимальный показатель в Турочакском районе (49,5%), средний процент коллективизации для Ойротии 62%). На Алтае самый низкий процент коллективизации в 1935 г. был в Солтонском районе (64,9%). В годы Большого террора репрессии в этом районе были более масштабные и жесткие, чем во многих других районах края. Так, если в среднем по приказу 00447 к ВМН по краю приговаривали в 45,5% случаев, то в Солтонском районе этот процент составил 59%. Этому способствовало проведение здесь в ноябре 1937 г. районной карательной операции, вызванной провалом выполнения задания по сдаче зерна государству[638]. В рассматриваемый период в Солтонском районе также высока была доля смертных приговоров, но при одном из самых низких уровней репрессий. В других районах, где процент коллективизации был меньше 80% и которые также не выделялись с экономической точки зрения (Панкрушихинский, Тальменский, Сорокинский, Кытмановский, Залесовский, Баевский), распределение доли смертных приговоров примерно соотносимо с распределением числа репрессированных, то есть невозможно утверждать, что к расстрелу здесь приговаривали чаще, чем в других районах. Исключение составляет Алтайский район: здесь число репрессированных на десять тысяч населения равно 8,9 чел. (для сравнения в Баевском 4 чел./10000 чел.). 68% из всех репрессированных там арестовано в 1937 г., в основном рабочие и служащие. Это не позволяет сделать вывод о том, что относительно высокий уровень репрессий в этом районе был связан с «провалами» в ходе коллективизации. В соседних районах с более высоким уровнем коллективизации (больше 85% - Чарышский, Солонешенский, Старобардинский и т.д.) уровень репрессий также был относительно высок. Отметим, что это предгорные районы с благоприятным для земледелия и в особенности животноводства климатом. В

[638] Разгон В.Н., Жданова Г.Д. Указ. соч. С. 74.

этих районах, несмотря на то, что они не выделялись с точки зрения экономического развития, влияние на уровень репрессий во многом оказывали именно сельскохозяйственные показатели.

В целом кластер 3 характеризуется экстенсивным типом сельскохозяйственного производства: в районах, входящих в кластер, наибольшее количество голов КРС при полном отсутствии механизации.

Районы кластера 1 отличаются от районов кластеров 2, 4 и 5 равным распределением долей колхозной площади и КРС, но меньшей долей механизации. Кластеры 2 и 5 незначительно различаются по доле колхозной площади (во втором она немного выше), но контрастируют друг с другом по доле использования механической силы. В районах кластера 5 самая большая доля используемых сельхозмашин. Примечательно, что эти же районы (кроме Шипуновского, Новичихинского и Курьинского, через которые, в том числе, не проходила железная дорога, идущая через соседние) характеризуются относительно высоким уровнем репрессий и товарооборота на душу населения. Группа районов запада Алтая, в которой был наибольший процент коллективизированных хозяйств, имела в них наименьшее количество скота и практически не имела механической силы. Часть этих районов (Славгородский, Знаменский, Волчихинский, Егорьевский, Рубцовский) характеризовалась относительно высоким уровнем репрессий и экономического развития. В них высока была доля репрессированных служащих. Очевидно, что здесь более значимыми были не сельскохозяйственные, а экономические показатели.

Нами были подсчитаны коэффициенты близости созданных ГИС-карт. По каждой карте было подсчитано количество совпадений и различий районов из каждого из пяти кластеров, по каждому определена наибольшая доля сходства с другими, сумма долей по одной карте поделена на количество кластеров. На основе подсчетов получены следующие проценты:

Таблица 23. Коэффициенты близости ГИС-карты

Пара кластеризации	Процент схожести пространственного распределения признаков
№1 и №2	19,6
№1 и №3	16,6
№2 и №3	17

Из таблицы видно, что карты с тремя рассмотренными нами кластеризациями относительно схожи друг с другом. Это подтверждает выдвинутую нами гипотезу о влиянии уровня социально-экономического развития районов на уровень репрессий в них.

Рассмотренные нами варианты кластеризации районов Алтая и Ойротии по разным признакам позволяют выделить типологические группы районов на основании определенных критериев, в которых на уровень репрессий в определенной степени влияли разные социально-экономические показатели:

1. Районы центра Алтая (Алейский, Топчихинский, Калманский, Троицкий и т.д.): высокий товарооборот на душу населения, близость Томской ж.д., механизация сельского хозяйства;

2. Районы предгорной полосы Алтая (Чарышский, Солонешенский, Алтайский, Старобардинский): в основном высокий уровень коллективизации, экстенсивный характер развития сельскохозяйственного производства, умеренный уровень экономического развития;

3. Районы запада Алтая (Ключевский, Волчихинский, Егорьевский, Рубцовский и т.д.): высокий уровень коллективизации, экстенсивный характер развития сельскохозяйственного производства, относительно высокий уровень товарооборота на душу населения;

4. Районы с центром в городах (Барнаульский, Бийский, Славгородский, Каменский, Рубцовский, Ойрот-Турский): влияние комплекса социально-экономических факторов, низкая роль сельского хозяйства;

5. «Национальные» районы (Немецкий, Онгудайский, Улаганский, Кош-Агачский): влияние комплекса этнических (политических) и социально-экономических причин.

На уровень репрессий в первой и третьей группе предложенной нами типологии уровень сельского хозяйства оказывал меньше влияния, чем на него же в районах второй группы. Пятая группа является самой разнородной по составу: указанные причины характерны для всех входящих в группу районов, однако, к примеру, они значительно различались по уровню сельскохозяйственного развития. Очевидно, что он оказывал большее влияние на уровень репрессий в развитом экономическом Немецком районе. При этом аймаки Ойротии можно разделить на две группы по национальному признаку: с репрессированными преимущественно алтайцами (Онгудайский, Улаганский, Кош-Агачский) и русскими (Шебалинский, Усть-Коксинский, Чойский). Усть-Канский аймак («национальный») выделяется повышенной долей приговоренных к расстрелу русских как представителей «инонациональности» для алтайского коренного населения. Эликманарский аймак являлся районом с преимущественно русским населением, но во всех случаях шел в связке с «национальными» алтайскими аймаками, что также позволяет сделать вывод о влиянии на репрессии в нем комплекса социально-экономических причин.

Таким образом, наша гипотеза о влиянии экономических факторов на уровень репрессий по районам Алтая в целом подтверждается, как и гипотеза о роли пространственного фактора.

Заключение

В репрессиях 1930-х гг. можно выделить несколько периодов: 1930-1933 гг., связанные с коллективизацией и «раскулачиванием», конец 1934 – первая половина 1937 гг. – фаза, во время которой происходило постепенное ужесточение репрессивной политики – и 1937-1938 гг., период Большого террора, когда более полутора миллиона человек стали жертвами карательной политики государства. Среди этих фаз вторая является наименее изученной, так как основные исследования данной проблемы сосредоточены на борьбе с оппозицией и «чистках» в партии на всесоюзном уровне. Региональные особенности репрессий данного периода незначительно затронуты в историографии. Реконструкция социального портрета репрессированного в период после убийства Кирова до начала Большого террора позволяет понять, кто именно попадал в репрессивную машину в описываемое время, когда террор еще не достиг наибольшего размаха, осветить основные причины репрессий, их региональные особенности, а также в перспективе провести сравнительный анализ социальных портретов репрессированных в 1930-х гг. в других регионах бывшего Советского Союза.

Последствия репрессий 1930-х гг. сказались на дальнейшей истории советского государства. Сотни тысяч простых граждан были отправлены в исправительно-трудовые лагеря, а в годы Большого террора расстреляны без суда и следствия. В большей степени объектами террора становились не преступники, а обычные советские граждане – рабочие, колхозники, мелкие служащие, к которым приклеивали ярлык «враг народа», изменявший жизнь не только самого человека, но и его семьи, друзей, коллег и знакомых. Данная работа направлена на реконструкцию социального портрета репрессированного гражданина на Алтае и в Ойротской АО в период с декабря 1934 г. по июнь 1937 г. Проведенное исследование привело к следующим результатам.

Прежде всего, отметим, что совместное использование данных электронной базы данных «Жертвы политического террора в СССР» и архивных

материалов, несомненно, дает более надежные результаты исследования. В ходе работы была составлена архивная база данных с использованием материалов следственных дел репрессированных, которая отразила определенные проблемы источниковедческого характера. Сравнение данных архивной выборки с общей совокупностью репрессированных на Алтае в описываемый период подтвердило достаточную надежность использования базы данных Международного «Мемориала» в качестве источника, несмотря на найденные расхождения в данных, которые, впрочем, не влияют на качественные результаты исследования.

На основе проведенной проверки на репрезентативность разных «Книг памяти» за период 1935-1936 гг. выявлено, что не каждая такая Книга может быть источником для реконструкции социального портрета репрессированных, так как не каждая Книга репрезентативна и обладает полнотой данных по рассматриваемому периоду. На материалах «Книг памяти» мы также не можем изучать репрессии 1935-1936 гг. на примере укрупненных регионов административно-территориального деления РСФСР того времени, а вынуждены выбирать отдельные входящие в них территории как объекты исследования. Было подтверждено, что Книги памяти Алтайского края и Республики Алтай обладают полнотой и достоверностью данных за период с конца 1934 г. по первую половину 1937 г. и пригодны для исследования.

На основании архивно-следственных дел нами были выявлены три механизма репрессий. Первый механизм – «снизу вверх» - являлся наиболее распространенным и предполагал арест рядовых работников предприятия или колхоза с целью получения показаний против руководителей данного предприятия. Второй механизм – «сверху вниз» - встречается в следственных делах реже, так как предполагал арест руководителей среднего звена, за которым следовали аресты его подчиненных. Такой механизм репрессий нередко встречается в делах и третьего типа – «смешанного», - который характерен для многотомных, сфальсифицированных групповых дел. Этому типу

присуще постоянное чередование указанных выше репрессивных механизмов.

Анализ динамики арестов и приговоров показал наличие пиковых моментов в репрессиях, связанных с событиями как местного, так и союзного масштаба. До апреля 1937 г. количество арестованных на Алтае редко доходило до 60-70 чел. в месяц, а в Ойротской АО – до 30 чел. После февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б) курс на ужесточение репрессивной политики был взят окончательно, что отразилось в динамике арестов весенних месяцев и июня 1937 г. Если в 1935 г. еще возможно было проведение районных репрессивных акций, которые контролировались обкомом и крайкомом партии, но не влияли в значительной степени на репрессии в соседних районах, то с середины 1936 г. репрессивные акции становятся абсолютно идентичными в двух рассматриваемых регионах.

К середине 1937 г. значительно сократилось количество прекращенных за недоказанностью обвинения дел, впервые за описываемый период в большом количестве появились приговоры к высшей мере наказания. Хотя время проведения следствия с начала 1937 г. стало постепенно сокращаться, в среднем за рассматриваемый период подследственный ожидал приговора более 6,5 месяцев. Направления репрессивной политики постоянно изменялись, во «враги» последовательно записывали «зиновьевцев», «бывших», «троцкистов», «вредителей», «шпионов», что влияло на профессиональный и социальный состав арестованных. Изменялся и состав предъявляемых обвинений. В 1935 – начале 1936 г. наиболее частым обвинением была «антисоветская агитация» (ст. 58 УК РСФСР, п. 10), значительная часть обвинений была предъявлена в индивидуальном порядке. По мере приближения к Большому террору росла роль обвинений в «создании контрреволюционных групп» (п. 11), которые сопровождались обвинениями в «организации вооруженного восстания» (п. 2), «вредительстве» (п. 7) и «терроризме» (п. 8). В 1935 г. 80% всех выдвинутых обвинений содержали в себе только один пункт статьи 58, в 1937 г. этот процент сократился до 27%, в обвинении всё чаще встречались

от трех и более пунктов статьи 58. Значительная часть дел была завершена после 30 июля 1937 г. уже в ходе Большого террора. К этому времени доля приговоров, вынесенных судебными инстанциями, которые были основными органами осуждения в рассматриваемый период, существенно сократилась. В 1935 – начале 1937 г. также невелика была роль внесудебного Особого совещания при НКВД СССР.

Анализ социального портрета показал, что в основной массе репрессии были направлены против мужчин в возрасте от 21 года до 50 лет. В двух возрастных группах (от 31 года до 40 лет, от 41 года до 50 лет) приговоры распределялись практически равномерно. Наиболее жесткие репрессии применялись к людям старше 60 лет. Анализ БД «Мемориала» показал, что в эту возрастную группу входили те, кого большевики считали «неблагонадежными элементами» (единоличники - хотя по факту они были простыми крестьянами, граждане без определенных занятий, служители культа), однако большую часть составили рабочие и служащие. На Алтае отношение к пожилым было более жестким, чем в Ойротии: пожилых людей, малопригодных к физическому труду в лагерях, предпочитали расстреливать или отправлять в лагеря на относительно небольшие сроки. В Ойротской АО, несмотря на возраст, пожилых чаще приговаривали к длительным срокам заключения. В обоих регионах наиболее жесткий террор был направлен против представителей «инонациональностей» - немцев, поляков и др. На Алтае их чаще, чем русских, приговаривали к самому тяжелому сроку заключения – 10 лет ИТЛ – и к расстрелу. В Ойротской АО к «инонацинальности» относилось и русское население. Его приговаривали к расстрелу чаще, чем коренное населения – алтайцев, но реже, чем представителей других национальностей. В количественном отношении русское население пострадало от репрессий больше других. Проведенный анализ указывает на то, что в рассматриваемый период национальность еще не являлась одной из главных причина ареста (как, например, в рамках «национальных» операций), но в значительной степени влияла на выносимый приговор. Выявленная зависимость количества приго-

воров от степени их жесткости у немцев показывает, что террор среди них проводился как четко спланированная акция, в которой национальный аспект был определяющим.

Репрессивные меры государства ударили по наиболее многочисленным социальным группам – рабочие промышленности, занятые в сельском хозяйстве и служащие (в основном низового уровня). Суммарный процент репрессированных рабочих и колхозников от всех репрессированных составляет 46,4% на Алтае и 47,6% в Ойротии. Вместе с мелкими служащими – рядовыми работниками советских учреждений – они составили 67% от всех репрессированных в рассматриваемый период на Алтае и 69% - в Ойротской АО (в оставшуюся треть вошли священники, деклассированные, единоличники и др.). Доля партийно-хозяйственных руководители районного и областного уровня составила 3,8% от всех репрессированных в рассматриваемый период. В общем служащих было репрессировано непропорционально много относительно их доли в населении регионов по переписи 1939 г. Их чаще, чем представителей других социальных слоев, приговаривали к расстрелу. Это соответствовало общесоюзным установкам на репрессии в промышленной сфере, на железнодорожном транспорте, на предприятиях, которые активно начались со второй половины 1936 г. в рамках кампании «борьбы с вредительством». В то же время было прекращено значительное количество дел на занятых в сельском хозяйстве; они часто получали менее жесткие приговоры в 1-3 года, несмотря на то, что в абсолютном выражении этот социальный слой пострадал от репрессий в наибольшей степени. Разных подход в двух регионах был к репрессиям среди единоличников. К началу Большого террора на Алтае их аресты практически прекращаются, так как к этому времени в населении региона их остается не более 1,5%, в Ойротской АО аресты происходят равномерно на протяжении всего рассматриваемого периода, так как еще активно продолжается процесс коллективизации.

Изучение архивных документов способствовало проведению более глубокого микроанализа и получению результатов с использованием созданной

в ходе данного исследования архивной базы данных. Она показала, что большинство репрессированных, попавших в выборку из следственных дел по Алтаю, имело образование ниже среднего или было малограмотным. Сравнение полученных результатов с данными по Ойротской АО показало, что в ней уровень грамотности репрессированных был немного выше, а в старших возрастных группах жертвами репрессий чаще становились люди, имеющие образование.

Значительная часть репрессированных являлась выходцами из различных категорий крестьянства, что является неудивительным для преимущественно аграрного края. В количественном отношении значительно больше от репрессий пострадали вполне «советские» группы населения – выходцы из крестьян-бедняков и середняков. Приговоры им были менее жесткими, чем выходцам «из кулаков» и зажиточных крестьян как «чуждых» советскому строю слоев населения. Анализ выявил относительно высокий процент состоявших до ареста в ВКП(б), а также то, что партийная принадлежность не могла спасти от ареста и сурового приговора. Наиболее старые члены партии из попавших в выборку (вступившие в нее до 1922 г.) в основном были приговорены к расстрелу или длительным лагерным срокам, однако они не были основной целью репрессий. В определенной степени на вынесенный приговор влияла и служба в армии. В рассматриваемый период принадлежность к рядам белой армии могла сама по себе стать решающим фактором для ареста. Она также являлась объектом подлога сведений в следственном деле: служебное положение в рядах белой армии нередко заменяли на другое для получения «нужной» картины следствия. 67% от репрессированных служащих Красной армии составили рядовые красноармейцы, дела которых часто прекращались за недоказанностью преступления.

Определенное влияние оказывало на приговор наличие судимости: по итогам анализа архивной БД почти 40% репрессированных имели судимости до ареста. В некоторых случаях это влияло на дальнейшие репрессии: нередки были случаи, когда в период Большого террора человека арестовывали

снова. Исходя из специфики кампаний массовых операций, дальнейшие репрессии нередко происходили по национальному признаку. Проведенный анализ позволил также сделать вывод о том, что в наибольшей степени на тяжесть выносимого приговора влияли национальная принадлежность и социальное положение. В указанный период репрессии не носили массово-социального характера: причиной ареста чаще становилась индивидуальная «вина» человека – неосторожное высказывание, рассказанный анекдот, «пятна» в биографии.

Алтай выделялся своей аграрной специализацией, что отразилось в количестве арестованных работников сельского хозяйства, которое значительно превышало средний показатель по всему Советскому Союзу. Наличие в составе арестованных значительного количества представителей этой общественной группы обусловило более высокий, чем в среднем по СССР, процент прекращенных по итогам следствия дел. В целом обвинительная практика на Алтае незначительно отличалась от других регионов Советского Союза.

Статистический регрессионный анализ показал, что уровень благосостояния населения влиял на уровень репрессий в районах Алтая и Ойротской АО. Там, где покупательная способность населения была выше, где была выше доля бюджетных расходов на население, уровень репрессий также был выше. Эти районы отличались и более высокими показателями социального развития. Кластерный анализ позволил определить группы районов, в которых на уровень репрессий оказывали влияние разные экономические показатели: районы с более высоким значением показателя товарооборота на душу населения и железными дорогами, районы с высоким уровнем коллективизации и экстенсивным развитием сельского хозяйства с умеренным уровнем экономического развития или с относительно высоким товарооборотом на душу населения, районы с городскими центрами и «национальные» районы. Было установлено, что провозглашаемый тезис большевиков об оправдании неудач экономического развития действиями «врагов» на прак-

тике почти не выполнялся, так как отстающие в экономическом отношении районы характеризовались относительно невысоким уровнем репрессий. Пространственный анализ показал, что интенсивность репрессий в смежных районах, близких в территориальном аспекте и социально-экономическом отношении, различалась в меньшей степени, чем в отдаленных друг от друга районах.

Подводя итог, отметим, что составление образа «врага народа» - важный шаг к пониманию советской действительности 1930-х гг. Сопоставление реконструированного социального портрета репрессированных разных волн террора 1930-х гг. позволяет выявить общие и различные черты, понять, как менялось мнение власти о том, кто «мешал» стране на пути построения «светлого будущего». Исследование архивных документов и составление правдивого социального облика репрессированного является неотъемлемой частью сохранения памяти о репрессированных людях.

Список источников и литературы

Источники:

Архивные документы:

1. Государственный архив Алтайского края (ГА АК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 22;
2. ГА АК. Ф. П-10. Оп. 19. Д. 194;
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5446. Оп 16. Д. 4006 // Archives of the Soviet communist party and Soviet state micro-film collection, [Reel 3.51], Hoover Institution Archives;
4. Отдел спецдокументации управления архивного дела Алтайского края (ОСД УАДАК). Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 447, 633, 758, 865, 902, 964, 1030, 1046, 1438, 4311, 4649, 5119, 5138/2, 5138/3, 5138/4, 5189/23, 5518, 6193, 7034, 7818/1, 7818/4, 8820, 8722, 8896, 9796, 9798, 10880, 11672, 12114, 12115, 12133, 12276, 12765/1, 12765/2, 14766, 13159, 15659, 20460, 20752, 20799, 20799/1, 20827, 21891, 23037, 23669, 23669/1, 23669/1, 24154, 24181;
5. ОСД УАДАК. Ф. Р. 618. Оп. 1. Д. 5.

Опубликованные источники:

6. База данных «Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. - Режим обращения: http://base.memo.ru;
7. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. 320 с.;
8. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. 207 с.;
9. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия / под ред. Ю.А. Полякова. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1999. 207 с.;
10. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007. 1 электрон, опт. диск (CD-ROM);

11. Жертвы политического террора в Алтайском крае. Т. 2. Барнаул, 1999; Т. 3. 1937 г., ч. 1. Барнаул, 2000; Т. 3., 1937 г., ч. 2. Барнаул, 2000; Т. 7. 1920-1965. Барнаул, 2005;

12. Западно-Сибирский край. Города и районы. Основные показатели. Новосибирск, 1936 г.;

13. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 1. Массовые репрессии в СССР / Отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М., 2004;

14. Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области. В 2 т. / Сост. Л.И. Гвоздкова. Т. 1. Кемерово: Полиграфкомбинат, 1995; Т. 2. Кемерово: Полиграфкомбинат, 1996;

15. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Том I. Горно-Алтайск, 1996. Том II. Горно-Алтайск, 1998. Том III. Горно-Алтайск, 2003;

16. Книга памяти жертв политических репрессий Новосибирской области. Новосибирск: Сова, 2008;

17. Красная Ойротия. 24 марта 1936 г. №40 (1548); 12 мая 1936 г. №68 (1576);

18. Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД / Сост. В.Н. Хаустов и др. М., 2003;

19. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937—1938. — М.: МФД, 2004;

20. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории, 1995, №2;

21. Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). Монография. М.: Кучково поле, 2006;

22. Народное хозяйство Западно-Сибирского края. Новосибирск, 1936;

23. Особенная часть УК РСФСР 1926 г. // Сайт Красноярского общества «Мемориал» [Электронный ресурс]. - Режим обращения: http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/05.htm;

24. Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.). Сборник архивных документов и материалов / Отв. ред. Н.В. Екеев. Горно-Алтайск: «АУ РА «Литературно-издательский дом «Алтын Туу», 2017;

25. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР» // Известия ВЦИК. №37. 18.02.1923;

26. Постановление ЦК ВКП(б) №П43/305 от 29 сентября 1936 г. // Известия ЦК КПСС, 1989. №5. С. 72. [Электронный ресурс]. – Режим обращения: http://www.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/2.html

27. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993;

28. СЗ СССР 1932 г. № 62, ст. 360; 1934. №36. Ст. 283;

29. СУ РСФСР, 1926, N 80, ст. 600;

30. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951;

31. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. В 5 т. / под ред. В.П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. Т. 5. Кн. 1, 2 М., 2006;

32. Фрагмент выступления начальника управления НКВД по ЗСК С.Н. Миронова на пленуме Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) 17 марта 1937 г. в Новосибирске (стенографическая запись) // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. 2008.

Литература:

1. Аблажей Н.Н. Перебежчики в Горном Алтае: масштабы миграции и механизм политических репрессий в 1920-1930-е гг. // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Вып. 2. Новосибирск: Наука-Центр, 2004. С. 83-103;

2. Аблажей Н.Н. «Харбинская операция» НКВД в 1937-1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. №2;

3. Аблажей Н.Н. «РОВСовская операция» НКВД в Западной Сибири в 1937-1938 гг. // Вестник Томского государственного университета. - 2008. №. 311. С. 54-57;

4. Аблажей Н.Н., Красильников С.А., Харатян Г. Опыт создания книг памяти депортированных: проблемы и решения // Вестник Томского университета. 2017. №422. С. 61-66;

5. Аналитические данные // Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. 1937. Том III, часть II. Барнаул, 2001. С. 430-431;

6. Баберовски Й. Выжженная земля: сталинское царство насилия. М., 2014. 488 с.;

7. Бадьин В.М. «Книга памяти жертв политических репрессий в Кировской области» как исторический источник по репрессиям в отношении представителей духовенства в Вятском крае в 1918-1921 гг. // «Обретение святых». Сборник выступлений II-ой историко-краеведческой конференции «обретение святых». – Вятка [Киров] : Буквица, 2010. С. 51-57;

8. Байда Е.В. Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика 1917-1980е гг. Сборник статей участников научной конференции 10-12 ноября 1997 г. Нижний Тагил, 1997. С. 86-95;

9. Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 1995. 316 с.;

10. Бородкин Л.И. “Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941-1946 гг.». Авторы-составители: В. М. Кириллов, П. М. Кузьмина, Н. М. Паэгле, А. А. Пермяков, С. Л. Разинков. М: РНД, Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. Т. 1, 520 с. Т.2, 920 с.// Исторический журнал: научные исследования . – 2011. – № 4. – С. 110 – 114;

11. Бородкин Л.И., Матвеев В.И. Медиаресурсы и компьютерное картографирование в изучении пространственной организации ГУЛАГа // Историческая информатика. 2013. №. 4. С. 32-61;

12. Быкова С.И. «Время-тать»: представления жителей Уральского региона о масштабах и причинах террора В 1930-е годы // История сталинизма: репрессированная советская провинция. М., 2011. С. 400-407;
13. Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937-1938 гг. М., 2004;
14. Верт Н. Сталинизм и массовые репрессии // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 93-101. 256 с.;
15. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М, 2010. 447 с.;
16. Вильданова О.А. Изучение политики репрессий 30-х гг. XX века (на основе сведений о репрессированных жителях Мечетлинского района республики Башкортостан) // Система ценностей современного общества: сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2012. С. 50-55;
17. Вохменцева Н.В. Поляки в Горном Алтае в 30-50-е гг. XX века в документах и фактах // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2015. №3 (9). С. 62-67;
18. Гарскова И.М. Базы данных в исторических исследованиях: опыт и перспективы // Круг идей: базы данных в исторических исследованиях. Барнаул, 2013. С. 7-17;
19. Гвоздикова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997;
20. Генина Е.С. Преследование «бывших белых» в Кузбассе в 1930-е гг. как реализация сталинской идеологии репрессий // Белая гвардия. 2001. №5. С. 61-66;
21. Голдман В. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010. 336 с.;
22. Грегори П.Р. Нужен ли был Сталин? // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 10-20;
23. Гришаев В.Ф. Убитые дважды // Алтай. 1992. №3. С. 126-139;

24. Реабилитированы посмертно: (к истории сталинских репрессий на Алтае). — Барнаул: изд-во АГУ, 1995. 239 с.;

25. Дроздов К.С. Кампания террора 1937-1938 гг. в Белгородском районе Курской области // Политические и социальные аспекты истории сталинизма. Новые факты и интерпретации. М. : Политическая энциклопедия, 2015. С. 162-185;

26. Дьячков В.Л. «Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие – как часовые…»: книги памяти как источник в изучении социальной истории России 1860-1930-х гг. // Вестник Тамбовского университета. 2015. Выпуск 2 (142). С. 120-126;

27. Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа №00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа №00447. М., 2009. С. 718-745;

28. Жданова ГД. Проблемы обеспечения сохранности и использования судебно-следственных дел // История сталинизма: репрессированная российская провинция", международная научная конференция (9-11 октября 2009 г.; Смоленск) / под ред. Е. В. Кодина. - Москва : Фонд "Президентский центр Б.Н. Ельцина" : РОССПЭН, 2011. С. 444-450;

29. Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг.: историко-статистическое исследование: монография. Барнаул: АЗБУКА, 2015. 255 с.

30. Жемкова Е. Масштабы советского политического террора // Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. – Режим обращения: https://www.memo.ru/media/uploads/2017/08/22/masshtaby-sovetskogo-politicheskogo-terrora.pdf;

31. Журавлев С.В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение по новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С. 153-210;

32. Звеняцкая Н.В. Социальный портрет «врага народа» в 1920-1930-е гг. (по материалам Нижнетагильского округа) // Тагильский край в панораме веков. Материалы научно-практической конференции г. Нижний Тагил, 12-13 мая 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 98-104;

33. Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР [Электронный ресурс]. – Режим обращения: http://www.politpros.com/journal/read/?ID=783;

34. Зима В.Ф. Человек и власть в СССР в 1920-1930е годы: политика репрессий. М., 2010. 240 с.;

35. Иванов К.Ю. Информационные возможности Книг памяти жертв политических репрессий для восстановления истории религиозных организаций юга Западной Сибири // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XII-XX вв.: Материалы конференции, посвященной памяти профессора А.А. Говоркова / Под ред. профессора А.Н. Жеравиной. Томск, 2003. С. 203-208;

36. Карлов С.В. Массовые репрессии в 1930 гг. (на материалах Хакасии). – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. 206 с.;

37. Каташев М.С. Источники по изучению политических репрессий в национальном регионе (на примере Горного Алтая) // Научный альманах. 2016. №8-1 (22). С. 390-396;

38. Кириллов В.М. Книги памяти жертв политических репрессий: историография и методология // Исторический журнал: научные исследования. М., 2011. №5. - С. 71-87;

39. Кириллов В.М. Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий [Электронный ресурс] : Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт. - Режим обращения: http://ntspi.ru/about_academy/science/scientific_problem_laboratories/lab_3/%D0%A3%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B8%20%D0%B5%D0%B3%D0%BE%20%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0/book/021.html;

40. Кириллов В.М. Репрессированные в Нижнетагильском регионе Урала (проблема формирования банка данных) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика 1917-1980-е гг. С. 21-28;

41. Кириллов В.М., Славко Т.И. Узники Тагиллага: принципы комплектования банка данных // Круг идей: развитие исторической информатики. Труды II конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 1995. С. 51-59;

42. Конквест Р. Большой террор. Книга 1 // Электронная библиотека «ЛитМир» [Электронный ресурс]. - Режим обращения: http://www.litmir.info/bd/?b=99847;

43. Книги памяти жертв политических репрессий в СССР. Аннотированный указатель. СПб., 2004;

44. Книги памяти жертв политических репрессий в СССР // Проект «Возвращенные имена» [Электронный ресурс]. - Режим обращения http://visz.nlr.ru/project/books/uk2003/4.html#novos;

45. Кодин Е.В. Электронная база данных жертв политических репрессий Смоленской области как исторический источник // История сталинизма: репрессированная российская провинция. М., 2011. С. 41-52;

46. Красильников С.А. Сибирь в планах и практике государственных репрессий в первой половине 1930-х гг. // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 120-летию Томского государственного университета. Том III / Отв. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. С. 4-11;

47. Леонтьев Я.В. Дело «Всесоюзного эсеровского центра» // Политические и социальные аспекты истории сталинизма. Новые факты и интерпретации. С. 119 – 160;

48. Лягушкина Л.А. К оценке информационного потенциала «Книг памяти» в сравнении со следственными делами жертв «Большого террора» // Исторический журнал: научные исследования. 2014. №. 2 (20). DOI: 10.7256/2222-1972.2014.2.12457. С. 157-166;

49. Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): анализ базы данных по книгам памяти Нижегородской области // Историческая информатика. - 2012. №1. - С. 30-43;
50. Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора в Башкирской АССР: анализ базы данных по региональным «книгам памяти» // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М., 2013. С. 305-315;
51. Лягушкина Л.А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937-1938 гг.) в Карельской АССР // Вестник Пермского университета. Серия «История». - 2014. Выпуск 3 (26). - С. 36-44;
52. Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «книгам памяти».: дисс. … канд. ист. наук : . 07.00.09. – Москва, 2016. 354 с.;
53. Макаров А.А. Репрессии в Красноярском крае (1934-1938). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. 208 с.;
54. Макеев Б.В. Прекращенные уголовные дела по обвинениям в контрреволюционных преступлениях 1937-1938 гг. из архива УФСБ РФ по Смоленской области // Отечественные архивы. 2007. №5. С. 45-52;
55. Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ №00447. М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 751 с.;
56. Меньковский В.И. Изучение репрессий сталиинского периода в англо-американской ревизионистской историографии // История сталинизма: репрессированная советская провинция. М., 2011. С. 78-85;
57. Морозова Н.М. Социальный портрет «лишенцев» Мордовского края: источники и методы исследования // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. Труды VIII конференции Ассоциации «История и компьютер». Барнаул, 2003. С. 158-173;

58. Папков С.А. Каганович в Сибири: погромные акции 1929-1936 гг. // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск: ИД «Сова», 2008. Вып. 2. С. 589-596;

59. Папков С.А. Доносы 1937 года // Политические и социальные аспекты истории сталинизма. Новые факты и интерпретации. М. : Политическая энциклопедия, 2015. С. 86-105;

60. Папков С.А. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М., 2010;

61. Папков С.А. Тройки ОГПУ—НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 128–154;

62. Папков С.А. Сталинский террор в Сибири, 1928-1941 // Сайт Красноярского «Мемориала» [Электронный ресурс]. - Режим обращения: http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1997Papkov/0.htm;

63. Папков С.А. Чистка управленческих кадров угольной промышленности Кузбасса в 1937 г. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. №1. С. 59-63;

64. Петров Н., Янсен М. Сталинский питомец – Николай Ежов. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 464 с.;

65. Политические репрессии в Алтайском крае 1919-1965 гг. Барнаул, 2005. 432 с.;

66. Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.): Коллективная монография. Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2017. 280 с.;

67. Политические репрессии в Прикамье. 1918-1980-е гг.: Сборник документов и материалов. Пермь : «Пушка», 2004. 560 с.;

68. Потапова Н.А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937-1938 гг. в Алтайском крае // Вестник Томского университета. История. 2017. №47. С. 75-80.

69. Путилова Е.Г. Проблема увековечения памяти жертв политических репрессий в России (II половина 1980-х – начало 2000-х гг.) // Вестник ТПГУ. 2010. Выпуск 9 (99). С. 71-75;

70. Разгон В.Н. Социальные и экономические факторы «Большого террора» 1937-1938 гг. (по материалам следственных дел УНКВД по Алтайскому краю на «бывших кулаков») // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всероссийской научной конференции. 30 июня – 1 июля 2006 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Ч. 2. С. 249 – 260;

71. Разгон В.Н. «Большой террор» и колхозное крестьянство Алтая (по материалам архивно-следственных дел) // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: материалы II Всероссийской научной конференции. 27-28 июня 2009 г. Барнаул: Изд-во «Академия развлечений», 2009. С. 208-214;

72. Разгон В.Н. Большой террор 1937-1938 гг.: выбор жертв репрессий (на материалах следственных дел УНКВД по Алтайскому краю) // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2016. №4(92). С. 128-134;

73. Разгон В.Н., Жданова Г.Д. Большой террор в ракурсе микроисторического исследования: репрессии в Солтонском районе Алтайского края в 1937-1938 гг. // Сибирские историче-ские исследования. Томский, 2014. С. 71-87;

74. Разинков С.Л. Социальный портрет советских немцев-трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941-1946 гг.: опыт создания и применения электронной базы данных. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2001. 29 с.;

75. Раков А.А. О социальном портрете раскулаченных крестьян Южного Урала (1930-1934 гг.): экономические и демографические аспекты анализа базы данных // Историко-экономические исследования. - 2007. Т. 8. №.1. - С. 93-126;

76. Раков А.А. Социально-экономические аспекты «раскулачивания» крестьян Южного Урала (1930-1934 гг.). М., 2012. 193 с.;

77. Рогачев М.Б. Хронология политических репрессий в Коми АССР // История сталинизма: репрессированная советская провинция. М., 2011. С. 174-182;

78. Рожнева Ж.А. Политические репрессии в Александровском районе // Земля александровская: Сборник научно-популярных очерков к 75-летию образования Александровского района. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 340-353

79. Савин А.И. Трагедия Евангельских христиан. «Дело» пресвитера О.И. Кухмана (1937 г.) // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск : ИД «Сова», 2005;

80. Самуэльсон Л. Черты чисток в Челябинске, 1936-1939 годы // История сталинизма: репрессированная советская провинция. М., 2011;

81. Силина И.Г. Архивно-следственные дела как источник по профессиональному составу населения Алтайской губернии в 1919-1930 гг. // Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа : сб. науч. тр. / Под ред. В.Н. Владимирова, М.Х.Д. ван Леувена. - Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 66-84;

82. Славко Т.И. Исправительно-трудовые лагеря на Урале в 20-е годы (проблемы формирования базы данных) // Круг идей: развитие исторической информатики. Труды II конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 1995. С. 60-70;

83. Славко Т.И. Репрессивная политика советского государства в 20-е-30е гг. (проблема формирования банка данных) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика 1917-1980е гг. Сборник статей участников научной конференции 10-12 ноября 1997 г. Нижний Тагил, 1997. С. 16-21;

84. Смирнова Т.М. Социальный портрет «бывших» в Советской России. По материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» осенью 1919 года в Москве и Петрограде // Социальная история. М., 2000. С. 87-126;

85. Солгунов Т.В. Историография массовых политических репрессий 1937-1938 гг. в Западной Сибири // Актуальные вопросы отечественной истории XX века. Сборник научных статей. Барнаул, 2006. С. 185-205;

86. Справочные материалы // База данных «Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. – Режим обращения: http://base.memo.ru/references/referenceMaterials;

87. Степанов М.Г. История политических репрессий в СССР (1934-1936 гг.): взгляд отечественной историографии // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. II. С. 182-185;

88. Суслов А.Б. Трудпоселенцы – жертвы «кулацкой операции» НКВД в Пермском районе Свердловской области // Сталинизм в советской провинции. М., 2009. С. 132-150;

89. Тепляков А.Г. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929-1941 гг. // [Электронный ресурс]. - Режим обращения: http://providenie.narod.ru/0000362.html;

90. Тепляков А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936-1946 гг. // [Электронный ресурс]. – Режим обращения: http://rusk.ru/st.php?idar=45710;

91. Тимонина Е.И. Политические репрессии 30-х годов в Сибири // Социально-экономические и общественно-политические процессы в российском обществе: Сборник научных трудов кафедры общественных наук. – Омск: Издательство Омского института предпринимательства и права, 2004. С. 36-68;

92. Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920-1941 гг.). Томск, 2011. 330 с.;

93. Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск, 2012. 564 с.;

94. Уйманов В.Н. Национальный состав репрессированных на территории Западной Сибири в 1931-1941 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 105-110;

95. Уйманов В.Н. Опыт создания электронной базы данных репрессированных на территории Томкой области // Вестник ТГУ. - 2012. №362. - С. 103-106;

96. Ушвицкая Э.Е. Жертвы политических репрессий в России. 1918-1922 годы (по материалам массовых обследований политического Красного Креста, хранящихся в ГА РФ) // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. Труды IV конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 1997. С. 284-196;

97. Фаворская И.М. Деятельность по восстановлению прав и увековечению памяти нижегородцев – жертв репрессий // Политические репрессии на Нижегородской земле [Электронный ресурс]: МКУК ЦГБ им. В.И. Ленина / сост. Т.В. Кучерова, Н.П. Шахмайкина. Нижний Новгород, 2012. Режим обращения: http://www.gorbibl.nnov.ru/files/bibliographies/politrepressii.doc;

98. Фаст А.А. В сетях ОГПУ-НКВД (Немецкий район Алтайского края в 1927-1938 гг. Барнаул, 2002. 461 с.;

99. Хаустов В.Н. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Наказанный народ: По материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», 18-20 ноября 1998 г. / Под ред. А. Б. Рогинского. - М., 1999. С. 75-83;

100. Хаустов В.Н. Основные факторы, определяющие репрессивную политику Советского государства // История сталинизма: репрессированная советская провинция. М., 2011. С. 9-15;

101. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 432 с;

102. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30е гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 304 с.;

103. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 479 с.;

104. Хлевнюк О.В. Сталин у власти. Приоритеты и результаты политики диктатуры // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 62-74;

105. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М: Corpus, 2015. 680 с.;

106. Чебыкина Т.В. Личные дела спецпоселенцев как источник по истории насильственных этномиграций в сталинский период // Историческая наука на рубеже веков. М-лы Всероссийской науч. конфер., посвященной 120-летию ТГУ. Т. 3. Томск: ТГУ, 1999. С. 166-170;

107. Шабалин В.В. Сельское население Прикамья как жертва массовой операции по приказу №00447 // Сталинизм в советской провинции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. С. 104-115;

108. Шадт А.А. Сталинская национальная политика в Сибири (1930-1950-е гг.) // Политические и социальные аспекты сталинизма. Новые факты и интерпретации. С. 218-238;

109. Ширер Д. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924-1953 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. 543 с.;

110. Шишкина И.А. Архивно-следственные дела как источник по истории политических репрессий казахов ойротской автономной области в первой половине 1930-х гг. // Гуманитарные и социальные науки. 2014. №2. С. 256-259;

111. Эшматова Г.Б. Политические репрессии в Горном Алтае // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2015. N. 2(9). С. 48 – 52;

112. Эшматова Г.Б. Из истории политических репрессий в Горном Алтае в период 1920-1930-х гг. XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. №3/2. С. 95-100;
113. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»: секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М. : АИРО-XX, 2003. М., 2003. 352 с.;
114. Ellman M. Regional Influences on the Formulation and Implementation of NKVD Order 00447 // Europe Asia Studies. Vol. 62. No. 6. August 2010. Pp. 915-929;
115. Ilič M. The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis // Europe – Asia Studies. Vol. 52. No. 8. 2000. Pp. 1515-1534;
116. Shearer D. Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier. Western Siberia in the 1930s // Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917-1953, ed. Donald Raleigh. University of Pittsburgh Press, 2001. Pp. 194-216;
117. Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934-1941. New Heaven, 1996;
118. Tucker R. Stalin in Power. The Revolution from above, 1928-1941. New York, 1992.

Приложения

Приложение 1

Экономическая карта Алтайского края 1939 г[639] (с указанием границ районов)

[639] Экономическая карта Алтайского края 1939 г., составленная 6-й Картографической фабрикой ГУГК при СНК СССР в октябре 1939 г. Границы региона соответствуют периоду 1 декабря 1934 г. – 30 июня 1937 г. край занимал территорию современных Алтайского края, Республики Ал-тай и двух районов современной Новосибирской области: Кочковского (передан в 1939 г.) и Андреевского (передан в 1944 г.). Аймаки Ойротской АО находятся на юго-востоке края.

Приложение 2

Сравнение данных «Книг памяти» со статистикой О.Б. Мозохина (1935-1937 гг.)[640]*

Регион	01.12.1934-30.06.1937	1935 Мемориал	1935 Мемориал/Мозохин	1936 Мемориал	1936 Мемориал/Мозохин	1937 Мемориал	1937 Мемориал/Мозохин
Северный край – Вологодская обл.	234	92	55,2%	69	212,4%	1088	19,0%
Северный край – Архангельская обл.	1063	372		321		3416	48,3%
Северный край – Коми АССР	6898	1300		4334		5367	512,6%
Карельская АССР	420	82	нет данных	67	нет данных	5912	135,2%
Ленинградская обл.	3963	1067	10,3%	771	10,1%	25327	86,1%
Ленинградская обл. – Новгородская обл.	2227	426		239		7377	
Ленинградская обл. – Псковская обл.	1189	411		441		6323	
Ленинградская обл. – Мурманская обл.	636	191		135		1749	
Калининская обл.	949	220	13,8%	334	16,6%	5358	47,1%
Западная обл. – Смоленская обл.	1296	322	18,8%	444	23,3%	9975	52,8%
Западная обл. – Орловская обл.	372	201		139		5520	36,8%
Московская обл. и Москва	3115	79	3,9%	932	13,6%	12146	34,1%
Московская обл. – Калужская обл.	810	251		308		4621	
Московская обл. – Рязанская обл.	353	135		140		1091	
Московская обл. – Тульская обл.	44	12		18		215	
Ивановская промышленная обл. (ИПО) – Ярославская обл.	1357	299	23,7%	604	37,5%	2283	44,3%
ИПО – Ивановская обл.	нет данных	нет данных		нет данных	0	нет данных	0
ИПО – Владимирская обл.	1139	406		420	32,9%	3028	41,2%
ИПО – Костромская обл.	87	2		7		973	
Горьковская обл. – Нижегородская обл.	2888	683	42,5%	629	43,8%	8361	79,3%
Горьковская обл. – Марийская АССР (Марий Эл)	326	94		101		549	16,8%
Горьковская обл. – Чувашская АССР (Чувашия)	1209	442		418		4432	130,7%
Кировский край – Кировская обл.	1143	303	19,4%	536	38,6%	3053	68,7%
Кировский край – Удмуртская ССР (Удмуртия)	736	291		273		2072	82,1%
Татарская АССР (Татарстан)	2698	812	46,1%	682	43,7%	8033	104,7%
Куйбышевская обл.	2162	554	33,3%	601	44%	9676	116,7%
Куйбышевская обл. – Ульяновская обл.	435	157		126		2780	
Куйбышевская обл. –	542	235		177		2426	

[640] Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007; Мозохин О.Б. Указ. соч. С. 327, 334.

* Данные в колонках 1-2, 4, 6 даны в соответствии со сведениями базы данных «Мемориала». В колонках 3, 5, 7 представлено отношение сведений БД «Мемориала» с статистическим данным, опубликованным О.Б. Мозохиным

Пензенская обл.							
Куйбышевская обл. - Мордовская АССР	515	213		138		2693	78,4%
Воронежская обл.	557	193	4,8%	100	4,8%	1477	10,7%
Курская обл.	468	89	4,5%	122	6,6%	1887	16,8%
Крымская АССР (Крым)	1516	413	24,9%	417	31,4%	4303	50,6%
Азово-Черноморский край (АЧК) - Ростовская обл.	387	132	1,9%	129	3,5%	820	4,3%
АЧК - Краснодарский край	384	50		109	1,6%	1705	12,5%
Северо-Кавказский край (СКК) - Кабардино-Балкарская АССР	270	75		51		2376	78,3%
СКК- Северо-Осетинская АССР	302	94		154		2159	94,7%
СКК – Дагестанская АССР	220	2		6		3377	58,7%
СКК – Чечено-Ингушская АССР	нет данных	нет данных	15,55%	нет данных	20,2%	нет данных	0
СКК – Карачаево-Черкесская АССР	150	76		41		0	65,2%
СКК – Орджоникидзевский край	1744	418		506		9420	
Сталинградская обл.	372	108	3,5%	169	8,3%	1249	13,7%
Саратовская обл.	1800	645	11,1%	618	18,6%	7918	35,2%
Оренбургская обл.	60	3	0,1%	9	0,7%	4238	43,1%
Башкирская АССР	1418	338	18,3%	420	28,3%	9111	78%
Челябинская обл.	216	45	6,7%	77	12%	1106	26,1%
Челябинская обл. – Курганская обл.	879	219		313		2965	
Свердловская обл.	1204	336	20,4%	378	40,6%	6101	61,9%
Свердловская обл. – Пермская обл.	2395	849		606		11686	
Омская обл.	1819	460	13,7%	631	25,2%	8886	36,3%
Омская обл. – Тюменская обл.	247	0		47		4601	
Западно-Сибирский край (ЗСК) – Алтайский край	1740	541	14,9%	434	21,9%	15073	133,2%
ЗСК – Ойротская АО	427	104		160		2777	
ЗСК – Новосибирская обл.	89	16		25		1168	26,8%
ЗСК – Кемеровская обл.	355	157		123		2639	
ЗСК – Томская обл.	1332	366		377		9473	
Красноярский край	1772	439	18%	1032	46,3%	11669	94,5%
Красноярский край – Хакасская АО (Хакасия)	358	45		155		1212	
Восточно-Сибирская край (ВСК) – Читинская обл.	651	166	11,6%	135	15,4%	4742	76,6%
ВСК – Иркутская обл.	1167	256		259		5780	58,1%
ВСК – Бурят-Монгольская АССР (Бурятия)	220	71		58		806	25,4%
Дальне-Восточный край (ДВК) – Хабаровский край	1528	436	35,1%	402	72,4%	1813	46,4%
ДВК – Приморский край	738	121		134		3204	
ДВК – Камчатский край	132	33		31		118	
ДВК – Амурская обл.	365	112		92		1536	
ДВК – Магаданская обл.	4072	1392		2680		1827	
Якутская АССР (Якутия)	173	37	нет данных	71	29,9%	408	63,4%

Приложение 3

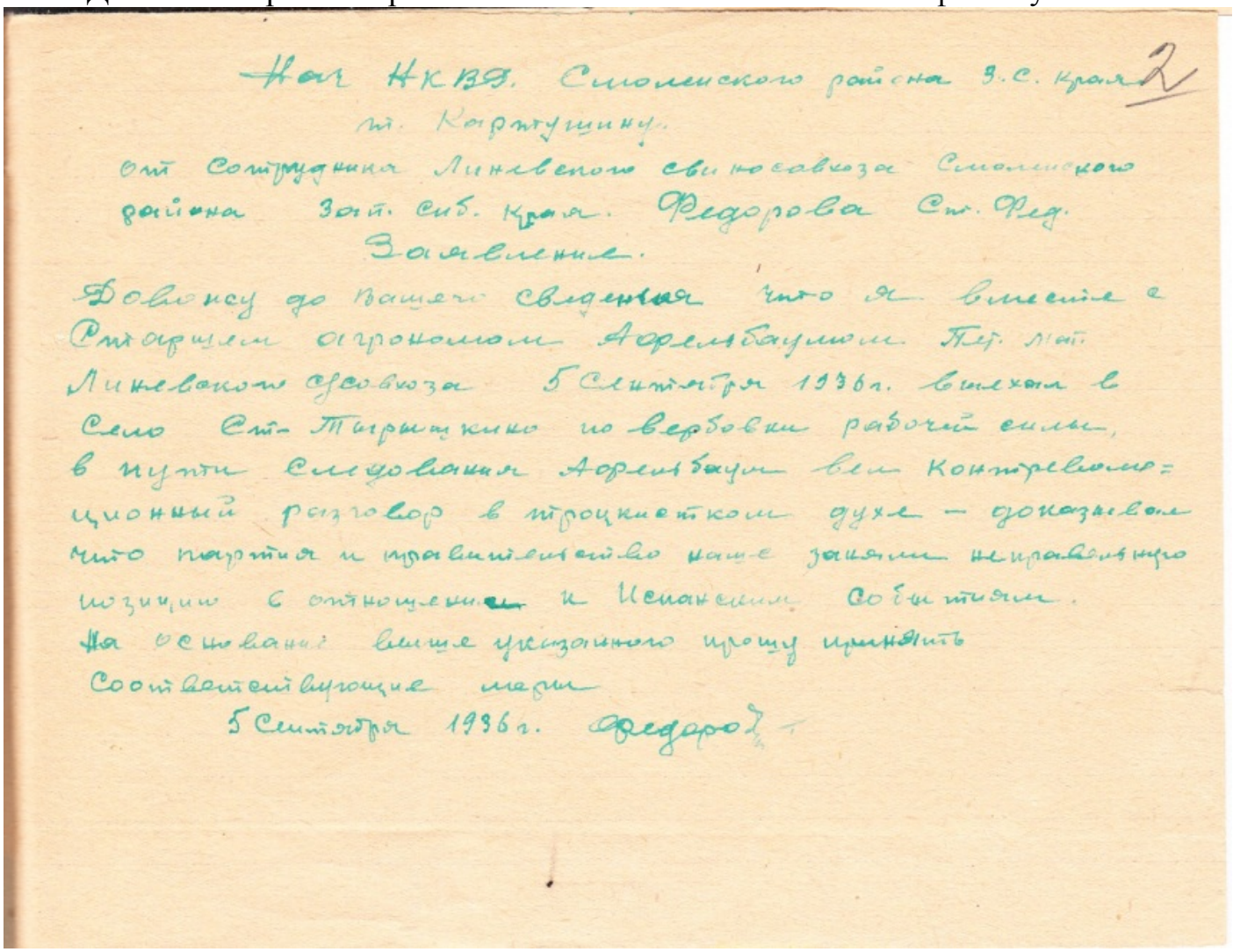
«Степень репрессий» по укрупненным регионам в 1935-1936 гг.[641]

Регион	Кол-во репрессированных (1935-1936)	Численность населения по переписи 1937	Репрессировано на 1000 чел. населения (по данным 1937)	Репрессировано на 1000 населения (1939, от 15 лет и старше)	Репрессировано на 1000 населения (1939, от 20 лет и старше)
Азово-Черноморский край	15726	5601759	2,81	1,75	1,85
Башкирская АССР	3334	2956778	1,13	1,88	2,17
Воронежская обл.	6155	6086834	1,01	2,79	3,19
Восточно-Сибирский край	7209	1897049	3,80	3,83	4,47
Горьковская обл.	7378	4706966	1,57	2,15	2,51
Дальне-Восточный край	10577	2602189	4,60	6,68	7,61
Западная обл.	5286	4693495	1,13	1,44	1,72
Западно-Сибирский край	13090	6584191	1,99	3,35	4,00
Ивановская промышленная обл. (с Ярославской обл.)	5897	4716225	1,25	1,86	2,17
Калининская обл.	3607	3220664	1,12	1,74	2,04
Кировский край	5153	4252347	1,21	2,42	2,67
Красноярский край	5252	2064932	2,54	4,39	5,21
Крымская АССР	2985	994798	3,00	3,96	4,55
Куйбышевская обл.	5846	5140258	1,14	1,68	1,96
Курская обл.	3836	4166636	0,92	2,02	2,39
Ленинградская обл.	28322	9646217	2,94	5,95	6,85
Московская обл. и Москва	27636	15769445	1,75	3,07	3,79
Омская обл.	6054	2330420	2,6	4,31	5,10
Оренбургская обл.	3449	1566010	2,2	3,46	3,97
Саратовская обл.	9156	2375939	3,85	6,01	6,95
Свердловская обл.	8249	4126450	2,00	2,76	3,17
Северный край	5419	2571569	2,11	2,67	3,14
Северо-Кавказский край	8036	2757901	2,91	3,01	3,44
Сталинградская обл.	5266	2224797	2,37	3,52	3,97
Татарская АССР	3325	2735685	1,22	1,99	2,31
Челябинская обл.	7181	2768565	2,59	4,13	4,75

[641] Мозохин О.Б. Указ. соч. С. 327, 334; Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. С. 42-45; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. С. 29-32.

Приложение 4

Донос на старшего агронома Линевского свиносовхоза П. Афельбаума[642]



2

Нач НКВД. Смоленского района З.С. края
т. Картушину.

От Сотрудника Линевского свиносовхоза Смоленского
района Зап. Сиб. Края. Федорова Ст. Фед.

Заявление.

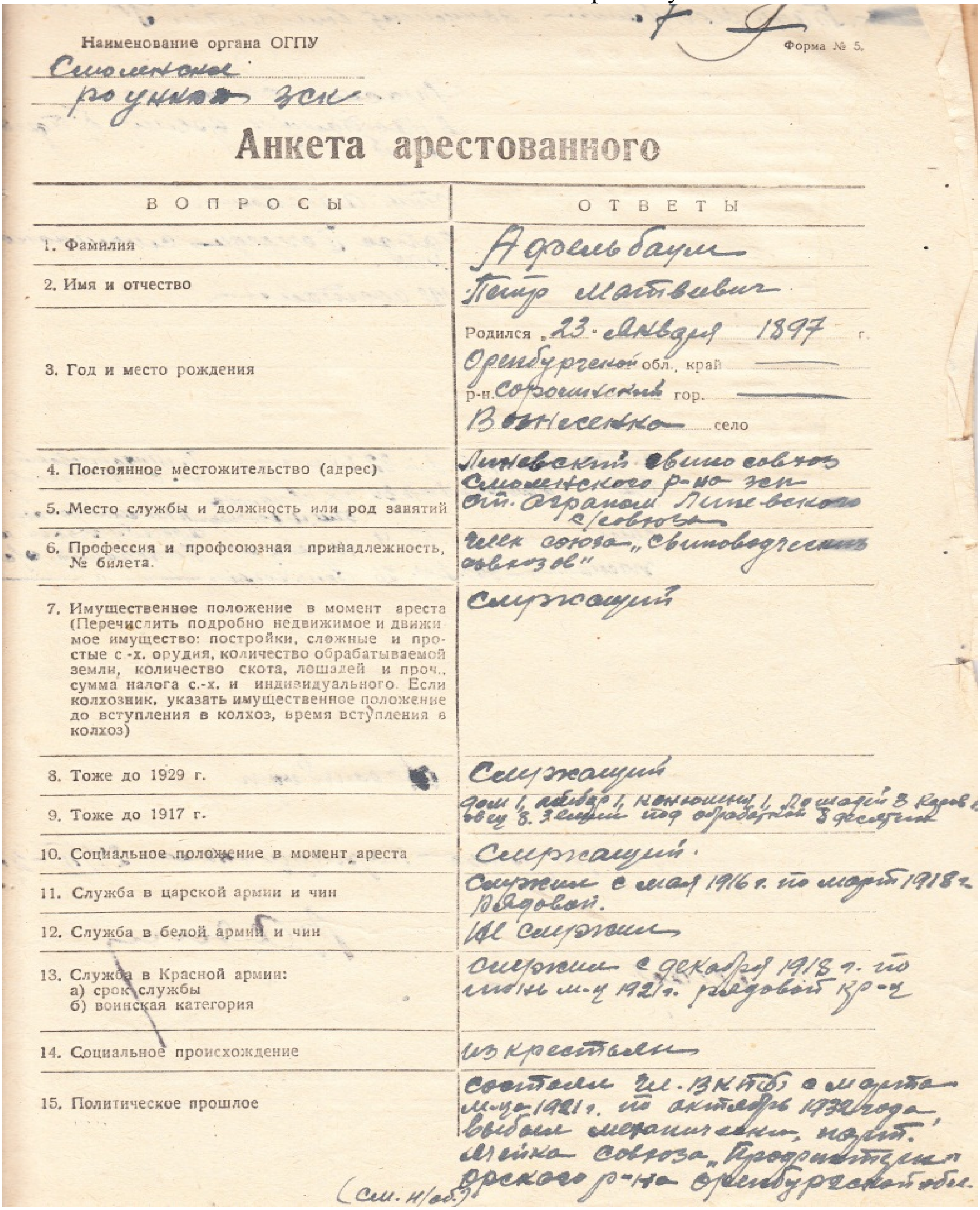
Довожу до Вашего сведения что я вместе с
Старшим агрономом Афельбаумом Пет. Мат.
Линевского Сусовхоза 5 Сентября 1936 г. выехал в
Село Ст. Тырышкино по вербовки рабочей силы,
в пути следования Афельбаум вел Контрреволю=
ционный разговор в троцкистком духе — доказывал
что партия и правительство наше заняли неправильную
позицию в отношении к Испанским событиям.
На основание выше указанного прошу принять
Соответствующие меры

5 Сентября 1936 г. Федоров

[642] ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 15659. Л. 2.

Приложение 5

Анкета обвиняемого П. Афельбаума[643]



Наименование органа ОГПУ Смоленское районное ЗСК

Форма № 5.

Анкета арестованного

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
1. Фамилия	Афельбаум
2. Имя и отчество	Петр Матвеевич
3. Год и место рождения	Родился „23“ января 1897 г. Оренбургской обл., край — р-н Сорочинский гор. — Вознесенка село
4. Постоянное местожительство (адрес)	Линевский свино совхоз Смоленского р-на ЗСК
5. Место службы и должность или род занятий	Отд. агроном Линевского с/совхоза
6. Профессия и профсоюзная принадлежность, № билета.	Член союза „Свиноводческих совхозов“
7. Имущественное положение в момент ареста (Перечислить подробно недвижимое и движимое имущество: постройки, сложные и простые с.-х. орудия, количество обрабатываемой земли, количество скота, лошадей и проч., сумма налога с.-х. и индивидуального. Если колхозник, указать имущественное положение до вступления в колхоз, время вступления в колхоз)	Служащий
8. Тоже до 1929 г.	Служащий
9. Тоже до 1917 г.	дом 1, амбар 1, конюшня 1, лошадей 3, коров [illegible], овец 8, земли под обработкой 3 десятин
10. Социальное положение в момент ареста	Служащий.
11. Служба в царской армии и чин	Служил с мая 1916 г. по март 1918 г. рядовой.
12. Служба в белой армии и чин	Не служил
13. Служба в Красной армии: а) срок службы б) воинская категория	Служил с декабря 1918 г. по июнь м-ц 1921 г. рядовой кр-ц
14. Социальное происхождение	из крестьян
15. Политическое прошлое	Состоял чл. ВКП(б) с марта м-ца 1921 г. по октябрь 1932 года, выбыл механически, парт. ячейка совхоза „Продрабочий“ Орского р-на Оренбургской обл.

(см. н/об.)

[643] ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 15659. Л. 7, 7об.

Продолжение приложения 5

Не имеет парт. документа по состоян на парт. учете в парт организации [illegible] Усерганского совета Зианчуринского р-на Баш. республики документ был утерян.

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
16. Национальность и гражданство	Русский гр-н СССР.
17. Партийная принадлежность, с какого времени и № билета	в настоящее время б/партийный.
18. Образование (подчеркнуть и указать точно, что закончил)	Высшее, <u>среднее</u>, низшее, неграм. Студ. агроном.
19. Категория воинского учета	Запас II очереди Смоленское РВК.
20. Состоял ли под судом и следствием, а также приговор, постановление или определение	Не состоял
21. Состояние здоровья	

22. Состав семьи. Перечислить: отца, мать, сестер, братьев, сыновей и дочерей (Их фамилии, имена и отчества, место службы и должности или род занятий и адрес)

Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Место работы, должность или профессия	Место жительства
сестра	Мамонова А. П.	32	В колхозе	П. Михайловский [illegible] ор. Сорочинский р-н
брат	[illegible] Ан. П.	30	с/х Свердлова зав. [illegible]	[illegible] оренбургской обл.
сын	—"— Вит. П.	4	Не работает	[illegible]
жена	—"— [illegible]	26	дом. хозяйка	—"—

Подпись арестованного [signature]

1. Особые внешние приметы

2. Кем и когда арестован Нач. розыска Картушиным 24/IV-37

3. Особые замечания

Подпись сотрудника, заполнявшего анкету [signature]

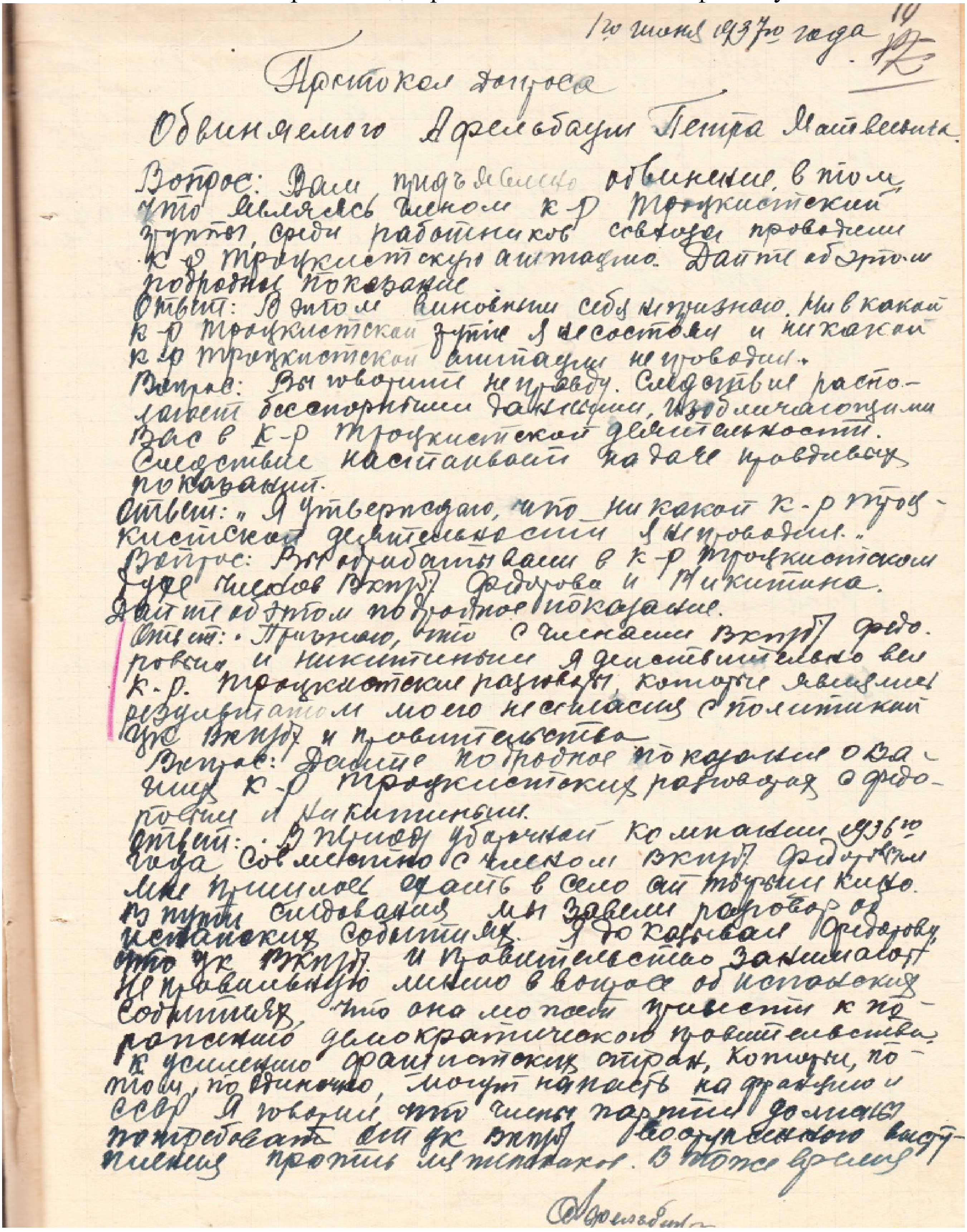
6 мая 1937 г.

ПРИМЕЧАНИЯ: 1. Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется документальными данными.

2. Анкетные данные должны быть проверены в процессе следствия и отражены в обвинительном заключении или заключительном постановлении по делу.

Приложение 6

Протокол допроса обвиняемого П. Афельбаума[644]



1го июня 1937го года 10

Протокол допроса

Обвиняемого Афельбаум Петра Матвеевича.

Вопрос: Вам предъявлено обвинение в том, что являясь членом к-р троцкистской группы, среди работников совхоза проводили к-р троцкистскую агитацию. Дайте об этом подробные показания.

Ответ: В этом обвинении себя не признаю. Ни в какой к-р троцкистской группе я не состоял и никакой к-р троцкистской агитации не проводил.

Вопрос: Вы говорите неправду. Следствие располагает бесспорными данными, изобличающими Вас в к-р троцкистской деятельности. Следствие настаивает на даче правдивых показаний.

Ответ: „Я утверждаю, что никакой к-р троцкистской деятельности я не проводил."

Вопрос: Вы обрабатывали в к-р троцкистском духе членов ВКП(б) Федорова и Никитина. Дайте об этом подробное показание.

Ответ: „Признаю, что с членами ВКП(б) Федоровым и Никитиным я действительно вел к-р. троцкистские разговоры, которые являлись результатом моего несогласия с политикой ЦК ВКП(б) и правительства.

Вопрос: Дайте подробное показание о ваших к-р троцкистских разговорах с Федоровым и Никитиным.

Ответ: В период уборочной компании 1936го года совместно с членом ВКП(б) Федоровым мне пришлось ехать в село за получением кино. В пути следования мы завели разговор об испанских событиях. Я доказывал Федорову что ЦК ВКП(б) и правительство занимают неправильную линию в вопросе об испанских событиях, что она может привести к поражению демократического правительства, к усилению фашистских стран, которые, по моему, поодиночке, могут напасть на Францию и СССР. Я говорил, что члены партии должны потребовать от ЦК ВКП(б) вооруженного выступления против фашистов. В то же время

Афельбаум

644 ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 15659. Л. 10.

Приложение 7

Классификатор занятий репрессированных на Алтае и в Ойротской АО в период с 1 декабря 1934 г. по 30 июня 1937 г.[645]

I. Служащие

1.1. Руководители партийных организаций, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий

1.1.1. Руководящий состав партийных, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий:

- секретарь обкома ВЛКСМ
- секретарь райкома ВКП(б)
- консул СССР в МНР
- председатель Облисполкома, аймакисполкома, РО Осоавиахима
- директор *(заводов, баз, карьеров, комбинатов, трестов, школ, МТС, совхозов, дома отдыха, кинотеатра)*
- **председатель колхоза**, горсовета
- начальник *(управлений, пожарной части, вагонного депо, дистанции ж.д. пути, почты, милиции)*
- заведующий *(облоно, облархивом)*
- управляющий *(приисковым управлением, райлеспродторга)*

1.1.2. Средний руководящий персонал

- начальник, заместитель начальника *(планового отдела, автомастерских, бюро инвентаризации и др., отделов, цехов, автобаз)*
- **заведующий**, заместитель заведующего *(отделами, **магазинами**, пунктами, райзо, МТФ)*
- **председатель сельского совета**
- заместитель директора *(завода, МТС)*
- **заместитель председателя колхоза,** горсовета
- управляющий *(конторой, отделениями)*
- начальник милиции
- технический директор
- секретарь парторганизации
- **прокурор**
- главный инженер *(завода, комбината)*
- главный бухгалтер *(райпотребсоюза, треста, совхоза)*

1.1.3. Прочий руководящий персонал (административный, партийный, профсоюзный):

- профсоюзный работник
- заместитель главного бухгалтера
- парторг
- заместитель главного инженера

1.2. Технический персонал:

- бригадир (кроме сельскохозяйственных)
- **инженер**
- дежурный по станции ж.д.
- **десятник**
- диспетчер, старший диспетчер
- **дорожный мастер**
- **киномеханик**
- **мастер**, помощник мастера
- **прораб**
- **техник**, технорук
- **чертёжник**
- **землемер, землеустроитель, топограф**
- **лаборант**
- контролер
- маркшейдер
- **агроном**, старший агроном, агротехник
- **ветеринарный врач, ветеринарный фельдшер, ветеринарный техник, зоотехник**

1.3. Медицинские работники

- **врач, зубной врач**
- **фельдшер**

1.4. Культурно-политико-просветительский персонал

[645] По материалам: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. С. 104-111.

• завуч школы • **учитель, преподаватель** • **воспитатель *(детдома**, детских яслей)* • культпросветработник, массовик • корреспондент	• ответственный секретарь, **редактор газеты** • **пропагандист** • **переводчик** • фотокорреспондент
1.5. Работники искусства	
• **художник** • сказитель, певец	• **режиссер**
1.6. Юридический персонал	
• секретарь народного суда	• **юрист,** юрисконсульт
1.7. Работники охраны, безопасности	
• оперуполномоченный, помощник оперуполномоченного	• следователь • боец охраны, стрелок охраны, охранник
1.8. Работники связи	
• заведующий радиоузла	• **письмоносец**
1.9. Работники торговли, заготовок и складского хозяйства	
• **заведующий *(базой**, пунктами, **складами, ларьком**, столовыми)* • **продавец** • уполномоченный заготовительной конторы *(комитета, конторы, пункта)*	• товаровед • комендант • прочие работники торговли, заготовок и складского хозяйства *(служащие)*
1.10. Планово-контрольный персонал	
• инспектор, ревизор • инструктор • нормировщик	• плановик • **экономист**
1.11. Работники учёта	
• **бухгалтер**, помощник бухгалтера • **кассир** • **счетовод**	• **статистик** • **учётчик**
1.12. Делопроизводственный персонал	
• делопроизводитель	• секретарь *(сельского совета)*, **секретарь-машинистка**
1.13. Прочие занятия служащих	
• **кладовщик** • **парикмахер** • **фотограф** • **экспедитор**	• **корректор** • завхоз *(МТС, больницы, школы, совхоза)* • прочие занятия служащих *(сотрудник госбанка)*
II. Сельскохозяйственные занятия:	
2.1. Занятия в колхозе:	
• колхозники • **бригадир животноводов** • **бригадир-полевод** • **бригадир молочно-товарной фермы** • **бригадир (сельскохозяйственный)** • заведующий пасекой • завхоз колхоза • **комбайнер** • **конюх**	• **скотовод** • **пастух** • пчеловод • **садовод** • **тракторист** • **прочие сельскохозяйственные занятия** *(в колхозе - кузнец, плотник, портной, слесарь, столяр, сторож, шорник, охотник*)

2.2. Единоличники:

- единоличники

III. Рабочие:

- **автогенщик**
- аппаратчик (мясокомбината)
- **боец** (мясокомбината)
- бригадир *(завода, совхоза, дистанции пути, депо, плотников)*
- **бондарь**
- **буровой мастер**
- буфетчица
- возчик
- **грузчик**
- **дворник**
- **жестянщик**
- **заготовитель**
- **закройщик**
- заправщик транспорта
- зверовод
- **инструментальщик**
- **истопница**
- **каменщик**
- **кондуктор**
- конюх (комбината)
- **кочегар**
- **кузнец**
- кучер
- **ломовой извозчик**
- **маляр**
- **машинист (*депо*, *завода, электростанции)***, помощник машиниста
- **мельник**
- **механик**, главный механик *(завода, совхоза, МТС)*
- **модельщик**
- **молотобоец**
- **монтёр**
- моторист
- **наборщик** *(газеты, типографии*
- обозник
- **осмотрщик вагонов**
- **пекарь**
- объездчик, лесообъездчик
- паромщик
- печник
- **пильщик**
- пимокат
- **плотник**
- **повар**
- **портной**
- **проводник**
- **рабочий *(без указания специальности***, *совхоза, завода, комбината, на ж.д. и т.д.)*
- радиомонтер
- ремонтник
- **сапожник**
- **скотник** (совхоза)
- **слесарь**
- **смазчик**
- **составитель поездов**
- **старатель**
- **столяр**
- **сторож**
- **стрелочник**
- сыровар
- тестомес
- **токарь**
- тракторист (вне сельского хозяйства)
- **уборщица**
- **чернорабочий**
- **шорник**
- **шофер**
- штурвальный (на водном транспорте)
- электрик, электромеханик, электромонтёр
- **электросварщик**

IV. Кустари:

- кооперированные
- некооперированные

V. Военнослужащие:

- красноармеец
- командующий *(батальона, взвода, отделения*), помощник командующего
- комендант
- писарь
- курсант *(военной школы, училища, учебного взвода)*
- стрелок
- техник-интендант

VI. Служители культа:	
• священник • председатель церковного совета • монашка	• псаломщик • церковный староста • сторож церкви
VII. Прочие (нетрудящиеся):	
7.1. Нетрудящиеся:	
• **домохозяйка** • инвалид • пенсионер	• учащийся *(школы, техникума)* • студент
7.2. Деклассированные элементы:	
• без определённых занятий • без определённых занятий и места жительства	• ссыльный • заключённый

Приложение 8

Особенная часть УК РСФСР 1926 г.[646]

Глава первая

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

Контрреволюционные преступления

58—1. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР.

58—1 «а». Измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества.

58—1 «б». Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества.

58—1 «в». В случае побега или перелета за границу военнослужащего, совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества.

Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находящиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет.

58—1 «г». Недонесение со стороны военнослужащих о готовящейся или совершенной измене влечет за собой лишение свободы на десять лет.

Недонесение со стороны остальных граждан (не военнослужащих) преследуется согласно ст.58—12.

58—2. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на месте в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры, влекут за собой высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества.

58—3. Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу пу-

---

[646] Источник: Красноярское общество «Мемориал» // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/05.htm (дата обращения: 12.02.2015)

тем интервенции или блокады, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст.58—2 настоящего Кодекса.

58—4. Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности, влечет за собой лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела или объявления врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда с конфискацией имущества.

58—5. Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности, к блокаде, к захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с Союзом ССР договоров и т.п. влечет за собой меры социальной защиты, указанные в ст.58—2 настоящего Кодекса.

58—6. Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным государствам или частным лицам влечет за собой лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать тяжелые последствия для интересов СССР, высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства СССР и изгнание из пределов СССР навсегда с конфискацией имущества.

Передача, похищение или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, за вознаграждение или безвозмездно, организациям и лицам, указанным выше, влекут за собой лишение свободы на срок до трех лет.

58—7. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях, путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействия их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст.58—2 настоящего Кодекса.

58—8. Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст.58—2 настоящего Кодекса.

58—9. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов или иных сооружений или государственного или общественного имущества влечет за собой меры социальной защиты, указанные в ст.58—2 настоящего Кодекса.

58—10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58—

2, 58—9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст.58—2 настоящего Кодекса.

58—11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы.

58—12. Недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

58—13. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст.58—2 настоящего Кодекса.

58—14. Контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собой лишение свободы на срок не ниже одного года с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела с конфискацией имущества.

Приложение 9

Частоты встречаемости пунктов статьи 58 в сочетании друг с другом[647] (с учетом всех случаев парной встречаемости): по материалам приговоров, вынесенных на Алтае за период декабрь 1934 – июнь 1937 г.

Статья	Фактическая частота встречаемости пунктов ст.58 в сочетаниях (по году ареста)					
	дек.34	1935	1936	1.01. - 30.06.1937	Всего с учетом всех сочетаний	Всего приговоров с упоминанием данной статьи без сочетаний с другими
58-1	0	0	0	30	30	1
58-2	0	11	19	224	254	0
58-3	0	0	0	0	0	0
58-4	18	6	6	4	34	0
58-5	0	0	0	0	0	0
58-6	0	6	9	107	122	21
58-7	0	2	16	145	163	19
58-8	11	8	22	142	183	22
58-9	0	14	7	138	159	20
58-10	30	78	122	293	523	766
58-11	28	49	142	472	691	9
58-12	0	1	2	0	3	14
58-13	1	0	0	2	3	4
58-14	6	48	9	26	89	49

[647] Составлено по материалам БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. . 4-е изд. М., 2007)